

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Смоленский государственный университет»

На правах рукописи

Терещенкова Виктория Викторовна

**ОРГАНИЗАЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РОССИЙСКИХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ
ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата педагогических наук

Научный руководитель:
доктор педагогических наук,
профессор Н.П. Сенченков

Смоленск – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Основная часть.....	29
Глава 1. Педагогико-правоведческие основания организации воспитательной деятельности в российских исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей второй половины XIX–начала XX веков.....	29
1.1 Формирование теоретических основ воспитания несовершеннолетних правонарушителей в отечественной педагогике и психологии второй половины XIX–начала XX веков.....	29
1.2 Разработка правового обеспечения организации воспитательной деятельности в исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей.....	56
1.3 Социально-педагогические основания воспитательной деятельности исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей.....	86
Выводы	105
Глава 2. Педагогизация воспитательного процесса в российских исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей второй половины XIX–начала XX веков.....	109
2.1 Виды воспитательной работы в исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей России во второй половине XIX–начале XX веков.....	109
2.2 Организации воспитательной деятельности исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в Смоленской губернии.....	139
2.3 Особенности перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей в Сторожищенской исправительной колонии-приюте Смоленской губернии.....	183
Выводы	207

Заключение	211
Список литературы	216
Приложения	233
Приложение А. Воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних в Российской империи (с 1 января 1908 года по 1 января 1909 года).....	233
Приложение Б. Проект законоположений об ответственности малолетних и несовершеннолетних преступников, разработанный Н.С. Таганцевым.....	291
Приложение В. Сообщение Н.С. Таганцева о проекте нового закона о малолетних.....	294
Приложение Г. Судебный случай, в котором выражается положение в отечественном законодательстве вопроса о молодых преступниках.....	298
Приложение Д. Об отдаче в исправительные приюты арестантов из несовершеннолетних, состоящих под следствием или судом, и порядок доставления несовершеннолетних в эти приюты (7 ноября 1892 года № 86).....	299
Приложение Е. Общества пособия несовершеннолетним.....	302
Приложение Ж. Распределение воспитанников детских приютов после освобождения.....	314
Приложение З. Письмо Б. Кузнецова, бывшего воспитанника Рязанского ремесленного исправительного приюта, руководству.....	315
Приложение И. Положение о ремесленных отделениях по законам от 21 апреля 1903 года и 16 марта 1904 года при низших общеобразовательных учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения.....	317
Приложение К. Правила для сельскохозяйственных и ремесленных классов имени императора Александра II (на основе казенного имения при селе Тростяницы, Луцкого уезда, Волынской губернии) (упорядочены Главным Управлением Министерства Земледелия	

и Государственных Имуществ по Департаменту Земледелия от 14 сентября 1903 года №23437)	320
Приложение Л. Заседание Четвертого Съезда представителей русских исправительных заведений (г. Москва, 28 августа, 1895 год).....	323

ВВЕДЕНИЕ

Проблема воспитания подрастающего поколения в настоящее время приоритетна в осуществлении государственной политики в сфере образования. В.В. Путин в Указе от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» поручил Правительству РФ обеспечить «воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций» [89].

Значимость воспитания на современном этапе развития общества отражена в Федеральном законе № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” по вопросам воспитания обучающихся» от 31 июля 2020 года, вступившем в силу с 1 сентября 2020 г. Согласно данному закону, «воспитание – деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку... » [95].

Воспитание в данном случае направлено на каждого несовершеннолетнего, независимо от его социального статуса. Поэтому оно напрямую распространяется и на детей, находящихся в специальных учреждениях, в частности, в воспитательных колониях. Безусловно, воспитание является для этой категории детей одним из действенных способов исправления и вхождения в нормальную жизнь. Некоторые из них находятся в группе риска по причине нарушения процесса адаптации к изменяющимся условиям общественной жизни. В силу неполной сформированности ценностных ориентаций, неустойчивости жизненной

позиции, отсутствия понимания ситуации в стране они в определенных обстоятельствах становятся нарушителями закона, что влечет за собой отрицательные последствия как для самого ребенка, совершившего преступление, так и для общества в целом.

Сейчас на государственном уровне проблема воспитания несовершеннолетних правонарушителей в детских колониях регламентирована Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации от 08.01.1997 N1-ФЗ (ред. от 21.12.2021). Согласно данному кодексу, воспитательный процесс в таких учреждениях направлен на «исправление, формирование у осужденных законопослушного поведения, добросовестного отношения к труду и учебе, профессиональное обучение и получение среднего профессионального образования, повышение образовательного и культурного уровня» [88]. Это еще раз подчеркивает актуальность исследования проблемы правонарушений несовершеннолетних и их перевоспитания в историко-педагогическом контексте.

Стоит особо подчеркнуть, что проблема преступности несовершеннолетних находит актуальность не только на уровне политики государства, что выражается в принятии специальных законов, но и в *научной области*. Безусловно, «только расширение диапазона исследования и погружение в глубины изучаемой проблемы, которое обеспечивается расширением методологических подходов, интеграцией разнообразных исследований, усложнением методов и технологий проводимых научных исследований, позволяет достигать оптимальных результатов» [30, с. 66-67].

В педагогике сложились следующие подходы к изучению причин преступности несовершеннолетних: *социологический, антропологический и культурологический*. Согласно социологическому подходу, «преступность несовершеннолетних – это исключительно социальное явление. Дети рассматриваются как жертвы несовершенства или пороков общества, социальной среды» [Там же, с. 59]. Антропологический подход рассматривает преступления несовершеннолетних как биологически

обусловленное явление (например, дурная наследственность). Культурологический подход исходит из положения, что «преступность несовершеннолетних – это антикультурное явление, а точнее, следствие бескультурья, невежества родителей, семьи, всей среды, где живет ребенок» [30, с. 59].

На современном этапе, решая проблему детской преступности целесообразно обратиться к научному потенциалу прошлого, учитывая цикличность происходящих в обществе процессов. В контексте формирования правовых основ системы воспитания детей-правонарушителей, а также исторического становления учреждений исправительного воспитания осуществлены плодотворные исследования, результаты которых выступают основательной научно-теоретической базой (Е.И. Белянкова, Н.М. Гомозов, А.Э. Дубоносова, А.С. Думов, С.А. Ермолаева, С.А. Завражин, Т.В. Кириллова, Е.В. Мишина, О.И. Пospelова, Д.В. Савинкин, В.В. Селянина, И.В. Синова).

Всё это даёт основание констатировать необходимость дальнейшего осмысления и обоснования проблемы преступности несовершеннолетних, что объективно доказывает научную значимость исследования этого феномена.

Практическая актуальность исследования обоснована тем, что в нынешних реалиях детские правонарушения находят широкое распространение в стране несмотря на то, что государством предпринимаются определенные меры. Таким образом, эта серьезная проблема полностью не искоренена. Так, согласно данным Министерства внутренних дел, в России в 2021 году 23507 несовершеннолетних совершили преступления. Из них 16587 человек из числа учащихся и студентов; 5840 человека совершали правонарушения ранее (что свидетельствует о довольно высоком уровне рецидивов) [75]. Это лишь подчеркивает необходимость поиска новых способов решения этой проблемы.

Согласно данным Федеральной службы исполнения наказаний России

(ФСИН), в настоящее время «в России функционируют 23 воспитательные колонии, расположенные в 22 субъектах Российской Федерации. Из них 21 – для содержания несовершеннолетних осужденных мужского пола и 2 (в Белгородской и Томской областях) – для содержания несовершеннолетних женского пола [21], в которых воспитательная деятельность рассматривается как совокупность психолого-педагогических мер, способствующих исправлению осужденных, преодолению их личностных деформаций, их интеллектуальному и физическому развитию, законопослушному поведению и социальной адаптации после освобождения.

В данный момент в Российской Федерации сложилась определенная система организации воспитания несовершеннолетних правонарушителей. В процессе исправления несовершеннолетних правонарушителей важно не только добиваться выполнения ими всех требований и указаний педагогического персонала исправительных учреждений, что, безусловно, является важным при формировании дисциплинированности и ответственности у детей данной категории, но, самое главное, стремиться к изменению их жизненных установок: не быть преступником, а следовать закону. Следовательно, система организации воспитания несовершеннолетних правонарушителей выступает как «один из элементов формирования законопослушного общества современного социально-правового государства, который в условиях гуманизации уголовно-правовых норм требует принципиально новых подходов» [55, с. 18].

Однако, несмотря на это, проблема детских преступлений в стране остается открытой, что свидетельствует о недостаточной эффективности воспитательных мер. Именно поэтому так значимо исследовать историко-педагогические предпосылки проблемы правонарушений несовершеннолетних. В связи с этим актуализируется проблемное поле исследования организации воспитательной деятельности в российских исправительных учреждениях второй половины XIX – начала XX веков. Это направление исследований **получает приоритетное значение, что**

закономерно предопределяет высокий научно-методический уровень актуальности обозначенной проблемы.

Актуальность и значимость рассматриваемого исторического периода обусловлена тем, что в это время в стране так же, как и в настоящее время, возросли случаи совершения правонарушений детьми. В ответ на данную проблему государство поставило важную задачу – устранить преступность несовершеннолетних в Российской империи посредством создания специальных учреждений для этой категории лиц – воспитательно-исправительных колоний-приютов.

В данной связи осуществлённая реконструкция процесса организации воспитания в российских исправительных учреждениях во второй половине XIX–начале XX веков представляет значимость не только для историко-педагогической науки, но и для современной системы образования, юриспруденции и права.

Вместе с тем, несмотря на существенный объем научных данных по рассматриваемой проблеме, не были осуществлены специальные исследования по системному и целостному анализу организации воспитательной деятельности в российских исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей, которые могли бы охарактеризовать особенности перевоспитания детей-преступников и внести значимый вклад для теории и практики современной пенитенциарной педагогики.

Основные дефиниции исследования.

Обращаясь к исследуемому периоду и специфике процесса перевоспитания, мы ориентировались на следующие ведущие понятия: «несовершеннолетние правонарушители», «организация воспитательной деятельности с несовершеннолетними правонарушителями», «исправительные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей».

Несовершеннолетние правонарушители трактуются как лица в возрасте с 17 лет до 21 года, преступившие закон. Данное определение дано с

учетом анализа нормативно-правовых документов, действовавших в изучаемый в рамках диссертации период.

Организация воспитательной деятельности с несовершеннолетними правонарушителями трактуется как создание специальных условий, 1) направленных на предотвращение отклоняющегося поведения определенной категории лиц; 2) корректирующих отрицательное влияние окружающей среды на личность; 3) позволяющих несовершеннолетним адаптироваться к самостоятельной жизни в социуме; 4) носящих систематический и целенаправленный характер.

Исправительные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей – заведения, деятельность которых направлена на воспитание и исправление несовершеннолетних правонарушителей и признание детей, находившихся в социально-опасном положении (сирот, беспризорников).

Хронологические рамки исследования. *Нижняя хронологическая граница – 1861 год.* С этого года в Российской империи начались важные государственные реформы, приведшие к реорганизации общественно-политической жизни, судебная система подверглась изменениям. Тогда же в теории и практике педагогики появляются гуманистические концепции, которые становятся актуальными для воспитательной деятельности с несовершеннолетними. Таким образом, выявляется активное взаимодействие двух систем: общественно-политической и педагогической.

Верхняя хронологическая граница – 1917 год, ознаменовавшийся революционными событиями, приведшими к ликвидации монархии и, как следствие, реорганизации всей общественной системы в Российской империи, что напрямую повлияло и на воспитательную систему в учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей в обозначенный период.

Территориально-региональные границы исследования. Исследование организации воспитательной деятельности в российских

исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей во второй половине XIX – начале XX веков осуществлялось в границах Российской империи. Это обусловлено тем, что в данный исторический период в Российской империи произошли серьезные общественные изменения, повлекшие за собой рост детской преступности. Все это потребовало конкретных преобразований в области пенитенциарной педагогики.

Степень изученности проблемы. Историографический анализ состояния изученности процесса организации воспитательной деятельности в исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей во второй половине XIX – начале XX веков позволяет сделать заключение о наличии нарастающего интереса к изучаемой проблеме у исследователей, начиная со второй половины XIX века до 1917 года и с конца 90-х годов XX века по настоящее время.

На основе осуществлённого системного анализа историко-педагогических публикаций по изучаемой проблематике в процессе исследования **можно выделить три основных историографических периода.**

1. *Первый историографический период охватывает время со второй половины XIX века до начала XX века.* Среди исследователей этого периода необходимо выделить М.В. Шимановского. Ему принадлежит «Очерк возникновения исправительно-воспитательных заведений для малолетних преступников в России» [101]. Фундаментально деятельность воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей была охарактеризована в труде А.Ф. Кистяковского «Молодые преступники и учреждения для их исправления. С обозрением русских учреждений» [41].

2. *Второй историографический период охватывает время с 1920-х по 1990-е годы.* Среди исследователей этого периода нами выделены Н.П. Гришаков, В.И. Куфаев, П.И. Люблинский, С.В. Познышев,

Б.С. Утевский. Работы данных исследователей, безусловно, значимы, однако в полной мере не раскрывали проблему правонарушений несовершеннолетних в Российской империи второй половины XIX – начала XX веков. Позитивные оценки опыта детских исправительных учреждений данного периода рассмотрены в работах 1940-50-х годов (Р.С. Аш, О.В. Казакова, М.Н. Гернет).

В 1960-х годах исследователи М.А. Алемаскина, З.А. Астемирова, Ю.В. Гербеев, К.Е. Игошева, О.В. Неровни, Г.М. Миньковский изучили юридический и педагогический аспекты проблемы детской преступности в Российской империи. Особо нужно выделить труды Ю.В. Гербеева, который в своей работе «Исправительные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей (Историко-педагогическое исследование)» подробно анализирует проблему возникновения исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в дореволюционной России. Поэтому данное исследование представляет особую значимость для изучения вопроса воспитания детей, преступивших закон, в прошлом.

С 1970-х годов в науке появляется много новых имен и работ, в которых представлены различные стороны деятельности учреждений для несовершеннолетних правонарушителей. Среди таких имен необходимо выделить В.К. Андриенко, З.А. Астемирова, Э.И. Дренищеву, А.П. Кондусова, Л.И. Маленкова, Л.С. Халдеева, А.В. Шаммса. Исследователи рассматривали проблему детской преступности современности через призму прошлого, обращаясь к историческому опыту.

В 80-е годы мы выделяем исследования, проведенные И.П. Башкатовым, М.П. Фицулой.

3. *Третий историографический период охватывает время с 1990 -х гг. по настоящее время.* Среди исследователей этого периода необходимо выделить С.А. Завражина, В.И. Игнатенко, В.Н. Машкова, О.В. Филимонова, М.П. Фицулу. Они с педагогической точки зрения изучили проблему правонарушений несовершеннолетних в дореволюционной России.

Среди исследований, посвящённых организации воспитательной деятельности детских колоний-приютов в дореволюционный период, выделим диссертационные исследования: Л.И. Беляевой [3], изучившей, на каких правовых, организационных и педагогических основах осуществлялась деятельность учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи; С.А. Завражина [31], проанализировавшего процесс становления пенитенциарной профилактики, нормативно-правовую базу и научные разработки по проблеме правонарушений несовершеннолетних в дореволюционный период.

Кроме того, стоит отметить диссертационные исследования Е.И. Белянковой [5], определившей основные цели, типы воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей, особенности организации учебно-воспитательного процесса; Н.М. Гомозова [17], представившего общую криминологическую характеристику детской преступности, основные государственные меры в отношении несовершеннолетних правонарушителей в дореволюционной России на законодательном уровне и на уровне открытых исправительных заведений; А.Э. Дубоносовой [27], указавшей, как влияли идеи российских правоведов на основы судопроизводства и исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних в начале XX века; А.С. Думова [28] и С.А. Ермолаевой [30], раскрывших основные подходы к исследованию проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних в России до революции 1917 года; Е.В. Мишиной [47], представившей особенности государственно-правовой деятельности по пресечению правонарушений среди несовершеннолетних; О.И. Поспеловой [59], охарактеризовавшей основные средства воздействия на несовершеннолетних в исправительных заведениях Российской империи; Д.В. Савинкина [66], изучившего специфику трудового воспитания несовершеннолетних правонарушителей в дореволюционных колониях-приютах, В.В. Селяниной [67], проанализировавшей эволюцию социально-правовых основ деятельности воспитательно-исправительных

учреждений, исторический процесс формирования воспитательно-исправительных приютов и колоний и становление социального патроната несовершеннолетних; И.В. Синовой [74], раскрывшей положение детей трудящегося населения в 1861- 1914 гг. через проблемы девиантности и виктимизации.

Также среди современных исследований стоит отметить работы Т.В. Кирилловой, в которых подчеркивается значение пенитенциарного педагогического наследия в воспитании и организации защиты прав несовершеннолетних правонарушителей [35, 39], представлены историко-педагогические аспекты изучения проблем воспитательной работы с осужденными [40], охарактеризованы закономерности воспитательного процесса в исправительных учреждениях [36], раскрыта важность научных исследований по истории организации воспитательной работы [37], представлено отражение гуманистических идей дореволюционных философов в отечественной педагогике [38]. Кроме того, стоит отметить работы И.В. Ульяновой, в которых отражена социально-педагогическая классификация видов отклоняющегося поведения несовершеннолетних [93], обоснованы актуальные направления профилактической и коррекционной работы [90], раскрыта важность профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних в образовательных организациях и охарактеризована гуманистическая педагогическая парадигма в контексте истории и современности (XVII-начало XX в.) [92, 91].

Анализируя степень представленности изучаемой проблематики среди совокупности диссертационных исследований, следует отметить достаточно устойчивый интерес к ней у современных учёных.

Таким образом, осуществлённый историографический анализ позволяет прийти к заключению, что на современном этапе развития общества актуализировалась *проблема необходимости дальнейшей гуманизации воспитательной деятельности в колониях для несовершеннолетних правонарушителей на основе использования*

плодотворного опыта организации воспитания в исправительных учреждениях Российской империи.

Данная **проблема** обуславливается сущностными противоречиями между:

- сформировавшейся устойчивой трактовкой системы перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей, основанной на безукоснительном соблюдении всех правил и требований, и актуальной потребностью в установлении и применении подходов, основанных на гуманном отношении к несовершеннолетнему правонарушителю;

- фрагментарным состоянием изученности организации воспитания несовершеннолетних правонарушителей в исправительных учреждениях Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков и наличием объективной потребности в обобщающем исследовании процесса организации воспитания детей-правонарушителей в данных учреждениях, основанного на гуманистической основе.

Выявленные противоречия позволяют сформулировать **проблему исследования** – на каких подходах основывалась теория и практика организации воспитания несовершеннолетних правонарушителей в исправительных учреждениях Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков?

Актуальность и значимость рассматриваемой проблемы, а также необходимость разрешения выявленных противоречий обусловили выбор темы диссертационного исследования: **«Организация воспитательной деятельности в российских исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей во второй половине XIX–начале XX веков».**

Ведущая идея исследования. В Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. под влиянием глубоких политических, экономических, социальных и культурных трансформаций происходило становление системы гуманного исправительного воспитания

несовершеннолетних правонарушителей. Теоретическим фундаментом воспитания несовершеннолетних правонарушителей являлись труды ведущих отечественных ученых-педагогов, юристов, криминалистов. Воспитательная деятельность в исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей осуществлялась с опорой на нормативно-правовые документы государственного уровня, а также с учетом вариативных подходов на локальные акты конкретного учреждения. Этот процесс ознаменовался открытием детских колоний-приютов. Примером гуманного перевоспитания и исправления несовершеннолетних правонарушителей являлась Сторожищенская исправительная колония-приют, открытая на территории Смоленской губернии в конце XIX века.

Объект исследования – российские исправительные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей во второй половине XIX – начале XX веков.

Предмет исследования – процесс организации воспитательной деятельности в российских исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей во второй половине XIX – начале XX веков.

Цель исследования – сформировать целостное научное представление о процессе организации воспитательной деятельности в российских исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей во второй половине XIX – начале XX веков.

Задачи исследования:

1. Охарактеризовать теоретические основы воспитания несовершеннолетних правонарушителей в отечественной педагогике и психологии второй половины XIX–начале XX веков.
2. Обосновать правовое обеспечение организации воспитательной деятельности в российских исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей.

3. Выявить социально-педагогические основания воспитательной деятельности исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей.

4. Представить системообразующие компоненты воспитательной работы в исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей в России во второй половине XIX–начале XX веков.

5. Проанализировать организацию воспитательной деятельности исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в Смоленской губернии во второй половине XIX–начале XX веков.

6. Установить особенности перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей в Сторожищенской исправительной колонии-приюте Смоленской губернии.

Методологическую основу исследования составляет совокупность подходов двух методологических уровней:

- *Общенаучная методология исследовательской деятельности* базируется на современных трудах в области философии и методологии образования (Е.В. Бережнова, А.Г. Бермус, Б.С. Гершунский, О.С. Долженко, В.В. Краевский, М.А. Лукацкий, А.М. Новиков, В.М. Полонский, Н.Л. Селиванова, В.В.Сериков), посвященных рефлексии оснований отечественной педагогики;

- *Историко-педагогическая методология* исследования базируется на трудах Б.М. Бим-Бада, М.В. Богуславского, Э.Д. Днепров, И. А. Колесниковой, Г.Б. Корнетова, И.Д. Лельчицкого, З.И. Равкина, Н.П. Сенченкова и включает комплекс взаимосвязанных подходов: аксиологический; цивилизационно-парадигмальный; историко-системный.

Специфика исследования, предполагающая изучение значительного исторического периода на основе органичного соединения логического и исторического знания, определила выбор **методов исследования**.

На *теоретическом уровне* были использованы методы теоретического анализа, систематизации, что позволило систематизировать фактологический

материал по проблематике организации воспитания несовершеннолетних правонарушителей в исправительных учреждениях Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв., а также способствовало реконструкции данного процесса.

На предметно–научном уровне использованы следующие методы:

– *Историко-структурный метод* – выявление основных системообразующих компонентов воспитания несовершеннолетних правонарушителей в российских исправительных учреждениях, установление концептуальных основ содержания данного процесса во второй половине XIX – начале XX вв.;

– *Конструктивно-генетический метод* – анализ процесса развития в отечественной педагогике концептуальных основ содержания воспитания несовершеннолетних правонарушителей в исправительных учреждениях, раскрытие специфики исправления этой категории лиц в условиях данных учреждений;

– *Историко-компаративистский метод* – на основе изучения организации воспитательной деятельности в российских исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей во второй половине XIX – начале XX вв. формулирование конструктивных выводов, имеющих актуальное значение.

Источниковая база исследования. В основу формирования источниковой базы исследования были положены различные исторические источники, которые можно распределить по следующим категориям:

1. Законодательные акты и документы нормативного характера в области уголовного права, раскрывающие организацию воспитательной деятельности в исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей во второй половине XIX - начале XX вв. (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, Новое уголовное уложение, Положение о воспитательно-

исправительных заведений для несовершеннолетних, Общее положение об исправительных приютах и земледельческих колониях для малолетних и др.).

2. Официальные статистические материалы, годовые отчеты, уставы, доклады, программы, отражающие особенности организации воспитательной деятельности в исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей во второй половине XIX – начале XX вв. (Отчет о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних в Российской империи, Программа для представления сведений по учебной части, физическому воспитанию, по гигиене и религиозно-нравственному воспитанию и т.д.);

3. Публикации видных отечественных педагогов, юристов, деятелей науки рассматриваемого периода, посвященные проблеме детской преступности в Российской империи: А.М. Богдановского, М.Н. Гернета, Д.А. Дриля, А.И. Емельянова, А.И. Зака, А.Ф. Кистяковского, Н.Н. Маковского, Н.А. Окунева, С.В. Познышева, Н.С. Таганцева, П.Н. Тарновской, Е.Н. Тарновского, чьи теоретические положения обусловили вариативные подходы к осуществлению воспитания несовершеннолетних преступников.

4. Материалы съездов представителей русских исправительных заведений для малолетних, посвященные проблемам организации воспитательной деятельности в детских воспитательно-исправительных учреждениях.

5. Педагогическая публицистика, включающая статьи и обзоры по вопросам воспитания несовершеннолетних правонарушителей в воспитательно-исправительных учреждениях Российской империи.

6. Мемуары.

Научная новизна исследования заключается в том, что совокупность полученных объективных результатов содержит решение существенной научной задачи, которая состоит в характеристике организации

воспитательной деятельности в российских исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей в исследуемый период:

1. Осуществлен содержательный анализ причин возникновения в Российской империи второй половины XIX – начала XX веков исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей, обусловленных значимыми социально-политическими, социально-экономическими, культурологическими условиями и факторами.

2. Определены и охарактеризованы теоретические основы воспитания несовершеннолетних правонарушителей в отечественной педагогике и психологии второй половины XIX–начале XX веков.

3. Представлены социально-педагогические основания воспитательной деятельности российских исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей.

4. Выявлена гуманистическая сущность воспитательной деятельности в исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей в России во второй половине XIX–начале XX веков.

5. Введены в научное обращение новые источники, позволяющие дополнить представление об организации воспитательной деятельности в российских исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей в рассматриваемый исторический период.

Теоретическая значимость исследования состоит:

- в установлении тенденций исследуемого процесса на основе репрезентации педагогически значимых особенностей социально-исторического процесса, опосредовавшего эволюцию развития российской системы воспитания несовершеннолетних правонарушителей в рассматриваемый период;

- в представлении форм и содержания организации воспитательной деятельности в российских исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей во второй половине XIX – начале XX веков.

Представленная в исследовании в целостном виде организация воспитательной деятельности в российских исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей во второй половине XIX – начале XX веков создает предпосылки для адекватной трактовки процесса перевоспитания детей, преступивших закон, и использования его потенциала в современной пенитенциарной педагогике. Сделанные обобщения и выводы по проблеме воспитательной деятельности в данных учреждениях *обогащают историко-педагогическое знание в сфере пенитенциарной педагогики.*

Практическая значимость заключается в том, что:

1. Обобщённые в исследовании положения представляют собой основу для подготовки монографических работ по истории отечественного педагогического образования.

2. Результаты осуществлённого историко-педагогического исследования могут быть применены в процессе подготовки педагогов пенитенциарной области, в методических материалах, программах современных воспитательно-исправительных учреждений.

3. Материалы исследования могут быть использованы в учебном процессе педагогических учебных учреждений:

– при изучении дисциплин «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и «Преступность несовершеннолетних»;

– при формировании и реализации программ по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» (уровень бакалавриат) с профилем «История и право», 44.03.02 «Психолого-педагогическое образование» (уровень бакалавриат) с профилем «Психология и социальная педагогика», 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриат) с профилем «Юрист общей практики», 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность» (уровень бакалавриат) с профилем «Судебная деятельность/прокурорская деятельность», 40.04.01 «Юриспруденция»

(уровень магистратура) с профилем «Уголовное право, уголовный процесс», 39.03.02 «Социальная работа» (уровень бакалавриат) с профилем «Социальная работа в государственных и негосударственных организациях»;

– при подготовке соответствующих разделов учебников и учебных пособий для студентов педагогических и юридических вузов: «Преступность несовершеннолетних», «Криминология», «Уголовное право России»;

- для подготовки и проведения спецкурсов и семинаров по проблематике преступности несовершеннолетних;

- в процессе организации и проведения производственной практики бакалавров и магистрантов в учреждениях ФСИН.

Этапы исследования. Исследование осуществлялось с 2019 по 2022 гг.

1. На первом этапе научной работы (2019 г.) формировалась *эмпирическая модель исследования*: была определена тема исследования и осуществлено изучение степени её разработанности в историко-педагогических исследованиях; выявлялась основная проблематика исследования, уточнялась логика его осуществления, были сформулированы цели и конкретные задачи исследования; обосновывался выбор хронологических границ; был определён документационный комплекс исторических источников, осуществлялись первичное обобщение и систематизация источникового материала.

2. На втором этапе научной работы (первая половина 2020 г.) формировалась *гносеологическая модель исследования*: установленный методологический инструментарий был применён к анализу историко-педагогического материала, который составили разнообразные документальные источники, отражающие проблему воспитания несовершеннолетних правонарушителей на протяжении рассматриваемого исторического периода; проводился источниковедческий анализ и осуществлялось историко-педагогическое осмысление документационного комплекса по исследуемой проблеме.

3. На третьем этапе научной работы (вторая половина 2020 г.) формировалась *историко-педагогическая модель исследования* – происходило ретроспективное осмысление исследуемого процесса; осуществлялись систематизация и классификация материалов, их теоретическое осмысление, коррекция и уточнение логики исследования.

4. На четвёртом этапе научной работы (первая половина 2021 гг.) формировалась *теоретическая модель исследования* – осуществлён анализ теоретического материала.

5. На пятом этапе научной работы (вторая половина 2021 г – первая половина 2022 г.) формировалась *методологическая модель исследования* – на новом научном уровне были отрефлексированы ранее полученные результаты; осуществлялись обобщение материалов исследования, подведение итогов и оформление текста диссертации, публикация статей по теме исследования.

Результаты исследовательской работы были апробированы и внедрены посредством публикации его промежуточных выводов в научных статьях по обозначенной проблематике. Всего диссертантом опубликовано 30 работ общим объёмом 12,55 п. л. (авторский вклад 8,97 п. л.), из них 30 научных статей (12,55 п. л., авторский вклад 8,97 п. л.).

Основные положения исследования докладывались на:

- *Международных форумах*: II Международном научно-образовательном форуме «Миссия университетского педагогического образования в XXI веке» (Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, 2020), VI Международном форуме по педагогическому образованию (Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2020); Втором международном психолого-педагогическом форуме «Традиционное образование и технологические вызовы современности» (Смоленск, Смоленский государственный университет, 2021).

- *Международных научных конференциях*: XIV, XV и XVI Международных научных конференциях «Учитель и время», посвященных

памяти А.Е. Кондратенкова (Смоленск, Смоленский государственный университет, 2019, 2020, 2021), «Актуальные вопросы науки и образования: теоретические и практические аспекты» (Кишинев, 2020), «Научные исследования XXI века: теория и практика» (Прага, 2020), «Актуальные проблемы современной науки: теория и практика» (Нефтекамск, 2020), IV Международной научной конференции «Философские и методологические проблемы исследования российского общества» (Москва, Российский университет транспорта, 2020), Международной научно-практической конференции – XXXIV сессии Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки при отделении философии образования и теоретической педагогики Российской академии образования (Саранск, Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева, 2021), Вторых Международных историко-педагогических чтениях «Потенциал историко-образовательного знания в психолого-педагогической подготовке будущего учителя» (Москва, Московский педагогический государственный университет, 2021), Международной научно-практической online-конференции «Феномен границы в глобализирующемся мире» (Витебск, Республика Беларусь, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, 2020), Международной научно-практической конференции «Образование в изменяющемся мире: глобальные вызовы и национальные приоритеты» (Великий Новгород, Институт непрерывного педагогического образования Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, 2020), II Международной научно-практической конференции «Наука-практике» (Барановичи, Республика Беларусь, Барановичский государственный университет, 2021);

- *Всероссийских научно-практических конференциях:* VIII всероссийской научно-практической конференции «Психология когнитивных процессов» (Смоленск, Смоленский государственный университет, 2019), V и VI всероссийской научной конференции студентов

«Молодежь и наука: актуальные проблемы педагогики и психологии» (Смоленск, Смоленский государственный университет, 2020, 2021), «Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность» (Смоленск, Смоленский государственный университет, 2020), «Многонациональная Россия: вчера, сегодня, завтра» (Смоленск, Смоленский государственный университет, 2020);

- *Межрегиональных научных конференциях: XIV ежегодной научной сессии аспирантов и молодых ученых* (Вологда, Вологодский государственный университет, 2020).

Положения и выводы диссертации прошли обсуждение на заседаниях кафедры педагогики и психологии Смоленского государственного университета (2019 – 2022 гг.).

Исследование получило поддержку научного фонда: РФФИ – проект «Внедрение методологических подходов организации воспитательной работы в колониях-приютах для несовершеннолетних правонарушителей России второй половины XIX – начала XX веков в современные специальные учреждения для детей-правонарушителей» №20-313-90023 (2020-2022).

Личный вклад автора состоит в том, что организация воспитательной деятельности в российских исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей во второй половине XIX – начале XX веков представлена в целостном и системном виде: определены теоретические основы организации воспитания несовершеннолетних правонарушителей в отечественной педагогике и психологии второй половины XIX–начале XX веков.

Степень достоверности и обоснованности результатов и выводов исследования обеспечивается опорой на системный характер его теоретико-методологических оснований; многообразием источникового материала исследования; использованием системы исследовательских методов, адекватных предмету, цели и задачам исследования;

преемственностью и последовательностью в реализации исходных теоретических положений.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Тема диссертационного исследования и результаты диссертационной работы соответствуют требованиям паспорта специальности 5.8.1 – общая педагогика, история педагогики и образования: история развития педагогической науки и образовательной практики (анализ исторического развития практики образования; становление и развитие научно-педагогических идей, концепций, теорий; монографическое изучение педагогического наследия выдающихся педагогов прошлого; развитие педагогической лексики и терминологии).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Формирование теоретических основ организации воспитания несовершеннолетних правонарушителей в отечественной педагогике и психологии второй половины XIX – начала XX веков происходило под влиянием увеличившегося количества детских преступлений. Воспитательная деятельность в российских исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей была основана на ряде вариативных междисциплинарных подходов, разработанных отечественными учеными: социологическом (С.В. Познышев, Е.Н. Тарновский), правовом (А.Ф. Кистяковский, А.М. Богдановский, Н.С. Таганцев), культурно-антропологическом (М.Н. Гернет, Д.А. Дриль, А.И. Емельянов, А.И. Зак, Н.Н. Маковский, Н.А. Окунев, С.С. Остроумов, С.В. Познышев, Д.Г. Тальберг, П.Н. Тарновская).

2. Во второй половине XIX – начале XX веков стало продуктивно разрабатываться правовое обеспечение организации воспитательной деятельности в российских исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей. Совершенствование системы уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей повлекло за собой отказ от карательного воспитания. Данная тенденция была

рельефно обозначена в документах государственного уровня и в локальных актах конкретных учреждений.

3. Гуманизм и ориентация на личность ребенка стали фундаментом организации воспитательной деятельности в исправительных учреждениях с конца XIX века, что ознаменовало переход на новый, личностно-ориентированный этап организации исправления несовершеннолетних правонарушителей. При реализации перевоспитания в российских исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей одной из ключевых составляющих являлась воспитательная деятельность, направленная на адаптацию несовершеннолетних правонарушителей к самостоятельной жизни в социуме, нивелирование отрицательного влияния факторов окружающей среды (социально-экономического, культурного, воспитательного и др. характера) на их личность, а также предотвращение преступного поведения после освобождения.

4. Ведущей тенденцией процесса исправления несовершеннолетних правонарушителей являлось комплектное воздействие на личность воспитываемого. Это достигалось посредством системообразующих компонентов нравственного, трудового, умственного и физического характера. Помимо учреждений, имевших прямое исправительное назначение, воспитательными учреждениями для несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи являлись детские приюты, женские семинарии и рукодельные школы, которые сдерживали распространение темпов преступности среди несовершеннолетних.

5. Изучение опыта организации воспитательной деятельности региональных исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в Смоленской губернии свидетельствует о том, что данный процесс был систематизирован, основывался на общих тенденциях организации деятельности детских воспитательно-исправительных учреждений второй половины XIX – начала XX вв., был направлен на социализацию несовершеннолетних правонарушителей, их нравственное

исправление и возвращение в нормальную социальную среду законопослушными гражданами.

6. Особенности перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей в Сторожищенской исправительной колонии-приюте Смоленской губернии заключались в том, воспитательная деятельность в данном исправительном учреждении строилась с опорой на гуманистический принцип и ориентацию на личность несовершеннолетнего правонарушителя. В учреждении была четко организована система воспитательных мер, под воздействием которой достигались педагогические цели. Важным элементом при организации эффективного перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей в Сторожищенской исправительной колонии-приюте являлась неформальная составляющая педагогического процесса. Она заключалась в том, что, помимо выполнения разного рода инструкций и уставов, педагогический персонал учреждения организовывал «живой» воспитательный процесс, заключающийся в открытом общении с несовершеннолетними в колонии. Взаимодействие между организацией учреждения и воспитанниками было основано на доверительных отношениях, лишенных ненужного формализма. Это являлось мощным фактором исправления.

Структурно диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, содержащего 151 источник, и приложений. Общий объём исследования составляет 324 страницы.

ГЛАВА 1. ПЕДАГОГИКО-ПРАВОВЕДЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКИХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX–НАЧАЛА XX ВЕКОВ

1.1 Формирование теоретических основ воспитания несовершеннолетних правонарушителей в отечественной педагогике и психологии второй половины XIX–начала XX веков

К концу 50-х годов XIX века в Российской империи возникла необходимость серьезных перемен. Вторая половина XIX века ознаменовалась рядом важных для страны реформ. Как отмечает член-корреспондент РАО, профессор М.В. Богуславский «проводимые реформы были ориентированы «сверху-вниз», иными словами, они не являлись следствием постепенной эволюции политической и социальной жизни России, пришедшей к своевременному переходу на новый уровень развития, а организовывались на неподготовленной почве, быстрыми темпами, в условиях вынужденного форсирования событий. Это явилось одной из причин массовых недовольств населения политикой государства, что мешало полноценной реализации проводимых реформ и в целом негативно сказалось на дальнейшей истории Российской империи» [8, с. 15].

По мнению исследователей Т. Сергейцева, Д. Куликова и П. Мостового, «политическим, экономическим и социальным стержнем всего комплекса реформ стала крестьянская реформа – сердце всей либерально-освободительной политики Александра II» [72, с. 196]. Власть начала осознавать, что крепостнический режим изжил себя. 19 февраля 1861 года манифест отменил крепостное право в Российской империи.

Как отмечает В.С. Орлов, «после реформы 1861 года царская Россия окончательно вступила на путь буржуазного развития. Правда, путь этот был

таким, при котором сохранялись значительные пережитки крепостничества и в экономике, и в политическом строе страны, при котором помещичье хозяйство медленно перерастало в «буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы при выделении небольшого меньшинства «гроссбауэров» (крупных крестьян)» [52, с. 138].

Под влиянием реформ государственной системы Российской империи со второй половины XIX века происходят серьезные изменения во всех сферах жизни общества. Ученый-историк, политолог В.А. Никонов подчеркивает, что в этот период «власть активно реформировала страну. Но она сталкивалась с огромным сопротивлением всего социального тела, всей российской почвы. Тысячелетние традиции, устои народной культуры, православная вера – все восстало против ценностей неумолимо наступавшей промышленно-городской цивилизации, вязало реформаторов по рукам и ногам. Россия не хотела меняться. И менялась» [48, с. 35].

Несмотря на то, что крепостное право закончилось, но формально страна была разделена на сословия: 1,5% населения приходилось на дворянство, 0,5% составляло духовенство, 17% – городские жители, 1% – армия, 0,2 – разночинцы. Превалирующей частью населения Российской империи были сельские жители (более 80%) [Там же]. Этот социальный слой острее всех реагировал на происходившие в обществе процессы. В.А. Никонов отмечает, что «настоящим бичом российского общества стало аграрное перенаселение, число лишних рабочих рук на селе оценивалось в половину от общего количества занятых в сельском хозяйстве» [Там же].

На этом социально-экономическом фоне во второй половине XIX века в Российской империи актуализировалась проблема детской преступности, обусловленная факторами общественно-политического, социально-экономического, культурного характера.

Данная ситуация была актуальна для Российской империи второй половины XIX века по причине глубоких государственных изменений.

А.А. Стерлягов, судя об экономическом развитии Российской империи после отмены крепостного права, отмечал, что «нигде в Европе не проявлялись так ярко, как в России, социальные контрасты: города с огромными фабриками, электростанциями, большими зданиями сосуществовали рядом с маленькими глухими деревушками, где жители ходили в лаптях и домотканой одежде, пахали прадедовской сохой и убирали урожай серпами» [76, с. 190-191].

Жизнь русского народа оказалась настолько реформирована «в условиях вынужденного форсирования событий», что **появились группы дезадаптированных людей**. В этот период среди населения появлялись такие категории, которые не могли адаптироваться к резко реорганизованному социуму.

Во второй половине XIX века, ознаменовавшейся юридическим «освобождением», но в то же время, как это не парадоксально, и сильным экономическим закабалением крестьянского населения, количество социально неблагополучных семей увеличивалось. Как итог, в таких семьях страдали дети, так как родители в большинстве случаев не могли выполнять свои родительские обязанности. По мнению Д.А. Дриля, это были семьи «расшатанные в самых ее устоях с ее раздорами, пьянством, безнравственностью и часто порочностью самих родителей. Благотворное, морализующее влияние правильно организованной семьи и правильного брака, как на супругов, так и на подрастающее поколение в такой среде уничтожалось.

При таких условиях существования семья часто становилась тяжелой обузой, вследствие чего часто разрушалась, и ее члены существовали раздельно. Число кратковременных незаконных связей и незаконных рождений увеличивалось, и дети часто с самого рождения попадали в число брошенных, а в лучших случаях нравственно заброшенных. В практике московского общества пособия несовершеннолетним был случай, когда отец и его два маленьких сына нищенствовали и бродяжничали самостоятельно и раздельно и только случайно сходились иногда в одних ночлежных приютах

и берлогах» [25, с. 262]. Поэтому данная ситуация нередко вела к увеличению числа лиц, совершавших правонарушения. К сожалению, таковыми часто становились и несовершеннолетние.

Следствием сложившейся в Российской империи ситуации стал рост детской преступности. Как отмечает исследователь Е.В. Мишина, «при изучении любого природного или же социального явления важно понять его сущность, причины возникновения и существования. Рассматривая проблему социально-экономических факторов, способствующих совершению правонарушений несовершеннолетними, необходимо помнить о соотношении и взаимосвязи различных социальных факторов преступности, а также конкретных причинах преступности из анализа событий и процессов, происходивших в Российской империи в указанный временной период» [47, с. 39-40].

При этом один болезненный социальный процесс порождал другой. Именно поэтому ко второй половине XIX века преступность несовершеннолетних стала для страны настоящей проблемой. Данная ситуация вызывала сложности не только в крупных городах Российской империи, но и в губерниях. Привычные для всего населения условия поменялись настолько быстро, что было крайне трудно приспособиться к ним и научиться решать появившиеся после долгожданного «освобождения» крестьян социально-экономические проблемы. Дети из семей бывших крепостных в данном случае страдали не меньше взрослых. И если дети «образованных и достаточных родителей, могущих, кроме нравственного воспитания, доставить им средства для правильного образования» [100, с. 3] в этот непростой период были мало уязвимы (хотя в редких случаях и они становились нарушителями закона, но скорее не от большой нужды, а из-за детского интереса, влияния друзей и др.), то несовершеннолетние из крестьянских семей в определенной мере были заложниками нового общественного уклада.

В.И. Чаславский четко указал причины детской преступности – «тяжелый удел достается на долю бедных сирот и таких детей, которых родители впали в безвыходную бедность, разврат или преступления. Непривлекательная жизнь встречает их в самом нежном возрасте. Удушливая среда губит их молодые силы, портит и обезображивает их нравственный характер. Недостаток материальных средств не дает им возможности научиться какому-либо полезному ремеслу. При неумении и невозможности заработать себе пропитание, им остается один путь: нищенство, затем бродяжество, воровство и т.д.» [100, с. 3-4].

Безусловно, политические, социально-экономические факторы определили возникновение проблемы детской преступности в Российской империи после отмены крепостного права. А. Д. Коротнев указывал на то, что «у ребёнка не было крова, куска хлеба; за то, что он был всеми покинут, никому до него не было дела; за то, что он с колыбели был окружён нищетой, дурными советами, дурным примером, не имея ни средств, ни возможности различить добро от зла, ребёнок совершал преступление бессознательно, у него не может быть и борьбы с совестью... Для детей, выросших в такой обстановке, делается невозможным нравственная оценка поступка; не имея ни возможности, ни умения помочь себе трудом, они идут просить милостыню, или лишённые самого необходимого, и, видя вокруг себя довольство, до которого им нельзя дотронуться, как к самому лёгкому способу удовлетворения своих потребностей, и мы видим, что большая часть поступков, в которых обвиняются дети, заключаются в мелкой краже, преимущественно предметов первой необходимости, съестных припасов, одежды, мелких сумм денег и т.п.» [42, с. 50-51].

Показательны статистические данные, свидетельствовавшие о том, что ко второй половине XIX века детская преступность приобрела значительные масштабы (Таблица 1) [3, с. 83].

Таблица 1 – Количество несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи в 60-е годы XIX века

Возраст	1860	1861	1862	1863	1864	1865	1866	1867
10-17 лет	830	1167	972	1223	1201	1035	864	717
17-21 год	6342	7087	7662	8303	7960	7342	7025	4356

Исходя из представленных данных несовершеннолетние в возрасте с 17 до 21 года были наиболее подвержены совершению правонарушений. Однако, случаи преступного поведения среди детей с 10 до 17 лет также происходили довольно часто. Это лишь подтверждает тот факт, что в первые годы реформирования общества преступность среди несовершеннолетних приобрела значительные масштабы.

Именно с середины XIX века в зарубежной и отечественной науке начали разрабатываться подходы, рассматривавшие с различных аспектов проблему преступного поведения несовершеннолетних. Они основывались на данных педагогики, социологии, культурологии, антропологии, физиологии, психологии. Критерием выделения данных подходов является рассмотрение проблемы преступности несовершеннолетних с точки зрения таких категорий, как «человек», «общество», «закон», «культура». Исходя из этого нами выявлены следующие подходы: социологический, правовой, культурно-антропологический.

1. Социологический подход рассматривал обозначенную проблему через призму «общество-несовершеннолетний». Здесь ответственность за ребенка берет на себя государство. Если же он преступает закон, то в этом исключительно вина той общественно-политической системы, которая сложилась в определенный момент времени в Российской империи. Они предлагали государству вести работу по преодолению социально-экономической напряженности в Российской империи, что заметно снизило бы уровень бедности.

В рамках данного подхода специально изучались особенности государственного строя, его влияние на все слои населения. Анализировалось воздействие порочности общества и неграмотного политического управления на жизнь незащищенных слоев населения, а именно несовершеннолетних, беспризорных детей, сирот, малолетних из материально необеспеченных семей.

Представителями социологического подхода в отечественной науке являлись Е.Н. Тарновский и С.В. Познышев, которые видели тесную связь между материальной обеспеченностью семьи и детскими правонарушениями. Они полагали, что **детские правонарушения вызваны особенностями общества, т.е. процессы, происходящие в социуме, оказывали непосредственное воздействие на несовершеннолетних. Те же, в свою очередь, нередко реагировали на них нарушением закона.** По их убеждению, чем ниже экономические возможности родителей, тем меньше у них было возможностей обеспечить ребенка необходимыми вещами, удовлетворить его потребности. Следовательно, это приводило к тому, что несовершеннолетний сам решал эту проблему незаконными способами.

Е.Н. Тарновский был убежден, что тяжелая экономическая ситуация в обществе являлась фактором, ведущим к увеличению масштабов детской преступности. Он выявил, что в период с 1891 по 1893 год в 83% случаев несовершеннолетние *совершали именно кражи*. Это объяснялось тем, что при невозможности удовлетворения материальных потребностей дети решались на подобного рода правонарушения [82].

Юрист и психолог *С.В. Познышев* считал, что «если преступность взрослых можно считать патологическим явлением общественной жизни, то с еще большим правом можно сказать то же о преступности несовершеннолетних. Развитие этой преступности всегда служит зловещим симптомом, указывающим, что где-то там, в глубине общества протекает и часто обостряется какой-то болезненный процесс» [102, с. 93].

С.В. Познышев выявил основные причины, приводившие ребенка на преступный путь:

- плохая наследственность,
- неблагоприятная обстановка, в которой рос и развивался несовершеннолетний,
- отсутствие контроля со стороны взрослых.

Также ситуация обострялась тем, что многие из детей-преступников, согласно исследованиям *С.В. Познышева*, являлись либо сиротами, либо росли в бедных семьях. Следовательно, основные потребности личности не удовлетворялись, а чтобы получить желаемое, несовершеннолетние были вынуждены использовать противозаконные методы. Отдельной группой риска он выделил незаконнорожденных детей и детей, чье происхождение было неизвестно. Они (в силу сложившихся обстоятельств) почти не имели возможности жить достойно, отношение общества к такой категории несовершеннолетних было предвзятым и нередко жестоким, что отрицательно влияло на них и формировало озлобленных, дезадаптированных личностей [57].

М.В. Теодорович отмечает, что «рост детской преступности страшен не только сам по себе как показатель глубокого морального падения целых слоёв детского населения, он имеет и другую сторону. Из ребёнка, вступившего на путь порока, не может сделаться честный человек; падая всё ниже, он, становясь взрослым, обычно превращается в преступника-рецидивиста. Следовательно, усиление преступности означает увеличение армии взрослых преступников» [83, с. 1].

Выразители социологического подхода видели решение данной проблемы в изменении социальной политики государства, акцентировали внимание на изменении отношения общества к несовершеннолетним на более чуткое и ответственное, на защите прав детей, что выражалось в охране их интересов, возможности получения образования [15; 20; 32; 57].

Таким образом, социологический подход был актуален среди научных деятелей, юристов Российской империи при рассмотрении проблемы преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Исследователи утверждали, что социальные факторы в большей степени актуальны при анализе преступлений, совершаемых против собственности и материальных благ [96]. Однако, не стоит уменьшать их значение при рассмотрении других детских девиаций.

Стоит отметить, что данный подход нашел свое практическое применение при организации воспитания детей-правонарушителей в исправительных учреждениях для несовершеннолетних.

1. В конце XIX – начале XX века в русской научной мысли был актуален **правовой подход**, представителями которого являлись А.М. Богдановский, А.Ф. Кистяковский, Н.С. Таганцев. Интерес к данному направлению был обоснован расширением масштабов детской преступности. Исследователем А. Э. Дубоносовой отмечается, что русские юристы активно изучали опыт других стран по борьбе с правонарушениями несовершеннолетних, посещали детские колонии, изучали деятельность судов по делам с данной категорией лиц [27]. Ими была глубоко рассмотрена и проанализирована данная проблема и ее причины. Юристы отмечали, что они кроются не только в возрастных и личностных особенностях несовершеннолетних преступников, но также в окружающей их среде. Вторая является основной детерминантой детских правонарушений и в большей степени их определяет.

Так, выдающийся юрист А.Ф. Кистяковский был убежден, что «преступность малолетних имеет свою причину не в одной незрелости разума и слабости воли: то и другое является только хорошим проводником преступности. Причина же лежит вне самого малолетнего субъекта, в среде, обстоятельствах его окружающих и прививающих ему преступность» [41, с. 7]. Они подробно представлены правоведом в его труде «Молодые преступники и учреждения для их исправления, с обзором русских

учреждений» (1878 год), где выделены следующие причины правонарушений несовершеннолетних:

«Первая: развращенность родителей значительного числа сих детей. Нищенство, бродяжество, совершение преступлений сопровождают самые ранние годы их. Что же могут они другое породить в делах как не преступные наклонности и привычки. Привитие заразы преступления извне у малолетних преступников этой категории для простого невооруженного глаза очевидно. *Вторая:* полнейшее пренебрежение нравственным и умственным воспитанием, обучением малолетних и отсутствие надзора за их поведением. Такие дети оставлены бываюот на произвол судьбы, отданы на волю непосредственных впечатлений и необдуманых чувственных побуждений. Если яд преступности не прививается им непосредственно и активно родителями, то он развивается вследствие полного отсутствия нравственного ухода за детьми, вследствие заброшенности и оставления их на произвол судьбы. *Третья:* нищета и неудовлетворение самых насущных потребностей. Если то и другое бывает причиною преступления даже у взрослых; тем более это должно сказать о малолетних, о тех существах, у которых физические побуждения действуют всепобеждающим образом, и которые лишены и способности, и возможности приобретать средства удовлетворения самых обыкновенных потребностей» [41, с. 11].

Итак, А.Ф. Кистяковский считал, что основными детерминантами детской преступности являлись аморальное социальное окружение, отсутствие воспитания и ухода за несовершеннолетними в их семьях, экономическая нужда и невозможность удовлетворения потребностей. В его идеях заложены гуманистические тенденции, так как ребенок-правонарушитель здесь рассматривается как жертва сложившихся обстоятельств. Немаловажным является то, что русский юрист подчеркивал необходимость перевоспитания данной категории детей в исправительных учреждениях. По его мнению, эта мера была способна вернуть

несовершеннолетних преступников к нормальной жизни, несла в себе предупреждающую рецидивы направленность.

Русские правоведы были уверены, что государство должно обратить свое внимание на данную проблему и организовать систему определенных мер. Известный юрист А.М. Богдановский, рассуждая о причинах детской преступности, отмечал: «Итак, дети преступника, нищего, бродяги или публичной женщины, подкидыши, найденыши, сироты, немогущие иметь по самому положению своему никакого воспитания и правильного понятия о труде, – словом, бродяги нищие как бы по определению: – вот то положение, в котором выступают малолетние так часто на жизненное поприще. Лишенные крова и надзора родительского, понятно, они должны стать бродягами; лишенные родительского попечения и средств к жизни, понятно, они станут нищими и ворами.... Брошенный семьей, часто развратною и преступной, или, по необходимости оторванный от нее, малолетний должен удовлетворять самостоятельно своим потребностям, добывать собственными силами свое дневное пропитание» [7, с. 42].

Данный деятель указывал на то, что несовершеннолетние не имели трудовых навыков, соответствующих знаний, зачастую они не были готовы к работе физически. Это вынуждало их заниматься попрошайничеством. Однако, подаяния редко позволяли детям удовлетворить свои потребности, поэтому они постепенно переходили к мелкому мошенничеству, а далее – к кражам. Следовательно, так несовершеннолетние превращались в преступников. А.М. Богдановский подчеркивал, что в такой обстановке у них не появлялось новых знаний, умений, а лишь укоренялось желание и дальше воровать и совершать правонарушения. Юрист заключил о ребенке, жившем в подобных условиях, что «бродяжническая жизнь сделала его лентяем и циником» [Там же, с. 43].

Правовед изучил и проанализировал европейское законодательство о детской преступности. Также он рассматривал нормативно-правовые акты Российской империи, касающиеся данного аспекта. Взгляды

А.М. Богдановского на законы Российской империи конца XIX – начала XX века в отношении несовершеннолетних преступников несут в себе гуманистические тенденции. Он полагал, что ребенок должен отвечать за свои проступки перед судом лишь с 14 лет. До наступления этого возраста к ребенку-правонарушителю необходимо применять меры предупреждения. Если же несовершеннолетний совершал преступление в возрасте от 14 до 21 года, то «должен бы ставиться и решаться вопрос о разумении, при отсутствии которого несовершеннолетний преступник должен быть подвергнем только задержанию в особых исправительных заведениях, а при наличии – хотя и наказанию, но такому, которое исключительно было бы направлено на исправление его и подчинялось бы в широких размерах условному сокращению» [7, с. 91].

А.М. Богдановским были разработаны возрастные ступени в отношении несовершеннолетних правонарушителей, влияющие на характер их наказания:

1. Детство, первый период, когда у ребенка лишь формируется сознание, волевые качества еще слабые. Юрист утверждал, что в этот период нельзя применять по отношению к несовершеннолетнему преступнику наказание, так как он еще не сформировался как личность, следовательно, не способен отвечать за свои поступки;

2. Отрочество, период, когда несовершеннолетний правонарушитель осознает, что нарушает закон, но не может объяснить самому себе, зачем он поступает таким образом. Он является человеком, не до конца самоопределившимся. Назначать наказание возможно, если у ребенка полностью сформировано сознание, процесс самоопределения завершен. Однако, при отсутствии данных условий наказание смягчается или вообще не назначается;

3. Юность является условием смягчения наказания. Это объясняется специфическими характеристиками несовершеннолетнего правонарушителя в этот период.

Итак, анализируя разработанные данным деятелем возрастные ступени, необходимо подчеркнуть их гуманистическую направленность в отношении несовершеннолетних правонарушителей. А.М. Богдановский указывал, что всегда существуют обстоятельства, способные отменить наказание или уменьшить его. Он рассмотрел влияние возрастных периодов на формирование в ребенке преступных наклонностей и на совершение им противоправных деяний. Безусловно, это стало важной составляющей русской криминологической мысли конца XIX – начала XX века.

Третий возрастной период юрист считал особенно значимым при формировании ценностей и социальных установок человека. Он указывал, что «окруженные всеми соблазнами жизни, понуждаемые все растущими потребностями своими, находясь в постоянном сношении с людьми уже взрослыми и опытными, деятельность которых для них всегда пример и образец, не пользуясь уже более, по крайней мере в большинстве случаев, руководством тех, кои их воспитали и учили, - молодые люди юношеского возраста становятся или добрыми гражданами, полезными себе и обществу, или врагами последнему, смотря по тому, как проведен был отроческий период жизни, какова была сделана закладка, в течение его, всему будущему» [7, с. 24-24]. Таким образом, на несовершеннолетнего сильное влияние оказывает его социальное окружение, по мнению А.М. Богдановского. То, какой пример был показан ребенку взрослыми, в дальнейшем формирует его или законопослушным гражданином, или ведет на преступный путь. Юрист подчеркивал, что в Российской империи необходимо открывать специальные заведения для несовершеннолетних правонарушителей. Причем данные учреждения должны носить превентивный, а не карательный характер. Он утверждал, что в них ребенок получает положительные качества, которые благоприятно закрепляются в нем, что способствует исправлению. А.М. Богдановский считал, что педагогический персонал исправительных заведений должен помочь

воспитанникам получить работу, что снизит риски совершения ими рецидивов и будет способствовать социализации.

В русской правовой мысли конца XIX – начала XX века была актуальна позиция известного юриста *Н.С. Таганцева*, высказанная в «Исследовании об ответственности малолетних преступников по русскому праву» [78, с. 57].

Данный деятель, как и А.Ф. Кистяковский, и А.М. Богдановский, придерживался гуманного отношения к несовершеннолетним правонарушителям. М.Н. Гернет, ученый-правовед, отмечал, что «гуманное отношение к преступнику сильнее всего обнаруживается у Н.С. Таганцева в учении о наказании. Он придает наказанию большое значение в борьбе с преступностью» [16, с. 17].

Николай Степанович считал, что «жизнь в такой среде, под такими влияниями, которые постоянно и всесторонне стараются подавить развитие всех задатков нравственности, материальные лишения, с ранних лет заставляющие отказывать себе не только в удовлетворении каких-либо стремлений к удовольствиям, но даже и в требованиях организма, еще не привыкшего сдерживаться, одним словом – отсутствие всякого нормального нравственного питания, вот те причины преждевременной преступности...» [78, с. 5].

Таким образом, выразители правового подхода полагали, что законодательство, регулирующее преступность несовершеннолетних в Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков, должно носить превентивный, гуманный характер и полностью исключать карательные способы воздействия на детей-правонарушителей. Деятели юриспруденции подчеркивали, что несовершеннолетних привели на порочный путь разные причины, что исключало, по мнению криминологов, применение в их отношении наказаний, аналогичных наказаниям взрослых преступников. Исправительные заведения в тот исторический период стали, безусловно, местами спасения малолетних преступников. Представители правового подхода считали, что они способны уберечь несовершеннолетних

правонарушителей от повторных противоправных деяний и способствуют процессу социализации данной категории.

2. С конца XIX века в науке при рассмотрении правонарушений был широко распространен **культурно-антропологический подход**. Известными представителями данного подхода являлись Д.А. Дриль, С.В. Познышев, М.Н. Гернет, Н.А. Окунев, П.Н. Тарновская, Н.Н. Маковский, Д.Г. Тальберг, А.И. Зак, А.И. Емельянов, С.С. Остроумов.

Термин «антропология» определяется как наука, которая изучает происхождение и особенности развития человека, а также его существование в естественной, т.е. природной, среде и искусственной (соответственно, культурной, социальной) [97].

Антропология рассматривает человека не только с точки зрения его природных свойств (естественнонаучная антропология), но в большей степени со стороны его сущностных характеристик (философская антропология).

Безусловно, на общий культурный уровень несовершеннолетних преступников влияла степень их образованности. По мнению выразителей данного подхода, низкий культурный уровень общества, необразованность широких слоев населения обуславливают преступность несовершеннолетних. «Почти единственный источник, из которого получались несовершеннолетние правонарушители всех категорий – дурное воспитание, физическая и нравственная (или только нравственная) заброшенность и беспризорность детей и подростков» [126, Л. 163].

Великий русский писатель Ф.М. Достоевский в романе «Преступление и наказание» тонко объяснил причину проблемы детской преступности. Герой этого произведения Р. Раскольников говорил: «Неужели не видала ты здесь детей, по углам, которых матери милостыню высылают просить? Я узнавал, где живут эти матери и в какой обстановке. Там детям нельзя оставаться детьми. Там семилетний развратен и вор. А ведь дети – образ

Христов: «Сих есть царствие божие». Он велел их чтить и любить, они будущее человечество...» [23, с. 134].

Выдающийся физиолог И.М. Сеченов выявил взаимосвязь между поступками человека и условиями (внутренними и внешними) [73]. Ученый полагал, что если ребенка правильно воспитывать, показывая ему примеры чести и нравственности, то он никогда не вступит на порочный путь. Если же он рос в неблагополучной среде, то такой несовершеннолетний не нуждается в оправдании. И.М. Сеченов считал, что человек сам решает, как ему поступать, несет ответственность за свои поступки. Однако, ученый не уменьшал роль окружающей несовершеннолетнего среды, под воздействием которой формируются его потребности, установки и интересы. Это свидетельствует о том, что обвинять исключительно детей-преступников в их противоправном поведении нецелесообразно. Ведь они воспитывались в определенной общественной системе, которая оставила свой заметный след в душе несовершеннолетних правонарушителей.

И.М. Сеченов отмечал, что существует возможность перевоспитания лиц с отклонениями в поведении. Но подчеркивал, что данный процесс необходимо начать как можно раньше для получения эффективных результатов.

Представитель культурно-антропологического подхода Д.А. Дриль считал, что причины преступлений лежат в личностных особенностях человека, но на него также оказывает непосредственное влияние социум, поскольку установки, ценности несовершеннолетних формируются, безусловно, под воздействием общества. Из этого можно сделать вывод: преступником не рождаются, а становятся вследствие негативного влияния окружения и нерационально организованного государственного строя, уничтожающего менее социально адаптированные категории населения. Поэтому Д.А. Дриль утверждал, что совершивший преступление человек нуждается больше в лечении, чем в наказании. Поэтому он подчеркивал, что государство должно усиливать меры по борьбе с детской преступностью:

«Явления количественного увеличения детской заброшенности настолько вынуждает общество, разумно заботящееся о своем будущем общем благополучии, безопасности и умственно-нравственном преуспевании, своевременно принимать меры, захватывать и исправлять зло в самом его зародыше... Иначе подросшие дикари, да еще с извращенными инстинктами, внесут много развращения и преступления в строй упорядоченной общественной жизни и потребуют от общества на ограждение от них значительно большее количество усилий, которые будут необходимою и справедливою расплатою за непростительную непредусмотрительность... [33, с. 4-5].

Но Д.А. Дриль не исключал и важность наследственности, которая определяет возникновение девиаций. Однако, роль данного фактора второстепенна. Отвечая на вопрос относительно того, что именно больше доминирует в человеке – биологическое или социальное, Д.А. Дриль подчеркивал, что каждый человек рождается с некоторыми определенными задатками, которые ему передаются от родителей. Дальнейшее развитие этих задатков зависит от условий, окружающих ребенка. Данные условия, по мнению деятеля, либо положительно воздействуют на личность несовершеннолетнего, подкрепляя в нем хорошие задатки, либо несут негативное воздействие и непосредственно формируют из ребенка преступника. Следовательно, роль социальной среды Д.А. Дриль считал превалирующей. Он указывал на то, что «преступные дети, в сущности, являются несчастными, заброшенными детьми, нуждающимися не в наказании, а в воспитательно-исправительных воздействиях» [26, с. 7].

Он подчеркивал, что «пустующее место семьи-воспитательницы должны занять государство и общество, которые должны взять на себя воспитание и обучение заброшенных беспризорных детей, должны вооружать их достаточным умственно-нравственным развитием, знаниями, трудовыми навыками, чтобы в надлежащей мере подготовить их к правомерной и полезной жизни в обществе... Мы не настолько богаты,

чтобы оставлять множество детей развиваться в невежестве и развращении. А разве тягости общества и налогоплательщиков не увеличатся в гораздо большей мере необходимостью терпеть от возрастающего числа преступников, платить большие суммы за охрану от них, за увеличение обитателей тюрем» [24, с. 69, 71]. Такой подход подчеркивал необходимость воспитания несовершеннолетних правонарушителей. В ином случае, государство вынуждено было тратить деньги на взрослых преступников, которых уже невозможно было исправить.

Интересен исторический факт, заключавшийся в том, что Д.А. Дриль в 1892 году на Брюссельском международном конгрессе вступил в дискуссию с основоположником антропологического подхода в зарубежной науке Ч. Ломброзо. Стоит отметить, что данный деятель видел причину правонарушений в особой предрасположенности человека к ним. Он утверждал, что с рождения у ребенка присутствуют преступные качества, которые со временем начнут доминировать и приведут его к нарушению закона. То есть, с этой позиции преступление является нормальным процессом, его нельзя предотвратить, так как негативные личностные черты все равно проявятся в определенные моменты жизни человека. По этой причине и завязалась дискуссия. Ведь представители антропологического подхода в Российской империи придерживались противоположной точки зрения и критиковали мнение зарубежного деятеля науки [19].

При сравнении двух противоположных мнений можно сделать вывод о том, российская научная мысль имела гуманную направленность (в то время как зарубежная предлагала принять факт наличия врожденных преступников). Кроме того, русские ученые видели причину совершаемых в Российской империи преступлений в неэффективно организованной социально-политической системе, которая приводила несовершеннолетних на преступный путь.

Помимо проанализированных выше взглядов представителей культурно-антропологического подхода на проблему детской преступности,

стоит рассмотреть и мнение С.В. Познышева относительно данного противоречия. Несмотря на то, что данный деятель относился к социологическому направлению, но он также внес свой весомый вклад в развитие антропологизма. Стоит отметить, что между двумя рассмотренными подходами существует тесная взаимосвязь. Если социологический подход делает акцент на проблемах общества и политического устройства, которые и ведут несовершеннолетних на путь преступлений, то антропологический подход изучает развитие человека в естественных условиях и культурной среде. В данном случае культурная среда рассматривается как социальная, т.е. непосредственно воздействующая на личность в процессе ее становления. Если влияние этой среды не самое благоприятное, то несовершеннолетний постепенно превращается в преступника (на что обращает свое прямое внимание социологический подход) [57]. Это еще раз подчеркивает наличие взаимообусловленности одного методологического подхода другим и свидетельствует о том, что целесообразно рассматривать феномен детской преступности в плоскости социальных и естественных факторов, взаимосвязанно влияющих на формирование личности несовершеннолетнего правонарушителя.

С.В. Познышев одной из причин детских девиаций считал дурную наследственность, но не с точки зрения генетики, а в контексте тех неблагоприятных жизненных условий, в которых находились родители детей и, соответственно, передавали им свою модель поведения и прививали сомнительную систему ценностей. По этому поводу С.В. Познышев высказывался так: «Дети бродяг, нищих, проституток, воров, потомки людей, организм которых был подорван или истощен излишествами всякого рода или чрезмерной работой, - они наследуют от своих родителей, если не прямо болезни, то такую слабую и в разных отношениях дефективную нервную систему, которая особенно тормозит их развитие и делает их восприимчивыми к идущим извне развращающим влияниям» [Там же, с. 43]. С.В. Познышев указывал на то, что преступника от законопослушного

гражданина отличают мировоззрение, характерологические особенности, интеллектуальные способности. Первого он определил следующим образом «сочетание особенностей характера и взглядов человека, создающее уклон личности в сторону преступления, в силу которого человек выбирает преступный путь при таких обстоятельствах, когда другие люди, если им придет в голову мысль о преступлении, воздерживаются от совершения последнего» [51, с. 35].

С.В. Познышев указывал, что несовершеннолетние нарушители видели отрицательный пример родителей и ближайшего социального окружения: «дети трущоб и подвалов живут в таких квартирах, в такой обстановке, при которой с самого раннего возраста являются свидетелями всяческого разгула и диких проявлений животных страстей, драк, грубейшей брани, пьяных ласк» [57, с. 40]. По этой причине у несовершеннолетних формировались социальные установки и ценности, далекие от общественных идеалов, что губило их личность, делало ее нездоровой и требующей «лечения» со стороны государственных специальных заведений. Безусловно, «искажение системы ценностей опасно особенно в раннем возрасте, когда формируются нравственные и правовые установки, привычки поведения» [60, с. 35].

Д.Г. Тальберг указывал на то, что крайняя развращенность родителей, полнейшее отсутствие попечения и ухода, нравственного влияния и умственного образования, крайняя нищета и, как следствие, невозможность удовлетворения самых насущных потребностей вели ребенка к правонарушениям [80].

Итак, изучение и анализ позиций представителей подхода относительно причин детской преступности позволили выявить, что одной из них являлась негативная семейная обстановка, которая нередко заставляла несовершеннолетнего вступать на путь порока и правонарушений.

А.И. Зак в начале XX века изучил личные дела несовершеннолетних в возрасте до 17 лет, совершивших правонарушения с 1908 по 1909 год в

Москве. На основании анализа данных документов он выделил три категории детей-преступников [32]:

1-й тип – несовершеннолетние, вступившие на порочный путь по причине шалости, сиюминутных порывов. В данном случае дети не планировали совершать преступление, скорее так сложились обстоятельства. Ими движет желание проявить себя, импульсивность. А.И. Зак отмечал, что в такой ситуации дети быстро раскаиваются. Также в данную группу он относит детей-беспризорников, которых ведут на преступный путь нужда, отсутствие семьи, воспитания и т.д. Иногда такие несовершеннолетние становятся преступниками из детского любопытства, что проявляется в стремлении увидеть, испытать, проверить, к чему приведет тот или иной поступок, каковы будут результаты.

2-й тип – несовершеннолетние, имевшие дурную наследственность, физические и психические дефекты. В данную категорию ученый включал детей алкоголиков, преступников, лиц, страдавших серьезными заболеваниями. Данные условия лишь подкрепляли в ребенке уверенность в том, что преступный путь – единственно верный. Он считал, что малолетние правонарушители уверенно шли по выбранной дороге, а к 15-16 годам уже имели устоявшиеся криминальные установки.

3-й тип – несовершеннолетние, подверженные с детства дурному семейному влиянию. Они могли быть вполне здоровы и нормально развиваться. А.И. Зак утверждал, что таких детей вели на преступный путь не забава, импульсивность, стремление к самореализации (в отличие от первой категории) или физиологические и психические недостатки (соответственно, вторая категория), а именно холод и голод. Данные факторы главенствуют в том случае, когда в обществе отсутствует нормальный, справедливый порядок, по мнению А.И. Зака.

А.И. Зак, размышляя над значимостью фактора воспитания, влияющего на масштабы детской преступности, высказывал мысль о том, что причины данной проблемы «в невыносимой семейной обстановке – ребенка или

выгоняют из дома, или же ему там так плохо, что он сам убегает из него, предпочитая полуголодное скитание по городским трущобам тому теплу и сытости, которые ему предоставляет семейный очаг. Разложение семьи, ее моральный распад заходит уже так далеко, что семья не только не является охранителем детской психики от дурных внешних влияний, но и сама вносит в нее черты разложения; открывает ребенок глаза и не видит вокруг себя ничего, кроме пьянства и откровенного разврата; прислушивается и не слышит ничего, кроме постоянной грубой брани» [32, с. 118-119].

Не менее сложной была ситуация с детьми, потерявшими родителей не с рождения, а в более сознательном возрасте. Нередко они происходили из семей, ведущих аморальный образ жизни. Соответственно, такие дети не видели благополучной жизни; у них формировалась специфическая система ценностей, которая абсолютно не соответствовала социально приемлемой и давала основания для совершения ребенком преступлений в будущем. Чем дольше ребенок находился в таких условиях, тем сложнее затем было изменить его установки на адекватные и общественно принятые. Это подтверждается тем, что, даже находясь в условиях колоний, дети все же совершали повторные противоправные деяния. Для рассмотрения интересна статистика правонарушений несовершеннолетних в воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних в Российской империи (данные ГАСО). Итак, детьми совершались следующие деяния: кража, грабеж и разбой, поджог, преступление против нравственности, растрата, мошенничество, убийство или покушение на него, проступки против общественного порядка, святотатство и др. (Приложение А).

А.И. Емельянов считал, что на рост масштабов детской преступности влияют, безусловно, социальные факторы, но не уменьшал и **значение психологических и возрастных особенностей несовершеннолетних**. Он указывал на то, что «высота преступности детей в значительной степени объясняется проступками, имеющими специфический характер – по неосторожности, вследствие шалости и т.п.; камеру мирового суда

пополняют не только дети, которых через улицу привела сюда нужда сырых подвалов и грязных углов, но и те, случайный проступок которых – свойство малолетства – необдуманность, влекущая за собой, как следствие, наказание» [29, с. 138]. А.И. Емельянов уделял внимание и экономическому фактору, считая бедность одной из причин совершения детьми преступлений. Он выявил, что частота совершения правонарушений несовершеннолетними зависит от условий их жизни (например, жилищных, санитарных). Интересен тот факт, что А.И. Емельянов сравнил масштабы нарушений закона малолетними в «аристократических, неторговых» районах таких крупных городов, как Москва, Санкт-Петербург (Невский пр.) (где проживало небольшое количество человек по сравнению с другими частями обозначенных городов) и густо населенные территории. В итоге А.И. Емельяновым было выявлено, что в первых либо отсутствовала детская преступность, либо наблюдались редкие случаи краж, совершенных малолетними. Однако, в густонаселенных частях городов отсутствовало попрошайничество, так как проживавшее там население было бедным. Следовательно, дети направлялись в центр для реализации своих потребностей [Там же].

П.Н. Тарновская в 1891 году на I секции Русского общества охранения народного здоровья в Санкт-Петербурге выступила с докладом, в котором заявила, что «из всех жизненных путей карьера преступника всего менее подлежит свободному выбору. На путь преступления попадают с детства; большинство известных убийц и воров суть заброшенные дети, сироты, не знавшие отцов и матерей» [81, с. 19]. Это заявление П.Н. Тарновской лишь подчеркивает, что неблагоприятная социальная атмосфера, беспризорность, отсутствие родителей являлись одними из основных причин, по которым несовершеннолетние становились преступниками.

Безусловно, не знавшие собственной семьи дети (особенно если они «воспитывались» улицей или сомнительными общественными элементами) не имели представлений о приемлемых для социума формах поведения, а

примером для них становились далекие от норм морали люди [66]. Дети-сироты также составляли группу риска и были склонны к совершению правонарушений. Отсутствие семейного воспитания, образа отца и матери (который настолько важен при формировании личности ребенка и его дальнейшей жизни в собственной семье), а также общие для всех требования и правила (если ребенок-сирота воспитывался в государственном учреждении, а не находился под опекой родственников) вели к неудовлетворению не только базовых потребностей, но и высших потребностей (в самоактуализации, признании).

Особенности взаимодействия педагогов государственных заведений для детей-сирот со своими подопечными редко отличались доверием, искренней верой в личностные возможности ребенка. Естественно, желание обладать собственными благами и быть значимым у несовершеннолетних постепенно усиливалось. Это вело ребенка на путь совершения преступлений, ведь для достижения своей цели совсем не обязательно учиться, трудиться, стремиться к мечте законными методами. Такая установка существовала у детей данной категории. Гораздо быстрее можно получить желаемое посредством грабежа, убийства, клеветы и т.д., а примером в этом случае являлась неблагоприятная социальная среда, окружавшая ребенка нередко с рождения. Данный факт лишь подтверждает объективность высказывания П.Н. Тарновской том, что с детства ребенок группы риска постепенно идет к совершению преступления.

М.Н. Гернет также видел причину правонарушений несовершеннолетних в том, что они воспитывались в неблагоприятной семейной атмосфере, попадали под негативное влияние общества или не имели родителей, следовательно, росли в условиях улицы. Это накладывало отпечаток на их культурный уровень, который был настолько низок и формировал у детей соответствующие преступные установки. О данной проблеме исследователь М.Н. Гернет рассуждал так: «Трудно найти о преступности малолетних такие труды, где не было бы уделено

значительного или даже преимущественного внимания наблюдению над личностью малолетнего преступника, изображению язв той семейной обстановки и общественной среды, в которой он обыкновенно вырастает – то сирота, то заброшен родителями, предоставленный надзору улицы» [16, с. 13].

Как отмечал *С.С. Остроумов*, «сотни тысяч бездомных «огольцов», обитателей различных ночлежек и приютов, вроде знаменитого московского Хитрова рынка, дети, лишенные родителей или бежавшие от них в поисках «сытой жизни», ученики, вроде чеховского Ваньки Жукова, бросившие постылый каторжный труд, почти всегда голодные и раздетые, - вот откуда формировалась постоянно растущая армия малолетних преступников» [54, с. 87].

Одной из причин, приводивших ребенка на преступный путь, являлся алкоголизм. «Старый уклад жизни проявлялся в различных развлечениях: ... пьяных пиршествах и азартных играх, сопровождавшихся руганью и драками» [68, с. 188].

Исследователь *Н.А. Окунев* полагал, что моральная и культурная деградация детей-правонарушителей обусловлена разного рода аддикциями. Согласно отчету Санкт-Петербургского столичного мирового судьи за 1910 год, 40% несовершеннолетних, прошедших через данный суд, часто проводили время в трактирах, 17% – играли в азартные игры, 33% – злоупотребляли алкоголем, 50% детей курили, 10% девочек занимались проституцией [53, с. 12]. Эта статистическая информация свидетельствует о том, что на детей оказывало непосредственное влияние плохое социальное окружение, которое вместо оказания им помощи и воспитания лишь направляло их на преступный путь, губило молодые жизни.

Безусловно, наличие безграничной свободы не самым положительным образом влияло на детей. Причем в данном случае это именно тлетворная свобода, которая напрямую вела несовершеннолетних в преступный мир. Не вызывает сомнения то обстоятельство, что дети, не находившиеся под

контролем родителей или других взрослых по разным причинам (сироты, беспризорные, безнадзорные, педагогически запущенные), нередко были предоставлены сами себе. Отсутствие целей, полезного досуга и неблагоприятное времяпрепровождение часто в компании аморальных членов общества способствовали разложению и деградации детской личности и формировали из ребенка преступника. Для решения данной проблемы было необходимо правильно организовать жизнь несовершеннолетнего правонарушителя, а свободное время направлять на полезные дела.

Представитель культурно-антропологического подхода *Н.Н. Маковский* подчеркивал, что низкий культурный уровень несовершеннолетних, посещение ими сомнительных заведений способствуют совершению преступлений. Исследователь считал, что нарушения порядка чаще совершаются данной категорией лиц в пивных, трактирах, иных развлекательных местах. Он утверждал, что детские правонарушения актуальны в тех районах, где больше располагается подобных увеселительных заведений [45, с. 237].

Однако, необходимо обратить внимание на то, что в воспитательно-исправительные колонии Российской империи нередко попадали несовершеннолетние правонарушители, чьи семьи являлись абсолютно нормальными, не отличались аддиктивным поведением и вели вполне благоразумную жизнь. Согласно статистической информации, обнаруженной в ГАСО, родители малолетних преступников, находящихся в подобного рода учреждениях, имели следующий род занятий: жили собственными средствами, занимались земледелием, ремеслами, промыслом и мелкой торговлей, работали на фабриках и заводах, находились в услужении, занимали определенные должности. Полученные архивные данные говорят о том, что далеко не все воспитанники колоний были рождены девиантными родителями, не имевшими постоянного заработка, совершавшими противоправные деяния или страдавшими разного рода аддикциями. Но

определенные жизненные обстоятельства вынуждали детей идти против закона.

Стоит отметить, что между обозначенными подходами существует преемственность, которая возникает на разных этапах исторического развития. Так, подходы, актуальные в настоящее время, а именно социологический, антропологический, культурологический находят свое отражение еще во второй половине XIX – начале XX веков, когда известные юристы, криминологи обратились к изучению проблемы правонарушений несовершеннолетних.

Таким образом, со второй половины XIX века активно стали вестись научные разработки проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних правонарушителей не только с юридической точки зрения, но и с позиции других общественных наук. Проблема детской преступности как общий предмет исследования привела к интеграции наук. Это позволило ученым изучить данное противоречие с разных научных позиций, разных методологических подходов. Изучение детской преступности с позиции социологии, антропологии, культурологии и права со второй половины XIX века активно внедрялось в педагогические исследования. Безусловно, анализируя проблему детской преступности и способы ее решения, ученые отмечают, что различные вариативны подходы должны взаимодополнять друг друга.

Кроме того, подходы, распространенные в Российской империи, отражаются в деятельности воспитательно-исправительных учреждений послереволюционного периода. Примером этому может служить колония им. Горького и трудовая коммуна им. Ф.Э. Дзержинского, возглавляемые А.С. Макаренко в период с 1920-е по 1930-е годы. Безусловно, при организации воспитательного процесса в данных учреждениях педагогический персонал использовал положения социологического, антропологического и др. подходов, что повышало эффективность процесса

перевоспитания. Кроме того, в деятельности колонии и коммуны, а также дореволюционных колоний-приютов прослеживаются общие черты. Однако, данная проблема выходит за рамки диссертационного исследования, поэтому опыт по воспитанию несовершеннолетних правонарушителей известного педагога А.С. Макаренко является лишь положительным примером.

1.2 Разработка правового обеспечения организации воспитательной работы в исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей

1.2.1 Правовое положение несовершеннолетних правонарушителей

В уголовном законодательстве Российской империи долгое время не рассматривался вопрос о специфике осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Наказание как для взрослых, так и для детей осуществлялось не с целью исправления, а являлось карательным процессом.

Рассуждая о вреде тюрьмы для детей, **Ю.В. Гербеов** подчеркивает, что «вред содержания несовершеннолетних в тюрьмах неоспорим. Огромное число побывавших в тюрьмах детей становилось рецидивистами... Ребенок, благодаря черствости и жестокости общества, попадал в трудности – общество оставалось равнодушным; ребенок, отчаявшись, становился преступником – ему мстили, наказывали ужасом и позором грязных тюрем; искалеченный, сломленный, ожесточенный, ребенок, отсидев положенное, выходил из тюрьмы и встречал те же несправедливости; испробовав, быть может, все честные пути, поняв всю тщетность борьбы, юноша впадал в новые и новые преступления, пока совершенно не утрачивал человеческий облик» [14, с. 125].

Как отмечает **Л.И. Беляева** в своей фундаментальной работе «Правовые, организационные и педагогические основы деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX – начало XX в.)», «до 70-х годов XIX века по закону

все без исключения дети, совершившие преступления, отбывали наказания на общих со взрослыми основаниях. Они помещались в работные дома, отдавались в военную службу, ссылались в отдаленные губернии, в Сибирь, на каторгу, заключались в тюрьму» [3, с. 100-101]. Кроме того, в отношении несовершеннолетних правонарушителей применялись меры физического воздействия, что, безусловно, не способствовало исправлению. Так, они могли быть высечены плетьюми и отправлены в монастырь на 15 лет (закованные в ножные кандалы), если совершали убийство, поджоги или обвинялись в святотатстве. За рецидивы разбоев, краж несовершеннолетних также высекали плетьюми или батогами и отправляли на 7 лет в монастыри. Если преступление не было особо тяжким (мошенничество, простая кража), то детей наказывали плетьюми, розгами, батогами [47].

Но со второй половины XIX века началось изменение уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Доктор исторических наук И.В. Синова отмечает, что «в истории отечественного законодательства впервые в процессе разработки и реализации судебной реформы 1864 года была высказана мысль о невозможности применения к малолетним преступникам общих видов наказания, предусмотренных законодательством. Появилась статья о праве суда отдавать малолетних, моложе 17 лет, вместо тюремного заключения в особые исправительные заведения для малолетних» [74, с. 63-64].

Исследователь **С.А. Завражин** в своей фундаментальной работе «Социально-педагогические основы предупреждения отклоняющегося поведения несовершеннолетних в России, вторая половина XIX - первая треть XX вв.» указывает, что «в середине XIX столетия стала формироваться новая превентивная доктрина, связанная, с одной стороны, с решительным отказом от наказания, как самой примитивной формы предупреждения преступности, рассчитанной на несвободную личность при авторитарном режиме, а с другой – с ориентацией на профилактику асоциальности через воспитание свободной, ответственной личности в условиях развития

гражданских отношений. Естественно, что объектом приложения данной доктрины в первую очередь должно было стать подрастающее поколение, особенно дезадаптированная его часть» [31, с. 44-45].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. заметно повлияло на организацию правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Так, оно разделяло детей-правонарушителей по возрастам. Дети до 7 лет не подвергались наказанию за совершение правонарушений, а лишь отдавались родителям для «вразумления и наставления» [78, с. 26]. Детей с 7 до 10 лет за совершение преступлений отдавали родителям, но полиция обязана была следить за их исправлением. Если правонарушение было совершено ребенком в возрасте с 10 до 14 лет, то в данном случае степень наказания зависела от того, совершил ли ребенок преступление с разумлением (осознанно) или нет. Если он совершал преступление с разумлением, то помещался **в воспитательно-исправительные заведения (колонии-приюты)**. В случае невозможности отбывания наказания в подобных учреждениях, несовершеннолетние правонарушители отправлялись в тюрьму, но на срок не более 1 года и 4 месяцев [Там же]. Как отмечает М.В. Шимановский, данное Уложение «впервые дало право мировым и общим судебным установлениям обращать несовершеннолетних, взамен заключения в тюрьме и даже других более тяжелых наказаний, - в исправительные приюты... Эти правила закона помимо того, что они имели в виду образовать особый род мест заключения для малолетних преступников, они впервые вносят новое начало, не бывшее до того времени в нашем законодательстве об исправлении малолетних преступников» [101, с. 4].

В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (1896 г.) отмечено, что «малолетство и несовершеннолетние в угол. праве – во 1-х составляют причину, устраняющую вменяемость (малолетство), во 2-х обуславливают замену наказания и, в 3-х, служит специальным основанием смягчения уголовной ответственности» [27, с. 44].

Малолетними являлись лица до 17 лет, а от 17 до 21 года – несовершеннолетними [27, с. 44].

Некое дублирование действий о наказаниях несовершеннолетних мы находим и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Так, в статье 137 указывается, что дети, которым было более 7, но менее 10 лет, не подвергались определенному в законах наказанию, но отдавались родителям или благонадежным родственникам для домашнего исправления. Это правило распространялось и на детей с 10 до 14 лет, когда суд признавал, что преступление было совершено ими без разумления. Также данная статья дополнялась нормой, что если преступление было совершено несовершеннолетним в возрасте старше 14 лет, но менее 17 лет, и судом было признано, что он действовал без полного разумления, то виновный подвергался или наказанию на основании статьи 138, или же, по усмотрению суда, отдаче в исправительные приюты (Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, ст. 6), где такие были устроены, а где их не было – заключению в тюрьму (ст. 30, V) на время не дольше одного года и четырех месяцев, но при условии, что такие виновные содержались отдельно от совершеннолетних.

В статье 138 Уложения представлены основания смягчения наказания несовершеннолетних в возрасте с 10 до 14 лет, совершивших преступление с разумлением. Так, за преступления, за которые следовало лишение всех прав и ссылка на каторжную работу, несовершеннолетние правонарушители ссылались в Сибирь на поселение; за преступления, влекущие лишение всех прав и ссылке на поселение, они приговаривались к заключению в монастырь, если в том месте или недалеко от него были монастыри их вероисповедания. В противном случае, несовершеннолетние правонарушители отправлялись в тюрьму на срок от трех лет и четырех месяцев до пяти лет и четырех месяцев, но отбывали наказание отдельно от взрослых преступников.

За менее тяжкие преступления, за которые следовало лишение всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и имуществ, ссылка на житье в Сибирь, другие отдаленные губернии, отдача в исправительные арестантские отделения или в тюрьму (ст. 30, II), несовершеннолетние правонарушители приговаривались к заключению в монастырь их вероисповедания. Если это было невозможно, то их заключали в тюрьму на срок от сорока дней до восьми месяцев (ст. 30, V), но отдельно от взрослых преступников. Также в статье 138 указано, что за преступления, за которые следовало заключение в тюрьму с лишением некоторых прав и преимуществ (ст. 30, IV) или другое менее строгое наказание, несовершеннолетние правонарушители подвергались исправительному домашнему наказанию (по распоряжению родителей или опекунов) [79].

В 1885 году был издан Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Этот документ также оказал огромное влияние на законодательную систему в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Так, согласно статье 6, в тех местах, где были учреждены исправительные приюты, несовершеннолетние с 10 до 17 лет могли вместо тюремного заключения отправляться для исправления в них на срок, определенный мировыми судьями, и оставаться в приютах до 18-летнего возраста. Согласно статье 11, несовершеннолетним в возрасте с 10 до 17 лет наказания назначались в половинном размере. Детей, не достигших 14 лет, мировой судья мог отсылать к родителям, опекунам или родственникам для домашнего исправления [94].

Н.С. Таганцев внес проект законоположений об ответственности малолетних и несовершеннолетних преступников (Приложение Б) [78, с. 122-124], предложенный данным юристом в ответ на несовершенство сложившейся в Российской империи законодательной системы в отношении детей-преступников, по его мнению. Свою позицию по поводу необходимости внесения изменений в русское законодательство Н.С. Таганцев высказал на заседании IV Съезда представителей русских

исправительных заведений 28 августа 1895 года (Приложение В) [86, с. 60; 68-71]. Стоит отметить, что разработанный юристом проект **имел гуманистическую направленность**, так как его положения предлагали смягчать наказание данной категории лиц, например, отменить смертную казнь, ссылку, заключение в арестантские гроты, рабочие дома, крепость, смиренный дом, а также сохранить права.

А.Ф. Кистяковский, проанализировав законодательную систему, существовавшую в Российской империи, указывал на следующие ее недостатки: «возраст ненаказуемого малолетства был очень ранний» (семь лет), «смягчение не всегда допускалось по отношению к малолетним, совершителям тяжких преступлений», «самое смягчение наказаний нисколько не выражало заботы о малолетних преступниках, а только меньшую степень наказания тех, которые, брошенные потом на произвол судьбы, совершали новые преступления, доведившие их позже до самых тяжких казней», применение телесных наказаний в отношении несовершеннолетних преступников, заключение в тюрьмы совместно с взрослыми правонарушителями, «откуда малолетний выходил вполне сложившимся, закаленным преступником, решительным врагом общества» [41, с. 3-5].

А.Ф. Кистяковский полагал, что ранее существовавшая в Российской империи законодательная система в отношении детей-правонарушителей самым негативным образом воздействовала на них, не способствовала исправлению, а лишь формировала из несовершеннолетних закоренелых злодеев с устоявшимися преступными привычками. Юрист был убежден, что правонарушители, не достигшие совершеннолетия, должны содержаться в исправительных учреждениях для данной категории. Поэтому целесообразно рассмотреть случай, произошедший на заседании Петербургского Окружного Суда в 1875 году (Приложение Г) [Там же, с. 1-2].

А.Ф. Кистяковский был уверен, что существовавшая в Российской империи законодательная система в отношении детей-правонарушителей

требовала реорганизации. Он подчеркивал, что государство должно было не только издавать законы, но и предпринимать конкретные меры по воспитанию и исправлению несовершеннолетних нарушителей закона. А.Ф. Кистяковский предлагал государству оказывать материальную помощь учреждениям для данной категории детей, так как содержать их в достойных условиях было довольно дорого.

Деятель считал, что после освобождения воспитанникам исправительных заведений необходимо обеспечить условия, способствующие их скорой «социализации» в самостоятельной жизни, то есть научить жить честно, уметь заниматься полезной деятельностью, трудиться и быть достойным гражданином Российской империи. Александр Федорович подчеркивал: «существенных результатов от этих заведений можно ожидать только тогда, когда они будут основаны повсеместно, а не будут представлять каких-то оазисов, как ныне» [41, с. 171], что постепенно и реализовывалось на территории Российской империи.

2 июня 1897 года был издан Закон «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних» [50]. По отношению к малолетним, действовавшим без разумления в возрасте с 10 до 17 лет, а также и по отношению к малолетним, действовавшим с разумлением в возрасте до 14 лет, это воспитание было признано законом единственной целесообразной мерой, за исключением более маловажных случаев, когда законом признавалось возможным применение отдачи под ответственный надзор родственников, или когда в данной местности не существовало воспитательно-исправительного заведения, или не было места в нем.

В объяснительной записке к Закону говорилось: «общий сложный порядок суда... ставит ребенка или полурезбенка в совершенно несвойственное его возрасту положение публичного судимого и уличаемого преступника. Правила уголовной политики и интересы охранения нравственности требуют, напротив, чтобы и после своей первой

погрешности или ошибки, несовершеннолетний продолжал резко отделять себя от разряда заклеянных преступников и ни в каком случае не думать и не чувствовать, что предельная грань уже перейдена. Исходя из такого взгляда, желательна передача всех дел о несовершеннолетних в ведение единоличных судей исключительно для избрания одной из двух следующих мер: 1) помещения в воспитательно-исправительные заведения или 2) передачи под ответственный надзор родственников» [126, Л. 160]. Препятствием к осуществлению этой мысли являлась крайняя недостаточность в Российской империи воспитательно-исправительных заведений в то время.

Интересно отметить, что приведенная позиция вполне соответствовала руководящим началам, положенным в основу особых детских судов, возникших в Соединенных Штатах Америки в 1899 году и распространившихся по всей Европе. В обширном докладе-отчете, представленном VII международному тюремному конгрессу в Будапеште, эти руководящие начала излагались в следующем виде: «К ребенку должно относиться, как к ребенку. Никакой несовершеннолетний моложе 16 лет не должен быть рассматриваемым, как преступник и с ним нельзя общаться, как с таковым. Никакой ребенок не должен быть наказываем ради примера другим и несомненно, что он не может быть исправлен применением наказания. К нему должна применяться не карательная власть, а авторитет государства на подобие родительского» [Там же, Л. 160].

Также данный закон четко указывал на то, что присутствие родителей обвиняемых несовершеннолетних правонарушителей на суде являлось обязательным. В противном случае родители обязаны были платить штраф. Важным дополнением являлось то, что при вынесении приговора судьям необходимо было брать во внимание «личность обвиняемого, его умственное и нравственное развитие, условия жизни, семью, склонности, привычки, на причины, которые привели его к совершению преступления» [74, с. 70].

Если несовершеннолетний совершал особо тяжкое преступление, за которое взрослые преступники приговаривались к каторге или смертной казни, то его заключали в тюрьму (но отдельно от взрослых) на срок не более 12 лет. Это условие распространялось только на детей 15 и 16-летнего возраста. В этом случае осужденные несовершеннолетние лишались всех прав. Однако, если их поведение в тюрьме менялось в лучшую сторону, то спустя 5 лет пребывания в ней несовершеннолетним возвращались их права [42].

Закон от 2 июня 1897 года, признавая необходимым применение к совершившим преступление детям и подросткам исправительных мер, не указывал в то же время на источники финансирования воспитательно-исправительных заведений. Между тем, вследствие недостаточности средств частной благотворительности, задачи которой с течением времени все более расширялись, применение исправительного воспитания к нуждавшимся детям и подросткам из среды заброшенных и беспризорных в большинстве случаев оказалось невозможным по причине недостатка заведений или мест в них.

22 марта 1903 года было утверждено новое Уголовное Уложение. Согласно статье 40, не подвергались наказанию малолетние, не достигшие 10 лет. В статье 41 указано, что не вменялось в вину преступное деяние, учиненное несовершеннолетними с 10 до 17 лет, которые не осознавали значения совершенного поступка. Они отдавались под ответственный надзор родителям или лицам, на попечении которых они состояли, или другим благонадежным лицам. В случае совершения тяжких преступлений несовершеннолетние отдавались в воспитательно-исправительные заведения. Несовершеннолетние с 14 до 17 лет, совершившие тяжкие преступления, отправлялись, преимущественно, также в колонии-приюты, а, если это было невозможно, – в особо приспособленные для несовершеннолетних помещения при тюрьмах или арестных домах. Несовершеннолетние женского пола, в случае невозможности помещения их

в воспитательно-исправительные заведения, помещались в женские монастыри их вероисповедания. Несовершеннолетние, отданные в колонии-приюты, тюрьмы, арестные дома или монастыри, могли оставаться в этих заведениях до 21-летнего возраста [49].

Также данным Уложением регламентировался вопрос о смягчении и замене наказаний. Так, согласно статье 55, несовершеннолетние с 14 до 17 лет вместо смертной казни или каторги без срока заключались в тюрьму на срок от 8 до 12 лет, а вместо срочной каторги – заключались в тюрьму на срок от 3 до 8 лет. Несовершеннолетние с 10 до 14 лет вместо смертной казни, каторги или ссылки на поселение заключались в исправительный дом, крепость или тюрьму, а несовершеннолетние с 14 до 17 лет вместо ссылки на поселение или заключения в исправительном доме, крепости или тюрьме помещались в воспитательно-исправительное заведение. Несовершеннолетние с 10 до 17 лет вместо ареста или денежной пени подвергались внушению суда. Если этой меры оказывалось недостаточно, то детей помещали в колонию-приют.

В статье 55 также отмечалось, что если несовершеннолетним на момент вынесения приговора исполнилось 18 лет, то он заключался в тюрьму [Там же].

Итак, начиная со второй половины XIX века законодательство в отношении несовершеннолетних правонарушителей приобрело гуманный характер. При исполнении наказания в отношении этой социальной группы на первый план выдвигались идеи лояльного исправления. Совершенно очевидно, что «уголовное законодательство России стало иметь тенденцию к усилению охранительных и воспитательных функций в отношении несовершеннолетних, свидетельством чему являлось увеличение количества норм охранительного характера» [3, с. 138]. Соответственно, первостепенными стали задачи не карательного характера, а предупреждавшего еще большее распространение проблемы детских преступлений на территории Российской империи.

1.2.2 Правовое положение приютов

Проведя анализ законодательной базы, регламентировавшей деятельность воспитательно-исправительных заведений в Российской империи, можно сделать вывод о том, что система исправительного воспитания несовершеннолетних правонарушителей формировалась в два периода:

1. С 1866 г. – возникновение лишь отдельных структурных элементов;
2. С 1889 г. – складывание системы воспитательно-исправительных заведений.

Первый период (1866-1888 гг.)

В русском обществе второй половины XIX – начала XX века все большую популярность приобретали «идеи гуманизации наказания и ответственности общества за судьбу сограждан, вставших на путь нарушения закона. Особую актуальность “тема перевоспитания” имела в отношении несовершеннолетних, совершивших правонарушения или склонных к ним» [18, с. 210].

Поэтому государство стремилось создавать для несовершеннолетних правонарушителей условия, способные изменить их личностные установки, ценностные ориентиры и сделать законопослушными гражданами.

Это выражалось в открытии воспитательно-исправительных учреждений, которые помогали детям-правонарушителям «социализироваться», приспособиться к резко изменившимся внешним условиям жизни.

В отчете о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних в Российской империи (ГАСО) указано, что в законодательной области идея о необходимости устройства особых воспитательных заведений для несовершеннолетних, помещенных по суду, и «о привитии к нам системы детских исправительных приютов, оправдавшейся столь блестящими опытами в других странах» [126, Л. 159]

впервые была сформулирована в объяснительной записке Собственной Его императорского величества канцелярии (1866 г.) к проекту Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. В ней говорилось: «тюремное заключение, в тех условиях, в каких оно исполняется над взрослыми, в отношении к ребенку, едва вступившему на путь порока, очевидно, имело бы последствием окончательную его порчу и гибель» и «что в отношении к детям закон должен иметь в виду менее цель карательную, чем исправительную в тесном смысле этого слова, и что по сему наказание для них должно быть не столько возмездием за содеянное, за прошедшее, сколько залогом лучшего будущего, следовательно, иметь преимущественно характер воспитания, быть средством искоренения дурных зачатков и развития добрых качеств» [126, Л. 159].

Высказанная мысль встретила полное одобрение Государственного Совета. Поэтому II Отделению Правительствующего Сената было поручено составить проект правил об исправительных приютах. В объяснительной записке было указано, что устройство значительного числа заведений исправительного воспитания представлялось бы невозможным по финансовым условиям того времени, а потому предполагалось наряду с правительством призвать к устройству таких заведений общественную и частную благотворительность, предоставляя ей различные вспомоществования и льготы. «Подняв такую великую мысль чисто гуманного направления, Правительство наше на этом не остановилось. 5 декабря 1866 года оно издало “Правила об исправительных приютах”», отмечал М.В. Шимановский [101, с. 4].

Так, по примеру Западной Европы в Российской империи было введено исправительное воспитание физически и нравственно или только нравственно заброшенных несовершеннолетних, «имевших вследствие того несчастье попасть на дорогу преступления и прийти в столкновение с уголовным судом» [126, Л. 159]. Таким образом, утвержденные 5 декабря 1866 года Правила непосредственно содействовали организации

исправления несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи второй половины XIX – начала XX веков [58]. Согласно им, исправительные приюты для несовершеннолетних состояли в ведении Министерства внутренних дел. Исправительные приюты учреждались отдельно для несовершеннолетних разного пола, как указано в статье 6. Важно отметить, что заведывание приютами доверялось только лицам неопороченной нравственности и имевшим аттестат на право преподавания. Согласно статье 8, несовершеннолетние правонарушители в исправительных заведениях обучались Закону Божию по правилам своего вероисповедания, чтению, письму и основным правилам арифметики, а при возможности, и другим элементарным наукам. Кроме того, воспитанники обучались земледельческим или ремесленным работам, но могли и совмещать их. В правилах также указано, что в случае побега из приюта несовершеннолетние снова в него возвращались. Однако, они содержались под особым строгим присмотром отдельно от других воспитанников (не более одного месяца). Важно отметить, что назначенный судебным приговором срок пребывания в приюте мог быть сокращен на 1/3 в том случае, если несовершеннолетний признавался исправившимся. Если же после освобождения воспитанник снова совершал преступления, то возвращался в приют до истечения полного срока. Выпущенные из приюта несовершеннолетние должны были состоять определенное время под покровительством приюта. Учреждение, в свою очередь, было обязано оказывать им помощь.

В отчете о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних в Российской империи указано, что «впрочем, нельзя не признать, что первоначальный текст закона от 5 декабря 1866 года под влиянием традиционных взглядов и привычки мышления в своих постановлениях представлял некоторые противоречия, которые давали место определенным сомнениям в характере подобного рода заведений для успешной борьбы с зародышами преступности будущих совершеннолетних, а именно: представляются ли они до известной степени карательными или

исключительно воспитательными, хотя бы и с принудительным характером?» [126, Л. 160].

В первое десятилетие после издания данного закона было открыто только семь заведений. В последующие годы дело пошло успешнее.

Второй период (1889-1917 гг.)

Деятельность воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей регламентировалась **Общим положением об исправительных приютах и земледельческих колониях для малолетних (1889 г.)**, обнаруженном нами в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) [118].

В нем указано, что правом устраивать, содержать и заведовать приютами и колониями с разрешения Министра внутренних дел пользовались земства, городские думы, сословные управления, духовные учреждения, специальные общества приютов и колоний и частные лица. Приюты и колонии осуществляли свою деятельность на основании данного Положения и специальных уставов, утвержденных для каждого заведения Министром внутренних дел. Уставы не должны были содержать правил, в чем-либо противоречащих Общему положению. Кроме того, эти учреждения ставили целью «нравственное исправление принятых ими малолетних и выпуск их людьми честными и религиозно-нравственными» [Там же, Л. 38]. Она достигалась следующими средствами: правильным религиозно-нравственным, умственным и физическим воспитанием каждого малолетнего, обучением в школе приюта и колонии, обучением ремеслам или сельскохозяйственным работам (или тому и другому), постоянным надзором, правильной дисциплиной, наградами и наказаниями. В Положении отмечается, что планы частных приютов или колоний и помещения, нанимавшиеся для данных заведений, предварительно одобрялись Главным тюремным управлением, которое рассматривало этот вопрос с точки зрения соответствия помещений предполагаемому

количеству воспитанников и возможности точного соблюдения настоящего Положения.

В приюты и колонии помещались малолетние трех разрядов: «а) осужденные судом за совершенное преступление, б) помещаемые по распоряжению правительственных учреждений (нищие, бродяги, брошенные дети), в) отдаваемые на исправление родителями и опекунами» [118, Л. 38]. В уставе каждого приюта и колонии должно было точно указываться, для каких разрядов учреждались приют и колония. Содержание малолетних разных полов в одном заведении, однозначно, запрещалось.

Как свидетельствует Положение, в уставах приютов и колоний должно было указываться также количество малолетних, допускавшихся к помещению в приют или колонию (но не менее 15 и не более 200 человек для одного заведения). В уставах также отмечалась территориальная принадлежность (пространство) колоний-приютов. Пространство не могло быть менее того города или уезда с городом, в которых находились приют или колония. Средства, необходимые на содержание приюта и колонии, давались теми Обществом, учреждением или лицом, в заведывании которых находились приют и колония. В пособие на содержание тех из исправительных заведений, которые принимали малолетних по судебным приговорам, были включены: 1) плата на еду и одежду от Тюремных комитетов на каждого малолетнего. За время, проведенное питомцами в лазаретах, плата рассчитывалась Тюремным комитетом по больничному положению для взрослых арестантов; 2) до 10% по усмотрению земств из сумм, собиравшихся ежегодно на устройство мест заключения (там, где таковых не было – от губернских распорядительных комитетов); 3) не менее одного рубля в месяц от родителей и опекунов малолетних, помещенных по судебному приговору. Вышеуказанное вознаграждение и его размер определялись судом в соответствии со средствами родителей и опекунов при постановлении приговора о помещении малолетних в исправительное заведение. Взыскание денег при отсутствии взноса в срок производилось по

требованию приюта и колонии через местную полицию в порядке бесспорных взысканий. Колония-приют могла отказаться от такого взыскания в случае крайней бедности родителей и опекунов. Они, отдававшие добровольно детей на исправление, оплачивали их содержание по соглашению с начальством приютов и колоний.

Приюты и колонии, согласно Общему положению, пользовались следующими правами и преимуществами: 1) принимать пожертвования и выставлять кружки для сбора пожертвований с разрешения учреждений; 2) наравне с другими богоугодными заведениями пользоваться изъятиями от гербового сбора; 3) принадлежавшее и приобретенное недвижимое имущество колоний-приютов освобождалось от сборов в пользу казны; 4) ежегодно разыгрывать без взноса процентов одну лотерею (сумма продаваемых билетов не превышала трех тысяч рублей); 5) в случае выполнения помещенными в колонию-приют питомцами земледельческих работ Министерство государственных имуществ отводило для этого из имевшихся в той местности свободных казенных земель участок нужных размеров для бесплатного пользования; 6) колония-приют имела печать со своим наименованием [118].

Колонии-приюты находились в ведении Министерства внутренних дел и в непосредственном подчинении Главному тюремному управлению, которое контролировало их действия. Исправительные заведения были подчинены, кроме того, наравне с другими местами заключения надзору местных губернаторов и прокуроров. Порядок заведывания приютами и колониями, состав Советов, правлений, порядок выбора или назначения их членов и попечителей, распределение их прав и обязанностей определялись для каждого заведения уставом, утвержденным Министерством внутренних дел. Управление колонией-приютом поручалось одному лицу – директору или смотрителю. Он, согласно Общему положению, отвечал за правильный ход дела в учреждении. Никакое распоряжение по заведению не могло быть сделано иначе как через директора или смотрителя. Эти лица должны были

являться людьми с неопороченной нравственностью и иметь аттестат на право преподавания. Директор или смотритель действовали по инструкции, выданной им Правлением, Советом или Попечителем. Директор или смотритель утверждались в должности и увольнялись от службы Главным тюремным управлением не иначе как по представлениям Правления, Совета и Попечителя.

Стоит отметить, что количество служащих в приюте или колонии определялось потребностью каждого заведения. В каждой мастерской должен был работать минимум один мастер-учитель на 25 воспитанников или воспитанниц, а также не менее одного на 15 малолетних. Все служащие принимались и увольнялись Правлением, Советом или Попечителем по представлениям директора или смотрителя. Все сотрудники, без исключения, снабжались инструкциями, в которых четко были обозначены их права и обязанности. Данные инструкции составлялись директором или смотрителем и утверждались к исполнению Правлением, Советом или Попечителем. Все служащие по воспитательной части в приютах и колониях (директор или смотритель, его помощник, воспитатели, учителя, надзиратели) не призывались к исполнению воинской повинности в том случае, если занимали штатные должности. Штат по представлению начальства заведения утверждался Главным тюремным управлением.

В Положении также указано, что законоучитель, воспитатели, учителя школы, врач, помощник директора, заведующий мастерскими и обучением сельскому хозяйству составляли под председательством директора или смотрителя Педагогический совет колонии-приюта. Он решал все педагогические вопросы, связанные с перевоспитанием малолетних, и собирался не менее одного раза в месяц. Педагогический совет действовал на основании особой инструкции.

Малолетние, поступавшие по приговору суда, препровождались с копиями приговоров, изложенных в окончательной форме и с точным указанием лет осужденного. В исправительные учреждения не принимались

«вовсе идиоты, эпилептики, больные сифилисом и другой заразной болезнью» [118, Л. 39]. Такие несовершеннолетние правонарушители, а также и те, кто не был принят из-за отсутствия мест в колонии-приюте, возвращались в суд, вынесший приговор, для замены помещения в приют или колонию другими мерами взыскания.

Если же такие малолетние были присланы административными учреждениями или родителями и опекунами, то они возвращались приютами и колониями непосредственно приславшим их учреждениям и поместившим их лицам. Минимальный и максимальный возраст приема малолетних в каждое заведение определялся его уставом, утвержденным Министерством внутренних дел. Воспитанники содержались в приютах и колониях, придерживаясь, по возможности, быта крестьян и ремесленников. «Стремясь обставить малолетних правильными гигиеническими условиями, приюты и колонии должны в то же время учесть, чтобы обстановка жизни воспитанников и воспитанниц отнюдь не приучала их к роскоши, но наоборот, возможно ближе подходила к той, в которой им придется жить после выхода из заведения», - отмечалось в Общем положении об исправительных приютах и земледельческих колониях для малолетних [Там же, Л. 40].

Педагогический Совет приюта или колонии составлял для своего заведения расписание будничного и праздничного дня и правила для воспитанников. Как расписания, так и правила утверждались Правлением, Советом или Попечителем и подлежали затем самому точному исполнению. При их составлении учитывалось, чтобы отсутствие утомления малолетних достигалось, главным образом, сменой разнообразных занятий (школа, мастерские, сельские, огородные занятия, беседы законоучителя и воспитателя, уборка помещений, мелкая починка одежды и белья и пр.); чтобы день воспитанников был достаточно заполнен этими занятиями, и они имели лишь самое необходимое время для полного отдыха. Правила для воспитанников ставили цель – приучение их к порядку, дисциплине,

уважению к старшим, исполнению обязанностей. Все питомцы обучались в колониях-приютах Закону Божиему, чтению и письму по-русски и счету по программе не ниже одноклассного сельского начального училища. Школьные занятия продолжались круглый год. Их часы на лето могли быть уменьшены и носили характер повторительного курса. Школа приюта или колонии действовала на основании правил, составленных Педагогическим советом заведения и утвержденных затем Правлением, Советом или Попечителем. В этих правилах было указано, на сколько лет разбивался курс школы, каким образом предполагалось согласовать правильный ход школьных занятий с постоянным поступлением и выпуском малолетних в течение всего года из заведения. Школа подчинялась на общем основании надзору со стороны местного училищного совета. Должность учителя школы и воспитателя заведения соединялась (по возможности) в одном лице, учителя утверждались в должности местным училищным советом.

Способы обучения мастерству и сельскому хозяйству определялись для каждого заведения правилами, установленными Правлением, Советом или Попечителем. Как отмечается в Общем положении об исправительных приютах и земледельческих колониях для малолетних, «обучение это должно быть так организовано, чтобы им достигались не только выпуск знающих свое дело работников и работниц, умеющих обеспечить себя по выпуске из заведения, своим личным трудом, но и приучение к труду, внушение понятия о пользе и необходимости труда в жизни» [118, Л. 40].

В Положении, кроме того, указано, что больные воспитанники или воспитанницы помещались на лечение в городские, земские и иные больницы по соглашению приютов или колоний с управлениями больниц. Но также при каждом приюте и колонии были лазарет, снабженный всем необходимым для оказания первой помощи, отделения для заболевших, для экстренных случаев и т.п. Лазареты были абсолютно изолированы от общих помещений малолетних. Они имели не менее одной койки на каждые

двадцать призреваемых малолетних. Лазареты находились в ведении врача заведения.

Педагогический совет вырабатывал для своего приюта или колонии виды наказаний, налагаемых за проступки малолетних. Их утверждал Совет, Правление или Попечитель. Исключались темный карцер более двух суток, светлый карцер (одиночное заключение) более двух недель, содержание на хлебе и воде более двух суток подряд и наказание розгами. В Положении отмечается, что последнее наказание в крайних случаях применялось в мужских заведениях как исключительная мера и не иначе как с непременным соблюдением следующих условий: «директор каждый раз должен внести вопрос о применении телесного наказания на решение Педагогического совета, и если членами оно единогласно будет признано необходимым в данном случае прибегнуть к телесному наказанию и это постановление будет утверждено Советом, Правлением или Попечителем заведения, то виновный наказывается розгами» [118, Л. 40]. Если хоть один голос в Педагогическом совете был против наказания розгами, то оно отменялось. В Положении указано, что данное наказание не могло происходить при ком-либо из других воспитанников и превосходить 25 ударов.

Хорошее поведение и работа воспитанников и воспитанниц поощрялись: общими и групповыми прогулками вне заведения, праздниками в заведении (елки, музыка и пр.), отпусками, увеличением пособий при выходе, условным освобождением для помещенных по суду, другими способами по усмотрению Педагогического совета заведения с утверждением Совета, Правления или Попечителя.

Отпуска допускались при хорошем поведении для всех трех разрядов малолетних. Они разрешались без провожатого для воспитанников, помещенных по суду: такие питомцы отпускались к благонадежным родственникам, опекунам и знакомым, на прогулки и за покупками для заведения. Любой малолетний, помещенный по суду, отпускался с провожатым для свидания с опасно больными родственниками, на похороны

родителей и т.п. Отпуска для малолетних первого разряда не могли быть продолжительнее трех суток, причем в этот срок не входило время, необходимое на дорогу.

Воспитанник или воспитанница, помещенные по суду и признанные вполне исправившимися, освобождались ранее истечения срока приговора, но непременно с соблюдением следующих условий: «Совет, Правление или Попечитель представляют на разрешение Министра юстиции о необходимости освободить исправившегося под условие, что при дурном поведении освобожденного (пьянство, разврат, пропуски) он должен быть немедленно возвращен в приют или колонию» [118, Л. 41]. Получив разрешение, малолетний выпускался на свободу по истечении срока приговора, но оставался под постоянным надзором приюта и колонии и по их требованию возвращался в заведение. Взаимодействие с Министром юстиции по условному освобождению производилось по телеграфу за счет ходатайствующих колоний-приютов.

Кроме того, воспитанники и воспитанницы, помещенные по суду, освобождаясь из исправительного учреждения, оставались там до достижения ими двадцати одного года под надзором приюта и колонии, которые в течение этого времени заботились о судьбе выпущенных. «Заботы эти сводятся, главным образом, к приисканию занятия, к помощи нравственной и материальной, если выпускник впадает в затруднительное положение и к постоянному надзору за вышедшим малолетним» [Там же, Л. 41]. Заботу о бывших воспитанниках и воспитанницах приюты и колонии могли возлагать на специальные Общества покровительства вышедшим из мест заключения, если они существовали в местах, где находились приюты и колонии. Но при этом последние не избавлялись от обязанности знать о судьбе каждого ребенка, состоявшего под покровительством приюта или колонии. Забота о бывших воспитанниках прекращалась: 1) при принятии на себя этой заботы и надзора родителей выходящих и отказа родителей от всякого вмешательства приюта и колонии, 2) при совершении бывшим

воспитанником или воспитанницей преступления, повлекшего за собой новый судебный приговор, 3) при плохом поведении, «делающим всякую заботу и надзор бесполезными», 4) при достижении двадцати одного года.

Советы, Правления и Попечители устанавливали для воспитательно-исправительных заведений формы, сроки и порядок составления дневных, недельных, месячных и иных отчетных сведений. Годовой отчет составлялся с таким расчетом времени, чтобы был доставлен (в количестве трех экземпляров) Главному тюремному управлению не позднее 1 мая следующего за отчетным года. Отчеты, кроме того, представлялись местному губернатору, прокурору окружного суда, Тюремному комитету и всем структурам, дававшим к отчетному году пособие приюту или колонии. Годовой отчет включал следующие сведения: 1) личный состав общества, его организация, состав Правления, его деятельность, денежная отчетность по обществу, 2) сведения о персонале заведения, числе воспитателей, учителей, дядек, мастеров и т.д., изменения в составе персонала за отчетный год, 3) сведения о численности воспитанников на 1 января отчетного года, подробности о выбывших, 4) возраст, вероисповедание, сословие, проступок, приговор, семья, прежняя судимость, 5) число больных, род болезней, нахождение в больнице, амбулаторные случаи, смертность, 6) учебно-воспитательная система: деление воспитанников, его основание; случаи и род наказаний и наград; школа, размер, успехи; работы в заведении, род работ, порядок назначения, успехи, способы обучения, плата, награды, право пользования ими; переписка, свидания, отпуска; судьба условно-освобожденных, способов надзора за ними, случаи возвращения; надзор и покровительство выпущенных; продовольствие и одежда, способы заготовления, стоимость содержания одного питомца, полная и по отделам (воспитание, управление, школа, надзор и пр.); денежный отчет; смета на будущий год.

Колонии-приюты представляли Главному тюремному управлению к назначенному им сроку и по установленной форме статистические сведения,

необходимые для международной статистики по исправительным заведениям; три экземпляра всех инструкций, правил, списков наказаний, расписание дня по мере введения их в действие. Начальник Главного тюремного управления имел право лично или через командированных им чиновников осматривать приюты и колонии и требовать устранения отступления как от Общего положения, так и от специальных уставов заведений. При нарушении законов, положения и специальных уставов частные приюты и колонии закрывались по решению Министра внутренних дел и с разрешения первого Департамента Правительствующего Сената.

В случае закрытия частного приюта и колонии все движимое и недвижимое имущество и денежные капиталы заведения передавались Главному тюремному управлению лишь в том случае, если Министром внутренних дел было признано возможным устроить и содержать взамен закрываемого частного заведения правительственный приют или колонию на то же число призреваемых. В противном случае все имущество закрытого учреждения продавалось распоряжением местного губернского правления, а вырученная сумма вместе во всеми оставшимися денежными средствами закрытого приюта и колонии передавалась в Государственный Банк для приращения в процент до тех пор, пока не образовывался капитал, который признавался Министром внутренних дел достаточным для содержания правительственного приюта и колонии. Правило это не применялось к капиталам, пожертвованным условно или имевшим специальное назначение, а также когда в существующих уставах Общества, приютов или колоний было указано иное предназначение средств заведения.

Для выяснения возникающих на практике затруднений, разработки отдельных вопросов, единства действия приютов и колоний с разрешения Министра внутренних дел созывались периодические съезды представителей русских исправительных заведений. Каждый съезд определял место, срок созыва и бюро будущего съезда. Периоды времени между съездами не могли быть менее трех лет.

В 1890 году в российском законодательстве появился Устав о содержащихся под стражей. Согласно статье 162, назначенный судебным приговором срок пребывания в приюте несовершеннолетних, которые были признаны исправившимися, мог сокращаться на одну треть. Если же они снова совершали преступления, то вновь возвращались в приют до истечения полного назначенного срока. В статье 163 указано, что освободившиеся из приюта несовершеннолетние должны были находиться в течение определенного времени под покровительством приюта, который обязан был оказывать им всевозможное содействие в адаптации к самостоятельной жизни [141].

Безусловно, это являлось важным условием, ведь не каждый воспитанник мог сразу после приюта найти подходящую работу, нормально устроиться и жить полноценной жизнью. Поэтому персонал учреждения брал на себя не только личную, но и законодательную ответственность. Не вызывает сомнения, что при отсутствии поддержки со стороны персонала приютов питомцы зачастую возвращались бы к прошлой преступной жизни.

Стоит отметить, что в законодательстве Российской империи актуальным был вопрос о порядке доставления детей-правонарушителей в исправительные учреждения. Эта проблема стала особенно острой, когда в 1874 году в журнале «Судебный вестник» был описан случай с 16-летним мальчиком, который был приговорен за кражу к поселению в Сибирь. Возмущение вызвал тот факт, что ребенок был отправлен туда в кандалах [77].

Лишь 7 ноября 1892 года был принят закон «Об отдаче в исправительные приюты арестантов из несовершеннолетних, состоящих под следствием или судом, и порядок доставления несовершеннолетних в эти приюты» [115]. В приложении Д вынесена выписка о решении вопроса отдачи несовершеннолетних правонарушителей в исправительные приюты и порядок доставления детей в них.

На основании данного закона было принято соответствующее решение. Так, Соединенные департаменты законов, государственной экономики и гражданских и духовных дел постановили, что обвиняемые и подсудимые с 10 до 17 лет, подлежавшие содержанию под стражей по делам, рассматривавшимся как общими, так и мировыми судебными установлениями, а также уездными членами окружного суда, городскими судьями и земскими начальниками, отдавались в исправительные приюты и колонии для несовершеннолетних преступников. Принятие этой меры зависело от взаимного соглашения между подлежащей судебной или следственной власти с управлением отдельных приютов и колоний. Однако, это постановление не отменяло содержащиеся в уставах некоторых исправительных приютов особые правила о возрасте несовершеннолетних, подлежавших приему в эти заведения. Важным в законодательном плане было то, что обвиняемые и подсудимые (ст. 1) содержались в исправительных приютах отдельно от прочих воспитанников с применением к ним общих постановлений о прокурорском надзоре за содержащимися под стражей. Кроме того, из закона следовало, что определенные в исправительные приюты и колонии несовершеннолетние арестанты при следовании в заведения, а также при доставлении их в судебные места к судебным следователям и т.п. сопровождалась под надзором (взамен стражи) особых лиц по соглашению об этом судебной или следственной власти с управлением заведения. Необходимо подчеркнуть, что расходы по препровождению несовершеннолетних арестантов порядком, указанным в статье 3, возмещались из казны: «при следовании по грунтовым дорогам – в размере прогонов на одну лошадь, а по направлению пароходных сообщений или железных дорог – сообразно плате за проезд в местах низшего класса как для сопровождающего, так и для сопровождаемого и с выдачей при этом кормовых денег сопровождающему – по 30 копеек в сутки, а сопровождаемому – в размере, установленном для прокормления арестантов во время пересылки (уст. сод. под страж. ст. 390)» [115, Л. 107].

Последующими законами от 20 мая 1892 года «Об изменении постановлений, касающихся обращения в исправительные приюты и содержания в них малолетних преступников», 2 февраля 1893 года «О предоставлении исправительным приютам права заключения условия об отдаче выпускаемых воспитанников в наем или обучение» и 8 февраля того же года «Об изменении порядка заключения и пересылки несовершеннолетних, состоящих под следствием и судом», изданными в значительной мере под влиянием ходатайств отдельных заведений и съездов их представителей, следовательно, под влиянием практики, а также актом 1895 года, которым эти заведения были удостоены принятия под Высочайшее покровительство Государя Императора, все сомнения были устранены, что свидетельствовало об исключительном воспитательном характере исправительных приютов.

2 февраля 1893 года было Высочайше утверждено мнение, согласно которому директорам колоний-приютов было разрешено отдавать «пробывших в заведении не менее 1 года воспитанников в обучение благонадёжным мастерам в промышленные заведения или на сельские и иные работы помимо согласия родителей, причём воспитанники должны оставаться в подчинённых к приюту отношениях, при освобождении же достигших 18-летнего возраста предоставлено право, с согласия лишь самого освобождаемого воспитанника, помимо родителей заключать с мастерами, хозяевами или промышленными заведениями договоры об обучении их до совершеннолетия мастерам» [43, с. 11-12]. Безусловно, данное положение способствовало тому, что бывшие воспитанники колоний-приютов имели возможность получить хорошую работу, таким образом, обеспечивая себя в самостоятельной жизни посредством честного труда.

По ходатайству съездов представителей русских воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних 19 апреля 1909 года было обнародовано удостоившееся Высочайшего утверждения «Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних» о

названных заведениях [2], которое сделало значительный шаг вперед в деле организации в Российской империи предупредительно-исправительного воспитания и значительно заполнило пробелы закона от 5 декабря 1866 года.

В циркуляре, разосланном губернаторам, по поводу издания Положения Министр юстиции определил значение нового закона следующим образом: «Вся совокупность правил нового Положения ясно указывает на стремление законодателя широко и твердо поставить дело предупредительно-исправительного воспитания; заменить им уголовную кару по отношению к несовершеннолетним в возрасте до 17 лет; избавить еще достаточно душевно неразвитых несовершеннолетних этого возраста от клейма и предубеждения, которые связываются в общественном мнении с уголовным наказанием и пребыванием в тюрьме» [126, Л. 160].

Положение поставило основной целью деятельности воспитательно-исправительных заведений нравственное исправление помещенных в них несовершеннолетних и подготовку их к честной трудовой жизни. Как на средства для достижения этой цели, закон указывал на религиозно-нравственное, умственное и физическое развитие питомцев, на первоначальное общее их образование, а также на практические познания, которые давали бы им возможность зарабатывать себе на жизнь.

Помимо категорий несовершеннолетних, указанных в законе 1866 года с его дополнениями – обвиняемых, подсудимых и помещенных по определениям и приговорам суда, Положение допускало в воспитательно-исправительные колонии и приюты новые категории несовершеннолетних – нищенствующих, бродяжествующих и вообще бесприютно-беспризорных, а также и «отбившихся от рук», «свихнувшихся», принимаемых в заведения по просьбам их родителей. Присоединение двух последних категорий несовершеннолетних, еще не приходивших в столкновение с уголовным судом, закон придал заведениям, предназначенных для их помещения, характер заведений не только исправительного, но и предупредительного воспитания. Причем, согласно данному Уложению, в колонии-приюты

помещались несовершеннолетние правонарушители не моложе 10 лет и не старше 17 лет. Статья 6 указывала на то, что обязательным было разделение воспитательно-исправительных заведений на мужские и женские [103].

При таком характере заведений закон, в целях охранения нравственности, исключал возможность препровождения несовершеннолетних в арестантских партиях. Он признал необходимым во всех случаях препровождать их с особым провожатым. Для большего обособления области предупредительно-исправительного воспитания от области уголовной кары новым законом была принята еще более важная мера. В нем было постановлено, что судебное преследование не могло быть начато, а начатое должно «подлежать прекращению, если оно направлялось против несовершеннолетнего, уже помещенного в воспитательно-исправительное заведение, по обвинении его в учинении до помещения в заведение, а также в самом заведении или во время побега, или отпуска из него, преступного деяния, за которое он по закону не может подлежать более строгому наказанию, как отдаче в воспитательно-исправительное заведение» [126, Л. 161].

Допустив в колонии и приюты новые вышеуказанные категории питомцев и стремясь шире развить в России систему предупредительно-исправительного воспитания беспризорно-бесприютных детей и подростков, вновь обнародованное Положение значительно увеличило преимущества, которыми пользовались названные заведения. Предоставив им свободу от уплаты всяких сборов и пошлин и важные льготы по почтовой пересылке, оно удвоило размер пособий, отпускавшихся им из казны (сверх удвоенного размера пособия были назначены новые отпуска – на лечение и погребение), допустило возможность удвоения отчислений из штрафных сумм и назначение единовременных пособий до 20000 рублей на устройство и ремонт заведений из тех же штрафных капиталов.

Сверх того, Положение предоставило воспитательно-исправительным заведениям право принимать всякого рода пожертвования, отказы,

единовременные и ежегодные пособия от земств, городов, сословных, волостных, приходских и сельских обществ, от различных установлений и частных лиц, производить различного рода сборы и устраивать платные развлечения и зрелища.

«Это последнее постановление, не устанавливая обязанности для перечисленных в нем учреждений, в числе земств и городов, давало право на денежные пособия колониям и приютам и указывало на желательность, с точки зрения законодательства, таких пособий местным заведениям предупредительно-исправительного воспитания, учрежденным для удовлетворения одной из наиболее настоятельных государственно-общественных потребностей – потребности обезвреживания при помощи правильного воспитания беспризорно-бесприютных детей и подростков, которые, за отсутствием такого воспитания, легко попадали в ряды хулиганов и преступников» [126, Л. 161].

Принимая во внимание достаточно широкое развитие учреждений предупредительно-исправительного воспитания беспризорно-бесприютных детей и подростков, Министр юстиции в вышеуказанном циркуляре по поводу обнародования «Положения о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних» высказался за желательность и полезность учреждений и их содержание непосредственно земствами и городами при содействии частной благотворительности: «такая постановка вполне соответствовала бы самому существу дела названного воспитания, которое, удовлетворяя почти исключительно местным нуждам, должно и находиться в ближайшем заведывании местных общественных управлений, при участии и всех живосочувствующих этому свободных общественных сил. Только при такой организации оно и может получить необходимые постоянство и устойчивость, которых одна частная благотворительность ему обеспечить не может» [Там же, Л. 161]. При этом в нем указано, что на необходимость «возможно большего возбуждения общественного внимания и интереса к делу настойчивой плодотворной борьбы с заброшенностью и

беспризорностью несовершеннолетних и проистекающей от этого зарождающейся преступностью, без чего достаточный успех в этом деле первостепенной государственно-общественной важности не может быть достигнут» [126, Л. 161].

Как отмечается в отчете о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних в Российской империи (1908-1909), «частные общества, открывавшие заведения, чтобы избежать названия, вызывающего некоторое предубеждение в публике против воспитываемых в них несовершеннолетних, с самого начала стали именоваться не обществами исправительных приютов, а обществами земледельческих колоний и ремесленных приютов для несовершеннолетних» [Там же, Л. 160].

Таким образом, со второй половины XIX века возросла потребность в социально-правовой защите интересов несовершеннолетних правонарушителей. Это, в свою очередь, **стимулировало правотворческую деятельность, и к началу XX века сформировались законодательные основы системы воспитательно-исправительных заведений.**

При этом законодательство было направлено в сторону гуманизации. Принятые в то время законы заметно улучшили положение данной категории лиц. Безусловно, открытие воспитательно-исправительных учреждений для детей, совершивших правонарушения, стало большим шагом в реорганизации системы уголовного правосудия несовершеннолетних.

Можно отметить, что законы того периода были направлены именно на нравственное исправление и воспитание оступившегося ребенка и не несли в себе карательной составляющей. В.И. Чаславский отмечает, что «чем правильнее, чем полнее воспитание человека, чем лучше ожидающая его будущность; напротив, недостаток умственного развития, отсутствие прочных нравственных основ, недостаток положительного знания, которое обеспечивало бы человеку кусок хлеба, все это вместе ведет его почти всегда

к гибели» [100, с. 3]. Таким образом, законы акцентировали внимание на воспитательной деятельности исправительных учреждений, способной исправить оступившегося ребенка. Кроме того, в законах напрямую содержались превентивные меры. Без сомнения, важной особенностью являлось то, что колонии-приюты брали на себя ответственность за воспитанников и после выхода из заведения последних.

Несмотря на то, что проблема рецидивов несовершеннолетних не была искоренена полностью, но все же большинство питомцев воспитательно-исправительных учреждений Российской империи находили свое место в жизни, не прибегая к негативному прошлому. Это свидетельствует о том, что, в целом, новое уголовное законодательство в отношении несовершеннолетних правонарушителей давало положительные результаты, не приравнивало ребенка к взрослому преступнику, а выводило его на уровень гуманного воспитания.

1.3. Социально-педагогические основания воспитательной деятельности исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей

Начавшееся в Европе со второй половины XVIII века и значительно усилившееся в первой половине XIX века движение, направленное на признание и исправительное воспитание «нравственно-испорченных», беспризорных и преступных детей и подростков, с конца 40-х годов XIX века коснулось и России.

Итак, произошедшие в период великих реформ глобальные изменения затронули все социально-незащищенные слои населения, в частности, бывших крепостных (которые все равно не стали полностью свободными, а оказались в еще более бедственном положении). В период коренного перелома произошел резкий рост детской преступности. Причем до отмены крепостного права эта проблема не была столь распространенной. На

рисунке 1 приведены факторы, способствовавшие росту детской преступности во второй половине XIX – начале XX вв.

Безусловно, данное явление стало своеобразным ответом на неправильные действия не только со стороны государства, но и со стороны местных органов власти. Ко второй половине XIX века детские преступления значительно возросли, поэтому возникла серьезная необходимость, как можно быстрее найти способ решения этой острой социальной проблемы.

Рисунок 1 – факторы, способствовавшие правонарушениям несовершеннолетних во второй половине XIX – начале XX веков

Как указывает С.А. Завражин, «в начале 60-х годов, в связи с начавшимися демократическими преобразованиями, все чаще высказывались мысли о необходимости перехода к новой пенитенциарной стратегии в отношении несовершеннолетних преступников, которая строилась бы не на карательных, а на целесообразных педагогических принципах, не на

“тюремизации” (усвоении нравов, уклада жизни мест лишения свободы) детей и подростков, а на формировании из них нравственно здоровых и полезных членов общества» [31, с. 125].

В документе «Воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних в Российской империи», обнаруженном нами в Государственном архиве Смоленской области (ГАСО) [103], отмечается, что первые общие заведения для детей-правонарушителей обоего пола, разобщаемые по особенным отделениям, начали возникать в городах прибалтийских губерний страны – Нарве, Ревеле, Риге. 21 мая 1864 года был также учрежден особый приют для детей, находящихся под следствием и судом, и для детей нищенствующих и праздношатающихся в центре России – Москве. Позднее он стал первым воспитательно-исправительным приютом для несовершеннолетних, помещенных по суду. Это Московский городской Рукавишниковский приют (по имени жертвователя Николая Рукавишникова), при котором в 1904 году была открыта располагавшаяся под Москвой земледельческая Фидлеровская воспитательно-исправительная колония для подростков в возрасте с 15 до 17 лет.

Как отмечал М.В. Теодорович, «все сознают вред, приносимый детям, заключением в тюрьмах и рабочих домах. Все сознают, что необходимо, вместо заключения, дать им приют и воспитание, которого не могли им дать родители и, конечно, не дадут ни рабочие дома, ни тюрьмы» [83, с. 20].

Ю.В. Гербеев подчеркивал, что отсутствие специальных воспитательных заведений для несовершеннолетних правонарушителей, а вследствие этого – совместное содержание в тюрьмах детей и взрослых заключенных приводило к тому, что детская преступность не только катастрофически увеличивалась, но и рос ее рецидив [14].

Государство понимало всю сложность данной проблемы и предпринимало конкретные меры для ее решения. «Правила об исправительных приютах» от 5 декабря 1866 года призвали правительство, земства, общества, духовные установления и частных лиц к устройству

заведений, предназначенных для исправительно-предупредительного воспитания. К сожалению, устройства правительственных воспитательно-исправительных заведений на тот момент еще не последовало. Частная же благотворительность с готовностью пошла на призыв законодателя и ей обязаны своим возникновением почти все приюты-колонии для несовершеннолетних правонарушителей.

После принятия Правил от 5 декабря 1866 года стали учреждаться общества земледельческих колоний и ремесленных приютов. «Начиная с января 1870 года, стали основываться частные общества в Варшаве (1871 г.), Харькове (1871 г.), Казани (1873 г.), Киеве (1874 г.), Нижнем Новгороде (1875 г.), Симбирске (1876 г.), Ярославле (1876 г.), Вологде (1878 г.) и др.» [14, с. 42]. Впоследствии при этих обществах открывались колонии-приюты для несовершеннолетних правонарушителей.

Воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних правонарушителей ставили цели: 1) улучшение участи несовершеннолетних обоого пола, как впавших в преступление, так равно бесприютных сирот и нищих; 2) воспитание порочных детей так, чтобы возвратить обществу полезных граждан, способных содержать себя посредством производительного труда; 3) призрение и воспитание тех, кто мог стать преступником, а именно: детей нищих, бродяг и вообще малолетних, лишенных крова, доброго руководства и попечения. С этой стороны исправительные заведения имели весьма важное значение, как меры предупреждения преступления, как средства борьбы с ними, рассчитанные на изменения тех причин, под воздействием которых из малолетних нередко получались профессиональные и неисправимые преступники.

Как отмечает Ю.В. Гербеев, «колонии и приюты должны были быть воспитательными учреждениями, способными благотворно влиять на малолетних преступников, самим складом колонийской жизни, жестким режимом, производительным трудом и перспективой будущей честной жизни» [Там же, с. 47].

Главная мысль, положенная в основание всех исправительных заведений, заключалась в требовании, чтобы исправительные учреждения «доставили малолетним то высшее благо, которого дети были лишены, живя в порочной среде, а именно: дать им семью, воспитать их ум, дать им религиозное образование, выработать в них рабочие привычки, чтобы дать им при выходе на свободу возможность заработать честным трудом кусок хлеба, и наконец, имея ввиду, что организм малолетнего в суровой борьбе с нуждой и лишениями с холодом и голодом изнурен, истощен, исправительное учреждение обязано поставить его в лучшие условия жизни и обеспечить для своего питомца возможность восстановить его физические силы» [65, с. 7].

Если воспитательное учреждение отвечало всем этим требованиям, то оно давало несовершеннолетним хорошее и правильное воспитание, искореняло их дурные привычки, развивало интеллектуальные и душевные силы питомца и таким путем побуждало этих детей, обиженных судьбой, самостоятельно проявлять и прилагать к делу только полезные дарования и полезные способности, уклоняясь от порока. То есть исправительные учреждения оправдывали возложенные на них задачи: они давали религиозно-нравственное и практическое образование малолетнему преступнику, лишённому надзора, и возвращали обществу честного гражданина, способного и полезного работника.

Кроме того, учреждения для несовершеннолетних правонарушителей классифицировались и по критерию доминирующей в них системы воспитания. Так, в практике воспитательно-исправительных заведений сложилось следующие системы: семейная, казарменная, смешанная и прогрессивная.

Так называемая **семейная система размещения** воспитанников в обособленных небольших помещениях под руководством особого воспитателя являлась наиболее продуктивной в отношении изучения особенностей характера питомцев и установления между воспитателем и

воспитанником таких отношений, которые способствовали большей эффективности нравственного влияния. Она применялась в сравнительно немногих заведениях, например, в Киевской и Полтавской колониях, Харьковском приюте и некоторых других.

За основание для деления воспитанников на семьи по большей части выбирались возраст или поведение, но иногда принимались другие основания, например, общность изучаемого ремесла. «Первый из этих принципов деления, конечно, имел большие естественные основания, но не меньшие основания имел и второй, если только поведение ставилось в тесную связь с особенностями характеров, определяющих это поведение» [126, Л. 164]. Комбинация двух принципов более всего соответствовала правильной системе индивидуализации воспитания.

В работе дореволюционного ученого Ф.Г. Савенко «Строение и жизнь исправительных колоний и приютов для малолетних преступников» [65] подробно проанализированы критерии, по которым питомцы делились на семьи:

1. *Деление по возрастам.* Это деление было разумным, если брать во внимание тот факт, что каждый возраст имел свои общие характеристики (дети одного возраста по большей части отличаются и одинаковыми склонностями, умственным развитием и нравственными порокам, по мнению Ф.Г. Савенко). Но такое общее правило распространялось на несовершеннолетних, жившим в нормальных условиях. Но эти условия являлись чуждыми для детей, совершивших преступление. Это дети нищих или преступников; дети, у которых не было выработано никаких нравственных представлений, интеллектуальные особенности которых развивались при самых неблагоприятных условиях. Такой ребенок половину своей жизни был лишен самого необходимого для жизни – родительского тепла и пищи. К несовершеннолетним, выросшим среди лишений всякого рода и совершивших преступление, нельзя было применить те же параметры

для определения их умственного и нравственного развития, которые применялись для нормальных детей.

В исправительных приютах находились дети, внутренний мир которых был близок к состоянию психопатии (по крайней мере, в момент поступления в исправительные заведения), по мнению дореволюционных исследователей. При таком ненормальном душевном состоянии дети одного возраста могли иметь самые разнообразные наклонности. Таким образом, система деления на группы по возрастам несколько не гарантировала отсутствия взаимно-нравственного развращения между питомцами.

2. *Деление воспитанников по занятиям.* Данное деление было удобным в отношении воспитательного надзора. Воспитатель, курировавший, например, кузнечное ремесло, группировал группу только из тех питомцев, знающих это дело. Однако, деление по данному критерию имело свои сложности. Если в ремесленной группе находились очень проблемные несовершеннолетние со склонностью к совершению дурных поступков даже в стенах учреждения и там же обучались вполне нормальные питомцы, но со слабой волей, то вполне реально, что первые негативно влияли на вторых. В этой ситуации, как отмечали исследователи, отделить эти категории несовершеннолетних друг от друга было невозможно (нарушался ремесленный режим). Тогда оставалось всю заботу об устранении дурного влияния более порочных воспитанников на менее испорченных, но слабых, возложить на педагогов, положиться на их личностные качества и профессионализм.

3. *Деление на группы по степени испорченности.* При таком делении, собирая в одну группу детей по особенностям поведения, воспитатели не учитывали их способности, но каждой группе поручалось осваивать какое-либо одно ремесло. В Нижегородском приюте эта система была наиболее распространенной. Более испорченных детей помещали в семьи, занимавшиеся более тяжелыми работами. Такой прием имел много практических неудобств. Нравственная распущенность не всегда

гармонировала с физическими силами порочного ребенка: часто очень распущенный мальчик был слабым физически, а при этом его заставляли заниматься самым тяжелым трудом. Очевидно, мальчик мало успевал в работе, физический труд являлся для него пыткой. Исправительное заведение, которое распределяло питомцев по данному критерию, нарушало основной принцип своего гуманного назначения: «заставить своих питомцев почувствовать христианское попечение о них в приюте» [65, с. 15].

Итак, небольшое число заведений, использовавших семейную систему, в значительной мере было обусловлено недостаточностью средств частной благотворительности для построек семейного типа и для содержания большого количества педагогического персонала. Иногда это было связано с необходимостью приспособить, как например, в Симбирске, уже существовавшие для других целей здания к размещению в них питомцев, или же позицией лиц, находившихся во главе обществ, учреждавших заведения. Вследствие этого в значительном числе тех заведений, в которых существовало деление на воспитательные группы, питомцы размещались в одном здании только с внутренним обособлением групп и, таким образом, в них, в большей или меньшей мере, применялась **казарменная система** размещения воспитанников. Она была актуальна для Виленской, Владимирской, Кишиневской колоний, Большевского приюта.

Данная система характеризовалась тем, что воспитанников разделяли на дивизии, роты и секции (по 50-80 человек). Несовершеннолетние следовали воинскому режиму – маршировали, выполняли команды и др. Кроме того, на рукавах питомцы носили нашивки как специальные знаки различия. Если колонию посещали гости, то воспитанники были обязаны ходить строем, петь маршевые песни, получали в полном объеме военную подготовку. В заведениях, следовавших данной системе, были жесткая дисциплина и система наказаний. Внешний вид учреждений напоминал тюрьмы: решетки на окнах, карцер, надзиратели.

У казарменной системы были сторонники и противники. Первые исходили из того принципа, что после освобождения из учреждения воспитанники были готовы к суровой реальности жизни. Вторые же указывали, что казарменная система «нивелирует все живое и подавляет индивидуальность. Она дает лишь внешне образцовый порядок ...» [3, с. 147]. Нередко питомцы подчинялись суровому режиму лишь из чувства страха, а после выхода из учреждений, без жесткого контроля и требований, возвращались к прежней порочной жизни.

Отмена крепостного права способствовала коренным изменениям в обществе, под влиянием которых находились не только крупные города, но и провинциальные губернии.

Исследователь А.Э. Дубоносова отмечает, что почти 23 миллиона крестьян в Российской империи стали свободными после отмены крепостного права [27]. Если до этого все имущественные, уголовные и другие проблемы решались патриархально, то со второй половины XIX века крестьяне учились жить в непонятных для них условиях. Учитывая то, что они были неграмотными, то не могли руководствоваться новыми законами, на которых строилась жизнь социума. В результате новый общественный строй повлек новые социально-правовые проблемы.

Ю.В. Гербеев так характеризует социальное положение крестьянского населения Российской империи после 60-х годов XIX века: «жестокая несправедливость, власть имущих, голод, обнищание народных масс вследствие низкой заработной платы и роста безработицы, а с ними большой процент смертности и преступности» [14, с. 4]. Кроме того, исследователь отмечает, что именно в этот период в стране наблюдался абсолютный рост детской преступности.

Л.И. Беляева подчеркивает, что «вторая половина XIX века характеризуется формированием новых капиталистических отношений, которые основывались на укреплении экономического благосостояния крупных владельцев, разорении мелких собственников, крестьян,

бедственном положении многих рабочих. Увеличение промышленного и финансового капитала и соответствующее этому обнищание народных масс усиливало социально-экономические конфликты, вело к классовому расслоению общества. Города наполнялись маргиналами, не имеющими устойчивых социальных связей, семьи, дома» [3, с. 59-60]. Безусловно, данная ситуация негативно влияла на все незащищенные в правовом и социальном плане слои общества. Детская преступность, до этого не являвшаяся социально-значимой и опасной проблемой, вышла на плато. Тяжелая экономическая, семейная обстановка заставляла несовершеннолетних уходить из дома, что приводило к увеличению детей-бродяг, нищих и преступников.

Анализируя влияние экономических факторов на преступность несовершеннолетних, стоит указать, что во второй половине XIX века коренным образом изменилась структура занятости населения. Если до этого периода крестьяне веками традиционно работали на помещиков, то после отмены крепостного права произошли перемены и в разделении труда. Наблюдался рост городского населения, а традиционные патриархально-общинные отношения в деревне были разрушены. Дореволюционная деревня представляла страшную картину, где было огромное количество бедных, неустроенных крестьянских семей.

Стоит отметить, что во второй половине XIX века среди крестьянского населения было распространено отходничество – крестьяне уходили из деревни в города. Жизнь в деревне после 1861 года стала для них еще более тяжелой – нужда и физический труд, недовольство своим положением. Поэтому во второй половине XIX века повсеместно наблюдалось бегство крестьян из деревень в города, куда их гнала не только нужда, но и надежда завоевать себе лучшее положение среди поражающей глаз деревенского жителя роскоши и богатства. Однако, городская жизнь не была для них столь легкой, а, наоборот, была наполнена лишениями и нищетой. Очень скоро крестьянин, превратившийся в городского пролетария, узнавал, ценой каких

усилий создавался этот «внешний блеск роскоши города, скрывающего в себе позор и социальные страдания и являющегося одновременно носителем красоты и мерзости» [61, с. 10]. Необходимо обозначить, в отходники по семейному паспорту могла уйти вся семья: родители и дети. Несовершеннолетние в таких семьях были подвержены постоянному недоеданию от самого рождения и до преждевременной смерти, физическому и моральному отравлению в плохих жилищах, истощению сил в тяжелой и нездоровой работе. У них отсутствовали здоровые развлечения в жизни, а в качестве «досуга» превалировала преступность.

Адаптацией и устройством детей в таких условиях никто не занимался. Фактически дети оставались наедине с улицей и соответствующим социальным окружением. Следовательно, о воспитании несовершеннолетних из таких семей говорить не стоит. Нравственного, умственного развития этих детей не происходило. Поэтому многие из них становились правонарушителями, ведь в тот непростой период это был, пожалуй, один из возможных случаев выжить, не умерев от лишений и голода. Н. А. Окунев указывал, что «промышленное развитие роковым образом влечёт за собою непомерно быстрый рост городского населения. Если прежде семья довольствовалась заработком отца или мужа, занятого у себя дома своим ремеслом, если прежде мать, хозяйка дома, проводила всё своё время за хозяйством и за нянченьем ребят... то теперь в городах, особенно больших, мы наблюдаем совершенно иную жизнь беднейших классов городского населения. Не только отец и мать, но также и старший брат, и старшая сестра, все решительно из семьи уходят почти на целый день из дома для работы на фабрики и заводы; дома, во дворах домов и на улицах близ своих жилищ остаются только одни дети, если они не посещают школу; тут же и во дворах, и в общих квартирах остаётся и часть взрослого населения, случайно или привычно не имеющая работы, т. е. часть населения, наиболее развращающая, зачастую пьяная или порочная» [74, с. 101-102].

М.Н. Гернет подчеркивал влияние социальных факторов на преступность несовершеннолетних [16]. Он считал, что с развитием промышленности, ростом мануфактур в городах резко возросло количество детей, лишенных семьи, крова, заботы. Эти дети, «покрытые лохмотьями и голодные, бродили по улицам без пристанища. Они не посещали никаких школ и, непривычные ни к какому труду, промышляли неблагоприятными и преступными действиями» [27, с. 51]. Преступность и бродяжничество становились для таких детей обыденным делом.

Влияние социальных факторов на преступность было проанализировано также итальянским криминологом и политическим деятелем Э. Ферри. Он отмечал, что была велика роль общественной среды, влиявшей на индивида. Под общественной средой Э. Ферри понимал не только тот круг людей или ту часть общества, в которой жил человек, но также и те социальные институты и весь государственный политический строй. Сюда же он относил семейную обстановку, классовое устройство, организацию труда, распределение богатств, общественное мнение, жизнь в городах и селах, образование, воспитание, религию, политическое устройство, войны и многое другое [16].

Вследствие этого несовершеннолетние были предоставлены сами себе, они не получали от взрослых ценностных установок, заботы. Д.А. Дриль отмечал, что старшие члены семьи, которые по определению должны были следить за младшими, заботиться об их благополучии, заниматься воспитанием, были вынуждены искать средства существования. У таких членов семьи не было ни времени, ни возможности, ни желания заниматься детьми и брать ответственность за их судьбу. Кроме того, рабочие семьи жили в очень тяжелых условиях. Многодетные семьи ютились в сырых подвалах, на чердаках, в переполненных людьми комнатах. В такой обстановке у ребенка не было личного пространства. Поэтому в подобных условиях часто вырастали не только эмоционально нестабильные, физически ослабленные дети, но и нравственно испорченные. Условия жизни в плохих

жилищах развращали ребенка с раннего детства. «Потемки угла темной, переполненной жильцами комнаты, не настолько темны, чтобы скрыть от ребенка картины грубого пьянства и открытого разврата. Он слышит циничную брань и усваивает ее в совершенстве раньше, чем узнает первую букву азбуки. Грязные улицы бедных кварталов, где играет этот ребенок, не дают ему ничего нового, чего он не видел бы у себя дома, а богатые роскошные улицы только еще ярче и сильнее дают почувствовать сознанию подрастающего пролетария всю пропасть между его положением и классов богатых, показывая, как много всего есть у других и ничего у него самого, кроме рук для постоянной работы, не всегда достаточно сильных и здоровых и не всегда находящих занятие. Нет ничего удивительного, что этот ребенок, выросший среди дурных примеров скверных жилищ, пойдет по пути преступления, будет пьянствовать, устраивать драки, красть и пр.» [16, с. 165].

Д.А. Дриль указывал на то, что дети бедноты и рабочих в наибольшей степени были подвержены негативному влиянию семьи и общества в целом [24]. Это являлось одной из причин, по которой в обозначенный период преступность несовершеннолетних приобрела серьезные масштабы.

Кроме того, во второй половине XIX века на предприятиях широко использовался детский труд. Более того, условия труда были тяжелыми, отсутствовала охрана труда, дети работали почти наравне с взрослыми. На многих предприятиях частыми были случаи травматизма и гибели несовершеннолетних. Несмотря на наличие работы несовершеннолетние находились в постоянной нужде, не имели возможности удовлетворить даже первичные потребности. Как замечал американский политэконом второй половины XIX века Г. Джордж: именно бедность порождает невежество и преступления [22]. Этот факт, без сомнения, лишь подкреплял в несовершеннолетних желание пойти против закона, совершить преступление. По сути, маленьких детей лишали детства, возможности нормально расти и развиваться.

Для более глубокого изучения влияния социально-экономических факторов на проблему преступности несовершеннолетних необходимо указать, какие правонарушения были совершены данной категорией детей (Таблица 2) [74]. Стоит отметить, что за эти правонарушения несовершеннолетние были помещены в воспитательно-исправительные заведения Российской империи в период с 1910 по 1913 гг.

Таблица 2 – виды правонарушений, совершенных несовершеннолетними с 1910 по 1913 гг.

Вид правонарушения	1910	1911	1912	1913
Кражи, укрывательство, сбыт краденых вещей и присвоение чужого имущества	1068	1238	1382	1455
Поджог	17	26	20	8
Преступления против нравственности	6	17	17	16
Убийство и покушение на него	18	26	30	17
Нищенство и бродяжничество	80	96	125	139
Другие	40	97	68	91
Всего	1292	1500	1642	1726

Согласно представленным в таблице 2 данным, преобладающим правонарушением являлась кража. При этом, как отмечал М.Н. Гернет, увеличение краж происходило в зимние месяцы не только под влиянием холода, но и невозможностью найти пропитание. Кроме того, с каждым годом наблюдалось увеличение случаев данного преступления среди несовершеннолетних. Статистика вновь подчеркивает, что дети нарушали закон из-за бедности и невозможности нормально жить и развиваться. По высказыванию М.Н. Гернета: «Среди малолетних преступников, например, громадное большинство осуждено за тайные похищения и ничтожное количество за грабежи и подлоги; объяснение этому явлению надо искать в свойствах детского возраста, не обладающего ни достаточной физической силой для открытого нападения на чужую собственность, ни таким умственным развитием, какое необходимо для совершения подлогов» [16,

с. 123]. При этом, как отмечено в таблице 2, особо тяжких преступлений (убийства и покушение на него) гораздо меньше, чем краж. Это еще раз указывает на то, что среди осужденных несовершеннолетних доминировали не опасные преступники и рецидивисты, а люди, лишенные заботы, внимания и воспитания.

Без сомнения, процесс социализации несовершеннолетних, живущих в постоянной нужде и без заботы со стороны взрослых, был нарушен. Вот как описывает юрист А. Ф. Кони особенности данного процесса: «Постоянная жизнь впроголодь и в холоде, неудачная и отупелая гоньба за куском хлеба, отсутствие каких-либо здоровых впечатлений, бодрость и забвение, находимые обыкновенно в водке, – всё это создаёт условия, губительно действующие на одичалого, голодного ребёнка. Брань пьяного отца, вопли побитой матери, вечное взаимное раздражение, ожесточённые проклятия, посылаемые жизни и всему существующему, глубоко западают во всегда восприимчивый, боязливо, но упорно наблюдательный ум ребёнка, а откровенные слова и картины из области сокровеннейших людских отношений – в самом нежном возрасте развёртывают перед ним одну лишь книгу животных отношений. Без бога, без наивной детской фантазии, без светлых душевных радостей возрастает подгоняемый пинками и колотушками маленький зверёк... Если таково бывает влияние на ребёнка семьи несчастной, то нужно ли говорить о том, как влияет на него семья дурная? Просмотр дел о жестоком обращении с детьми, об умышленном развращении их нравственности, о продаже их в своеобразное артистическое невольничество – даёт незабываемые, давящие как кошмар картины» [67, с. 103].

Кроме того, росту детских правонарушений способствовали крестьянские выступления, которые были актуальны для многих губерний Российской империи после отмены крепостного права. Можно сказать, что несовершеннолетние росли в ситуации войны между крестьянами, требовавшими себе всю помещичью землю без выкупа. В такие сложные и

крайне опасные моменты крестьяне отказывались работать, уничтожали помещичье имущество, совершали грабежи. Соответственно, это не могло не оказать определенного влияния на детей, которые являлись непосредственными свидетелями данных событий. Зачастую такая обстановка формировала преступный стиль поведения у подрастающего поколения.

Росту детской преступности во второй половине XIX – начале XX веков способствовала алкоголизация населения. Я.А. Берман отмечал, что преступления в отношении несовершеннолетних совершались родителями в нетрезвом состоянии. Безусловно, чем чаще возникала такая ситуация, тем хуже это отражалось на детях, даже если они не являлись жертвами, а были лишь свидетелями этой ситуации [6]. Кроме того, исследователь указывал, что на подростков алкоголизм влиял более пагубно, чем на взрослых. Опьянение являлось сильным фактором преступности. В этом состоянии, по мнению Я. Бермана, подростки становились увереннее в себе, у них полностью утрачивался самоконтроль, а интерес к противоправным поступкам лишь возрастал.

Во время полевых работ учеба приостанавливалась. Д.И. Будаев отмечает, что в деревне не существовало культурно-просветительских учреждений [13]. Единственным «культурным очагом» являлась церковь. К общей бескультурности населения добавлялись еще и низкий уровень грамотности, необразованность широких масс [52]. Согласно данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, уровень грамотности в стране составлял всего 23% [56]. Причем среди женщин грамотными были только 7,1%. М.В. Богуславский, говоря о грамотности населения в Российской империи, отмечает, что: «... более 80% населения составляли жители сельской местности, поэтому после проведения реформ больше половины населения страны было не образовано, а в данном случае это приводило к нехватке квалифицированных рабочих кадров» [10, с. 111].

Главные причины медленного распространения грамотности в сельской местности заключались в самих крестьянах. Они неохотно отдавали своих детей в училища. Завершив обучение, «весьма многие из лучших учеников, женись и приняв тягло, забывали процесс чтения и письма, отговариваясь недосугом заниматься дома книгами» [99, с. 256].

Обусловленность преступности несовершеннолетних в дореволюционной России характеризует тот факт, что 51% воспитанников колоний-приютов (за 1890 год) были неграмотными. К 1908 году этот процент снизился до 34,9% [47].

Немаловажным при формировании личности несовершеннолетних являлось влияние семьи и ближайшего окружения. В.О. Михневич, петербургский журналист XIX века, указывал, что нравственное здоровье ребенка формируется именно в семье; по состоянию семьи можно оценить и общество: если семья крепкая, здоровая, то и общество, соответственно, крепкое. Если же в семье происходят плохие ситуации, то, по мнению В. Михневича, то же самое можно говорить и об обществе [46].

Позиция М.Н. Гернета в отношении влияния семьи на ребенка заключалась в том, что именно в ней несовершеннолетний получал свое первое, а часто и единственное воспитание. Она накладывала на него свой отпечаток, который трудно сглаживался всей последующей жизнью. Поэтому, по мнению М.Н. Гернета, особенно тяжело было положение того несчастного ребенка, у которого совсем не было семьи, а, следовательно, и заботливого, проникнутого любовью к нему отношения. «Он всем чужд; до него никому нет дела; он должен сам себя поить, кормить и одевать, пока не возьмет на себя эту обязанность в тюрьме или исправительной колонии само государство или общество. Но чтобы получить право сделаться таким государственным пансионером, сироте и заброшенному ребенку приходится пройти школу разнузданного разврата и уроки разнообразных видов преступности» [16, с. 148]. Поэтому на питомцев влияла не сколько дурная наследственность, индивидуальные особенности, сколько голодная нужда,

дурные примеры и отсутствие надзора за ними даже в тех случаях, когда их семья была вполне порядочной, но принадлежала к рабочему классу и не имела возможности заниматься воспитанием ребенка.

По мысли педагогов, юристов, общественных деятелей второй половины XIX – начала XX веков, семья в первую очередь влияла на ребенка, формировала его представления о жизни и нравственные идеалы. Они считали, что в нездоровых семьях родители относились к детям с абсолютным равнодушием, не давали им даже минимального воспитания. Поэтому уличей и сомнительными знакомствами несовершеннолетние компенсировали недостаток родительской любви, заботы и внимания. Если же в семье и занимались воспитанием ребенка, то, как отмечает Н.П. Сенченков, «непосредственное педагогическое воздействие семьи на ребенка сводилось к некоторому элементарному физическому уходу за ним, обучению молитвам, иногда рассказыванию сказок... Мерами воздействия на ребенка в большинстве случаев являлись физические наказания, иногда чрезвычайно жестокие, угрозы, окрики» [68, с.188]. Безусловно, в такой обстановке ребенок не получал поддержки, моральной помощи и у него формировались плохие черты характера.

На этом фоне педагоги были обеспокоены проблемами семейного воспитания. Поэтому с 30 декабря 1912 года по 6 января 1913 года в Санкт-Петербурге проходил I съезд, посвященный семейному воспитанию детей из низших сословий. Как отмечалось педагогами, «современная семья пролетаризированных классов городской бедноты, семья неимущая, только борющаяся за существование, таит в себе гораздо больше дурных, опасных для детской души элементов, нежели спасительных, что не только не всегда ребёнок охранён своей семьей от внешних опасностей, но много чаще приходится спасать его от гибели в недрах родительского попечения» [74, с.106]. На съезде также отмечалось, что «усиливающаяся детская преступность, хулиганство, детская проституция, детское бродяжничество, дети-алкоголики – все эти ужасные явления современности обязаны своим

существованием, прежде всего, конечно, социальному укладу нашего общества и результат такого уклада – детская беспризорность» [74, с. 106].

Таким образом, во второй половине XIX века возникли социально-педагогические основания воспитательной деятельности исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи. Правонарушения несовершеннолетних обуславливались факторами социально-экономического, культурного, воспитательного и климатического характера. Они в совокупности приводили к увеличению в стране масштабов этой острой социальной проблемы. Кроме того, в этот период в педагогической и законотворческой среде педагогами и юристами подчеркивалось, что велико негативное влияние на несовершеннолетних правонарушителей при отбывании наказания в исправительных учреждениях для взрослых. Несовершеннолетних, преступивших закон, необходимо было воспитывать, а не наказывать. Гуманное исправление нравственно испорченных несовершеннолетних являлось залогом эффективной воспитательной деятельности в российских исправительных учреждениях.

ВЫВОДЫ

1. Преступность несовершеннолетних – одна из острых социальных проблем. На разных этапах исторического развития учеными предлагались различные варианты ее решения. В настоящее время данная проблема полностью не исчерпала себя, а официальная статистика лишь подчеркивает ее актуальность. Для разрешения этого серьезного социального противоречия существуют практические методы (непосредственно реализуемые в деятельности воспитательных колоний для несовершеннолетних правонарушителей) и теоретические, представленные современными научными разработками и методологическими подходами. В настоящий момент ориентиром являются три таких подхода: социологический, антропологический и культурологический. Данные подходы объединяет идея, что преступления несовершеннолетних – продукт нестабильного социума. Последний, по мнению ученых, является основной причиной правонарушений среди детей.

2. После 1860-х годов в обществе появилось осознание крайней необходимости решения проблемы правонарушений несовершеннолетних. Научных деятелей интересовал этот вопрос, поэтому они предлагали разные варианты по изменению столь непростой ситуации. Известные криминалисты, юристы, педагоги того периода изучали причины детской преступности и выявляли пути решения этой проблемы исходя из того, что социально-экономический, политический, культурно-нравственный и воспитательный факторы последние ставили во главу угла. По их мнению, дети совершали преступления, так как становились жертвами непростых обстоятельств, обусловленных вышеперечисленными факторами.

3. В Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков появился ряд вариативных подходов к решению проблемы преступности несовершеннолетних: социологический, правовой, культурно-антропологический (Таблица 3). Данные подходы – результат взаимодействия ученых из разных научных направлений (педагогического,

юридического, культурологического и др.). Особая ценность подходов состоит в органической связи с реальными запросами воспитательной практики, оригинальности идей, содержательности концепций, гуманистической направленности превентивной парадигмы. Проблема преступности несовершеннолетних представляет собой интегративное исследование, которое велось на стыке наук и в настоящее время также реализуется с опорой на данные из разных научных областей. Использование разнообразных подходов позволило ученым шире проанализировать причины и факторы, порождавшие детскую преступность в Российской империи и обуславливающие ее в настоящее время. Каждый подход позволил достаточно глубоко изучить совокупность данных причин. С развитием каждого подхода обогащались и идеи к решению проблемы правонарушений несовершеннолетних.

Таблица 3 - Сущность подходов к рассмотрению специфики детских преступлений во второй половине XIX – начале XX веков

Подход	Представители	Основная идея
Социологический	С.В. Познышев Е.Н. Тарновский	Преступность несовершеннолетних – следствие негативных процессов, происходящих во всех сферах жизни общества. Дети-правонарушители рассматриваются как жертвы сложившихся обстоятельств
Правовой	А.Ф. Кистяковский А.М. Богдановский Н.С. Таганцев	Преступность несовершеннолетних – следствие аморального облика родителей, отсутствие надзора, неправильно сформированные социально-нравственные установки. Превентивный характер мер борьбы с детской преступностью
Культурно-антропологический	М.Н. Гернет Д.А. Дриль А.И. Емельянов А.И. Зак Н.Н. Маковский Н.А. Окунев С.С. Остроумов С.В. Познышев Д.Г. Тальберг П.Н. Тарновская	Преступность несовершеннолетних – следствие наследственных факторов, подкрепленных социальными аспектами (беспризорность, сиротство, безграничная свобода), низкой культурой социальной среды, семьи и ближайшего социального окружения несовершеннолетнего, общественного невежества, необразованности широких слоев населения. Дети-правонарушители рассматриваются как жертвы плохой наследственности и негативной социальной ситуации

4. Помимо научных разработок и вариативных подходов к решению проблемы преступности несовершеннолетних, государством стали предприниматься конкретные меры для уменьшения масштабов детской преступности на уровне законодательства. В нормах уголовного права нашли закрепление основные прогрессивные идеи и новая политика государства в отношении несовершеннолетних преступников. Стоит подчеркнуть, что развитие законодательства в области защиты прав несовершеннолетних правонарушителей развивалось в два этапа. Первый этап начинается с 1866 года, когда стали возникать лишь отдельные структурные элементы. Одной из наиболее действенных мер являлось принятие в 1866 году Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и Правил об исправительных приютах. Этот документ означал переход от карательного воспитания к гуманному, ориентированному на личность ребенка. Вторым этапом – с 1889 года, когда начала складываться система воспитательно-исправительных заведений. Результатом стало открытие ряда воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи. С этого момента дети отбывали наказание отдельно от взрослых, что, безусловно, снижало риски рецидивов в будущем и оказывало нравственное воздействие на воспитанников заведений. Помимо «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» в стране был принят ряд других нормативно-правовых актов, которые делали наказание детей-преступников более лояльным, учитывали все обстоятельства, подтолкнувшие ребенка к правонарушению. Эти нормативно-правовые акты несли в себе в большей степени гуманистическую направленность, сочетавшуюся с разумным наказанием воспитательного характера.

5. Вторая половина XIX века, ознаменовавшаяся периодом великих реформ, стала для Российской империи временем новых вызовов. Отмена крепостного права в 1861 году повлекла за собой ряд социальных противоречий. С одной стороны, преобладающая часть населения – крестьяне, стала юридически свободной. С другой стороны, вслед за этим

важным для страны событием возникли новые проблемы – бедность, социальная неустроенность крестьянского населения, падение культурных нравов, разрушение института семьи. Данная ситуация, отягощенная социально-экономическими (тяжелые условия труда на производстве, крайняя бедность крестьянских семей, голод, бытовая неустроенность, плохие жилищные условия), культурными (низкий уровень грамотности населения, отсутствие элементарной культуры у ближайшего окружения), воспитательными (отсутствие заботы, нравственного воспитания со стороны взрослых, беспризорность) и климатическими факторами (плохие погодные условия, пагубно влиявшие на урожай, пожары), стала причиной быстрого роста правонарушений несовершеннолетних. До второй половины XIX века эта проблема не была столь актуальной для страны, так как детское население было «привязано» к крепостной семье и общине. По этой причине детская преступность до этого периода не имела таких серьезных последствий для страны. Резкий рост правонарушений несовершеннолетних привел к осознанию всей масштабности и угрозы данной проблемы для общества и активизировал представителей российской науки и юридической практики к поиску путей ее решения. Именно в этот период возникли социально-педагогические основания воспитательной деятельности исправительных учреждений для данной категории несовершеннолетних.

ГЛАВА 2. ПЕДАГОГИЗАЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКИХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX–НАЧАЛА XX ВЕКОВ

2.1 Виды воспитательной работы в исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей России во второй половине XIX–начале XX веков

Стоит указать, что в разные годы существования исправительных заведений воспитательные системы менялись, зачастую становились смешанными.

В некоторых заведениях применялась **прогрессивная воспитательная система**, исходившая из принципа: увеличивать размеры преимуществ отдельных питомцев по мере улучшения их поведения, чтобы тем самым побуждать их к самодеятельности в направлении самоулучшения. Эта система использовалась, например, в Харьковском, Симферопольском и других заведениях. Использовалось также привлечение самих питомцев к участию в общей воспитательно-исправительной работе заведения, что, без сомнения, способствовало исправлению воспитанников.

По поводу всех воспитательных систем можно сделать вывод, что в российских исправительных заведениях для несовершеннолетних правонарушителей они были достаточно многообразными. Это было обусловлено частыми сменами как лиц, руководящих делом в распорядительных органах обществ, содержавших заведения, так и лиц педагогического персонала. «Смена последних в значительной мере вызывалась полной необеспеченностью будущности их и их семей, а также и недостаточностью их содержания во многих заведениях при том чрезвычайно тяжелом труде, который лежал на персонале. Между тем, когда уходят люди, тогда неизбежно более или менее изменяется и применявшаяся

ими система, если и не внешне, не формально, то во всяком случае по существу, потому что согласно общему правилу, все системы и все учреждения стоят сколько, сколько стоят применяющие и составляющие их люди» [126, Л. 165].

Особенности организации педагогической деятельности в данных заведениях и управленческие аспекты отражались в уставах, утвержденных Министром юстиции. Начиная с 1866 года, правительство неуклонно держалось того взгляда, что обществам и учреждениям, создающим заведения исправительного воспитания, должна быть предоставлена полная свобода в отношении организации и внутреннего распорядка в заведениях. Единственным условием было не допустить несогласованности с постановлениями закона, а также придерживаться задач исправительного воспитания.

Стоит отметить, что крайне необходимо было не только обеспечить несовершеннолетним правонарушителям благоприятные для их развития условия жизни, но и социализировать их в такой непростой для общества и государства период. Поэтому специальные учреждения ставили своей целью перевоспитание несовершеннолетних и их адаптацию к самостоятельной жизни после освобождения.

Основные направления работы воспитательно-исправительных учреждений представлены на рисунке 2.

Рисунок 2 – Виды воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей в дореволюционных воспитательно-исправительных учреждениях

1. Религиозно-нравственное воспитание. Ф.Г. Савенко отмечал, что дети, поступавшие в исправительные учреждения, характеризовались полным отсутствием самого элементарного религиозного образования, незнанием самых важных молитв. Если некоторые дети и заучивали их, то полностью не понимали содержания и смысла. Поэтому молитва была заучена ими механически и не имела нравственного и религиозного значения для питомцев. Еще меньше знаний обнаруживалось при изучении Священной Истории, Евангелия и церковной службы, в понимании церковных обрядов. Некоторые из детей, поступавших в приюты, посещали церковь с единственной целью – покушение на кражу. При таком крайней безнравственности воспитанников, из которых некоторые не были в церкви со дня своего рождения, возникала необходимость для исправительных учреждений позаботиться об их религиозно-нравственном воспитании.

В обязанности священника входило: вести с питомцами религиозно-нравственные беседы, объяснять им молитвы и учить их, следить за

правильным посещением церкви, объяснять читаемое во время церковных служб и священнодействий и вести преподавание Закона Божия. Также священники стремились пробудить в воспитанниках доброту, совесть, чувство ответственности за свои поступки. Стоит подчеркнуть, что священнослужители вели индивидуальную работу с несовершеннолетними правонарушителями. Когда дети только поступали в колонию, то священнослужители изучали их личность посредством бесед, искали подход к каждому ребенку [44]. Как отмечает Ф.Г. Савенко, «Благодеяние церковного служения не может не оказать благотворного влияния на огрубевшие души детей, не встречавших на свободе возможности всецело, без суетных помышлений предаться молитвенному настроению» [65, с. 27]. Зачастую именно церковь являлась первым местом, где воспитанник приюта ощущал влияние христианской любви и участие к его участи. На этом основании каждое исправительное учреждение для малолетних преступников старалось иметь собственную церковь или совершать некоторые церковные службы в помещении приютов накануне воскресных дней и праздников. По свидетельству практических деятелей, большая часть мальчиков с большим вниманием слушала чтения и рассказы из Евангелия. Кроме религиозных читались и светские книги. При этом чтение проходило как коллективно, так и индивидуально, но с учетом возраста воспитанников. В Санкт-Петербургской, Киевской колониях и в Симферопольском приюте были созданы библиотеки, где мальчики могли заниматься самообразованием [4].

Еще больше внимания питомцев обнаруживалось в самой церкви во время богослужений накануне праздников. «Сколько глубоких и искренних чувств, необъяснимых простым языком, выражалось мальчиками, это может сказать присутствующий и участвующий с ними в молитве. Этими результатами, которые уже выразились в практике наших исправительных заведений, вполне выясняется не только действительная нужда и полезность религиозного влияния на питомцев, но и те благотворные последствия, какие могут ожидать исправительные учреждения для будущности детей,

выпущенных уже на свободу, и источник которых – церковь и религиозное образование» [65, с. 27].

В целях нравственного развития питомцев в заведениях отмечались религиозные праздники. Они зачастую становились для несовершеннолетних правонарушителей настоящим событием: в колонии-приюты приезжали гости, устраивались концерты. В такие моменты поощрялось общение детей с гостями, их совместные прогулки. Безусловно, это был положительный опыт для воспитанников.

Важной составляющей педагогического процесса в исправительных заведениях России являлось то, что отношения между воспитанниками и персоналом были построены на взаимном понимании, взаимопомощи, требовательности [87]. Безусловно, процесс перевоспитания требовал «особого педагогического таланта, такта, большой наблюдательности, хороших способностей, глубоких знаний, творческого мышления» [31, с. 138].

Кроме того, положительный пример педагогов являлся одним из самых лучших средств воспитания. Как отмечал известный педагог А.Я. Герд, «если всякое дело совершенно зависит от того, в чьих руках оно находится, то дело воспитательное находится еще в большей зависимости от людей, которым оно вверяется, потому, что в нем многое представляется личному влиянию воспитателя» [Там же, с. 140-141]. Показателен в этом плане пример Н.В. Рукавишникова, руководителя Московского городского Рукавишниковского приюта – одного из первых воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей, основанного в 1864 году. Современники отмечали, что «... он искренне и глубоко любил каждого из содержащихся в нем (приюте), любил как нежная мать любит своего ребенка; их радость была его радостью, их горе его горем; хороший поступок воспитанника доставлял неподдельное счастье Директору. Воспитанники видели это: их поражала и трогала нравственная атмосфера, которая создана была в приюте Н.В. Рукавишникова. Сила его любви

размягчала их затвердевшие души. Они его полюбили. Слово его было для них законом. Они начали сами друг друга удерживать от чего-либо дурного, ибо знали, что это дурное будет горем для их Директора. Всецело он отдавался приюту: сам их учил, сам наблюдал за их обучением мастерству. Главным результатом было общее, почти поголовное исправление поступивших порочных воспитанников, их полное нравственное перерождение» [3, с. 63-64].

Причем не только пример педагогов заведений, но и сторонних людей. Последние, известные в данной местности, приглашались в колонии-приюты и оказывали на питомцев положительное нравственное воздействие [85]. Практиковалось и приглашение бывших воспитанников учреждений. Это также имело мощное воспитательное воздействие. Ведь бывшие питомцы рассказывали детям о своей судьбе, подчеркивали, что в учреждении они смогли изменить себя и наладили свою жизнь, больше не идя против закона.

Помимо примера гостей и бывших воспитанников питомцам ставили в пример и товарищей, которые отличались хорошим поведением. Имена таких несовершеннолетних заносились на специальные доски, их одежда отличалась специальными нашивками [64].

Л.И. Беляева указывает, что «с целью формирования положительных эмоций и взглядов в заведениях проводились вечера, ставились спектакли. Дети занимались в различных кружках. Посещали, где имелась такая возможность, театры, музеи, синаматографы. В ряде заведений, например, в Лисинской колонии, Рукавишниковском приюте, было организовано музыкальное образование воспитанников. Здесь проводились уроки музыки, имелись духовые оркестры. Дети играли на различных музыкальных инструментах, занимались пением. Важное место в их жизни занимали церковные песнопения. В вечернее время дети занимались черчением, рисованием» [4, с. 61].

2. Трудовое воспитание, полученное в воспитательно-исправительном учреждении, помогало воспитанникам получить

соответствующие трудовые навыки и найти работу после освобождения, а значит, жить честной трудовой жизнью (что соответствовало цели колоний-приютов). Безусловно, это не позволило бы детской преступности увеличивать свои масштабы, а, наоборот, являлось эффективным способом решения данной проблемы.

С.А. Завражин подчеркивает, что «труд должен был нести тройную функциональную нагрузку: 1) являться опорным средством социально-нравственного преобразования личности путем формирования потребности в честном добывании средств к существованию; 2) выступать способом физического развития подростка, мерой укрепления его психического здоровья; 3) служить немаловажным источником экономической обеспеченности, материальной стабильности и финансовой устойчивости приюта или колонии» [31, с. 144-145].

По мнению Н.В. Терзиева, трудовое воспитание должно было подготовить детей к сельскохозяйственному или ремесленному труду, которым они занимались бы в самостоятельной жизни и, таким образом, зарабатывали честным путем [84]. Также исследователь отмечает, что «цель воспитательно-исправительного заведения состоит в превращении своих питомцев в социально годных субъектов путем приготовления их к честной и трудовой жизни» [Там же, с. 679]. Из этого следует сделать вывод, что трудовое воспитание являлось одним из ключевых средств исправления несовершеннолетних правонарушителей.

По мнению Ю.В. Гербеева, «колонии и приюты должны были служить источником средств для содержания подростков. Их хозяйство должно было быть почти натуральным, чтобы, по возможности, ничего не приходилось покупать, чтобы все достигалось своим трудом, только со своей земли, только от своего скота» [14, с. 47].

Для реализации трудового воспитания в колониях-приютах Российской империи работали мастера. При этом не все из них имели специальную подготовку, а просто хорошо разбирались в той или иной области ремесла.

Мальчиков преимущественно обучали следующим ремеслам: сапожному, слесарному, столярному, кузнечному, малярному, токарному, плотничному, тележному и др. Из сельскохозяйственного труда преобладали полеводство, садоводство, огородничество, пчеловодство, луговое хозяйство, парниковое хозяйство, животноводство и др. В заведениях, где преобладал сельскохозяйственный труд обычно открывались специальные школы. В таких колониях, как Курской, Смоленской, Вятской велось и ремесленное, и сельскохозяйственное обучение. Летом питомцы занимались сельским хозяйством (садоводством, огородничеством и пчеловодством), а зимой осваивали различные ремесла. При этом трудовое воспитание осуществлялось с учетом возрастных, интеллектуальных особенностей детей. Для педагогов было важно, чтобы воспитанники были заинтересованы в труде и постепенно осваивали определенную его область. В дальнейшем это могло приносить питомцам доход в самостоятельной жизни.

По отчетам всех Обществ, ремесленные мастерские в исправительных учреждениях находились в удовлетворительном состоянии в плане их помещения, количества и качества инструментов, а также добросовестного отношения к делу мастеров. Из ремесел наибольший успех имело сапожное, столярное, кузнечное и портняжное; наименьше успеха и удобства для пользования ими представляли паяльная, токарная и переплетная мастерские. В некоторых колониях существовало плетение корзин, лаптей и вязание сетей (чем занимались воспитанники в возрасте от 11 до 12 лет). Столярные и слесарные изделия Казанского приюта имели хороший сбыт. В 1870 году учреждение было награждено бронзовой медалью на первой частной казанской сельскохозяйственной промышленной выставке.

В системах обучения ремеслам существовало два разных приема: предварительно ученики наглядно изучали приемы мастерства и, таким образом, постепенно готовились к работе, не участвуя первое время в самом ее выполнении. Прием этот был рассчитан на возможность ограничить количество материала, который могли испортить дети. Вторым приемом делал

ребенка участником трудового процесса. Питомцы учились мастерству на образцах. Этот прием был рассчитан на возможность заинтересовать воспитанников.

Обучение различным отраслям сельского хозяйства во многих заведениях было вполне удовлетворительным, а иногда почти образцовым. В число таких заведений входили Нижегородская колония, Симбирский приют, получивший на выставке серебряные медали за все сферы садоводства и за изделия столярной мастерской; Мологский приют, получивший награду за огородные продукты, Санкт-Петербургская колония, также получившая две награды за огородничество и сельское хозяйство [65].

Важно указать, что в колониях-приютах практиковалось поощрение воспитанников трудом. Так, питомцы могли получить собственные участки земли и самостоятельно на них работать. Соответственно, весь выращенный урожай являлся их собственностью. Педагоги подчеркивали, что такая воспитательная мера способствовала повышению мотивации несовершеннолетних правонарушителей; они старались добросовестно трудиться для получения результата. Безусловно, питомцы приучались к самостоятельности и исправлялись.

Примечательно, что в некоторых заведениях труд воспитанников оплачивался. Так было в Тульском, Казанском, Симбирском, Саратовском, Тверском и других заведениях. Питомцы получали определенную часть денег и расходовали ее под контролем воспитателей.

Кроме ремесленного и сельскохозяйственного обучения трудовое воспитание сопровождало повседневную жизнь детей в воспитательно-исправительных заведениях. Так, они сами себя обслуживали – шили одежду, ремонтировали обувь, убирали помещение, участвовали в приготовлении пищи. «Это приучало их к уважению домашнего труда, аккуратности и просто к умению обеспечивать и обслуживать себя» [4, с. 68].

В заведениях активно обсуждался вопрос о целесообразности обучения воспитанников тому или иному виду труда. Педагоги исходили из того, в

какой местности будет жить питомец после освобождения. Например, в Смоленской колонии жителей сельской местности обучали сельскому хозяйству, а городских жителей определенному ремеслу [123].

Несмотря на то, что в Российской империи сложилась два типа воспитательно-исправительных учреждений: ремесленные и земледельческие, и это влияло на организацию в них трудового воспитания, все же они ставили одну цель – «исправление, воспитание несовершеннолетних. Занятия любого вида следует рассматривать только как удобные средства достижения этого. А потому организация профессионального обучения, трудовой деятельности должна быть подчинена прежде всего воспитательным целям» [4, с. 70-71].

Исследователь Н.В. Терзиев отмечал, что благоприятное воздействие труда на воспитанников заключалось в следующем: пробуждение уважения и любви к труду; улучшение дисциплины; создание трудовой атмосферы в заведении [84].

Кроме того, педагоги колоний-приютов стремились по-настоящему заинтересовать питомцев трудовой деятельностью и ее результатами. Данный процесс организовывался так, чтобы воспитанники могли реализовать свои потребности в свободном самовыражении, эмоциональном контакте, коммуникации. В некоторых случаях в трудовую деятельность привносились элементы игры, соревнования, морального стимулирования.

3. Умственное воспитание. Одним из важных средств воздействия на личность несовершеннолетнего правонарушителя являлось умственное развитие. Этой цели служило элементарное образование, которое получали питомцы в специально создававшихся при колониях-приютах школах.

По мнению педагогов воспитательно-исправительных учреждений, назначение школы – утверждать и укреплять добрые и полезные научные познания малолетних преступников и пополнять тот крупный пробел, какой дети не могли пополнить до поступления в школу. Процесс учебной деятельности пробуждал интерес к умственному труду, развивал

способности критически и самостоятельно мыслить, анализировать свои поступки, формировал положительные качества личности.

Обучение наукам также помогало и большему религиозно-нравственному просвещению детей, «так как известно, что такое просвещение становится тем прочнее и тем глубже внедряется в души детей, чем больше развивается и просветляется их рассудок» [65, с. 28]. Поэтому обучение питомца религии и наукам являлось необходимым средством воспитания в исправительных учреждениях для детей. Закон от 5 декабря 1886 года не указывал учредителям исправительных «богоугодных» заведений подробно, чему научить питомцев, и намечал общую программу того, что им необходимо знать. Следовательно, закон предоставлял учреждениям полное право дополнять и расширять эту программу исходя из нужд и средств учреждений. По данному закону дети должны были изучать: Закон Божий, чтение, письмо, основные правила арифметики и в виде бесед естествознание, историю и географию. Успехи детей в этих науках и их любознательность дали основание некоторым исправительным учреждениям значительно расширить эту программу и организовать школу по образцу двухклассных училищ ведомства Министерства Народного Просвещения с пятилетним курсом. Пример такой школы был в Петербургской исправительной колонии. На занятие в школе по определению комитета уходило по три часа в день. Младший класс был разделен на три группы и ученики оставались в младшем классе три года, а в старшем, который подразделялся на два отделения, они прибывали два года. В исправительных учреждениях, где утро и день посвящались ремесленным занятиям, занятия в школе отводились на вечер. Но вскоре такой род занятий был признан неудобным, так как дети садились за уроки после физического труда в течение целого дня, а потому от таких воспитанников нельзя было ожидать значительного внимания и той умственной энергии, какая была необходима для успешных занятий в школе.

Педагоги указывали, что умственное воспитание влияло на мировоззрение и поведение детей, их отношение к себе и миру. Воспитанники с большим интересом относились к учебе, стремились узнать что-то новое. Особенно их привлекала самостоятельная работа, учебные экскурсии. Персонал колоний-приютов подчеркивал, что только школа могла развить интеллект питомцев и являлась хорошей базой для освоения ремесел. Кроме того, умственное развитие имело большие воспитательные возможности. Важной особенностью являлось то, что обучение максимально было связано с реальной жизнью. Так, педагоги «проводили с учениками прогулки, показывали мельницы, имеющиеся в округе машины и приспособления. При изучении истории, географии учителя собирали с учениками минералы, травы, образцы почв. Во время работы в поле, на огороде, в саду, на ферме они знакомили детей с поведением животных, со свойствами и с отличительными признаками различных плодов и семян» [4, с. 63].

В целях наглядного преподавания в заведениях использовались географические карты, атласы, глобусы, различные коллекции, чертежи, модели машин, приборы.

Сильным воздействием на питомцев обладала книга. При этом воспитанники читали не только в рамках школьной программы, но и устраивали вечерние чтения для саморазвития. Педагоги, исходя из возраста и умственного развития питомцев, знакомили их с отечественными и зарубежными произведениями, что пробуждало у последних любовь к чтению и познанию. Немаловажно, что при некоторых колониях-приютах открывались библиотеки. Воспитанники с интересом их посещали и читали полезную литературу, например, биографии известных людей, которые росли в бедных семьях.

Стоит отметить, что во взглядах педагогов исправительных приютов и колоний на степень важности элементарного образования для питомцев существовала заметная рознь. Некоторые из них занятия в школах считали

стоящими на втором плане, а первое место отводилось физическому труду в мастерских. Но такой взгляд противоречил основным целям правильного воспитания. При таком подходе нельзя было рассчитывать, что только обучение ремеслам являлось достаточным средством для перевоспитания детей. Так, юрист А.Ф. Кистяковский убеждал, что один труд (умственный) и другой (физический) – это два элемента, которые должны уравниваться в исправительной колонии, а не противостоять друг другу. По мнению этого ученого, «как бы ни были ограничены материальные средства исправительного учреждения – этим нисколько не оправдывается забвение одной из важнейших сторон его воспитательной деятельности. По нашему мнению, лучше ограничить число воспитанников, уменьшить размеры запашки полей и сократить число мастерских нежели лишить малолетних ради профессиональных и экономических целей умственного образования и тем низводить исправительное заведение на степень мастерской, незнающей иных, кроме профессионального образования, целей» [65, с. 30].

Вопрос о степени важности умственного и трудового воспитания в детских исправительных учреждениях был предметом обсуждения на международных конгрессах. Ученые высказались за преимущества школы для воспитанников с 10 до 14 лет и за преимущество мастерских после 14 лет. При этом указывалось, что воспитанники до 14 лет являлись слабой рабочей силой, поэтому данный возраст признавался школьным. За школой следовал ремесленный и сельскохозяйственный труд. Школа должна была помочь и профессиональному практическому обучению детей, давая воспитанникам полезные профессиональные знания в виде чтения или бесед. К практике питомцы должны были приступать уже в мастерских. Таким образом, умственное образование затем переходило в практическое освоение ремесел.

4. Физическое воспитание. Определенное внимание в воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних правонарушителей уделялось физическому воспитанию как

средству развития смекалки, сообразительности, укрепления воли. Дети под руководством взрослых занимались гимнастикой, играли в разные спортивные игры. Зимой они катались на коньках, с гор на лыжах и салазках, летом плавали, играли в лапту, бегали.

Во многих заведениях большое внимание уделялось военным занятиям как средству воспитания дисциплинированности, твердости духа. Эти занятия были особенно распространены в учреждениях, где превалировала казарменная система.

Стоит отметить, что только *при комплексном воздействии всех видов воспитания на личность несовершеннолетнего правонарушителя достигались цели детских исправительных учреждений*. В этом плане интересен опыт Пороховской колонии для малолетних преступников, которую с 1871 по 1874 год возглавлял известный педагог А.Я. Герд. Его главным инструментом при перевоспитании детей стали «личный пример, участие в физическом труде и опыт совместного проживания» [1, с. 51]. Педагогический процесс в данном заведении был основан на следующих принципах: сочетание разных видов воспитания и деятельности (трудовой и интеллектуальной), разделение детей на «семьи», личное участие педагога во всех делах колонии и др. Стоит отметить, что в учреждении превалировала «семейная, доверительная атмосфера общности, единого дела» [Там же, с. 52]. Это, без сомнения, являлось для воспитанников сильным стимулом к исправлению, побуждало их менять свои ценности.

Стоит указать, что цели воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей достигались через использование воспитательных средств, как отмечает исследователь Ф.Г. Савенко. К ним относились: а) личное влияние директора, его помощников (воспитателей) и священника; б) элементарное образование; в) практическо-ремесленное образование; г) правильная, простая, трудовая жизнь в приюте. Кроме того уставы почти всех приютов, исходя из воспитательных целей, требовали, чтобы питомцы выполняли все работы по

хозяйству. В их обязанности входили: уборка, отопление и освещение помещений, мытье посуды, помощь на кухне, в прачечной и т.д.

Исследователь Л.И. Беляева подчеркивает, что «в Одесском приюте система воспитания была основана на параллельном влиянии и личных качествах воспитателя; в Харьковском приюте в нее была заложена идея самовоспитания; в Санкт-Петербургской колонии она основывалась на доверии, любви и личном влиянии воспитателей» [4, с. 58].

Как отмечали дореволюционные исследователи, «системы воспитания не могут быть подведены под один общий тип, так как те или другие последствия воспитания в значительной степени зависели от индивидуальных качеств воспитателя. При этом личности воспитателя придавалось гораздо больше значения, чем системам воспитания. Влияние воспитателя было связано с каждым отдельным распоряжением, с каждым его поступком, которые всегда согласовывались с обстоятельством его деятельности и могли разнообразиться с каждым днем. Оно также непостоянно в своем направлении и также изменяет его, как изменяется и сама жизнь» [65, с. 39]. Поэтому можно указать только на некоторые меры, которыми пользовался воспитатель. Пока он не знал внутреннего мира ребенка, то был лишен возможности правильно влиять на его хорошие качества и искоренять дурные. Это общее и неоспоримое правило, которому следовали все педагоги исправительных учреждений. Изучение характера малолетнего преступника, его привычек и наклонностей, дурных и светлых сторон являлось главным и первым условием воспитательного влияния.

Но недостаточно было просто изучить характер воспитанника: для того, чтобы воспитательное влияние было правильным и влияло именно на самые слабые стороны питомца, педагогам необходимо было постоянно следить за всеми переменами, которые наблюдались в воспитаннике с момента его появления в заведении. Для этого в практике колоний-приютов применялись кондуитные списки, в которые вносилось все, что происходило

с несовершеннолетним правонарушителем. В них вписывались следующие данные:

а) история воспитанника или его прошлая жизнь до поступления в исправительное заведение;

б) поведение воспитанника в заведении. В этой же графе кроме данных о хороших и плохих поступках воспитатель заносил и общую характеристику питомца, его наклонности и привычки.

Материал, который накапливался в кондуитных списках годами, являлся очень важным, пользуясь которым можно было безошибочно определить, в какой степени и какими воспитательными мерами исправительное учреждение влияло на воспитание малолетних преступников.

В практике исправительных заведений кондуитные списки велись в Петербургской колонии в форме отдельной книги, называемой семейным журналом. Он читался в конце каждого месяца директором перед всеми воспитанниками в присутствии священника и воспитателя.

В воспитательно-исправительных заведениях Российской империи также применялись поощрения и наказания как средства воспитательного воздействия на питомцев. Назначение поощрений и наказаний в деятельности исправительных заведений ставило целью «вызвать среди детей соревнование, активизировать внутреннюю духовную самостоятельность и развить осознание собственной пользы; вместе с этим дисциплинировать волю строптивых, приучить малолетних подчиняться известным правилам общежития и уважать более важные законы общественной жизни» [65, с. 42].

Одной из самых мотивирующих воспитанников поощрительных мер было сокращение срока пребывания в исправительных учреждениях на половину. Данная мера применялась для тех несовершеннолетних правонарушителей, которые своим поведением служили примером для других. Она допускалась лишь с разрешения Министра юстиции, причем воспитанники получали условную свободу, т.е. они пользовались свободой

до тех пор, пока не были замечены в дурном поведении, что влекло за собой их возвращение в колонию до истечения полного срока.

В числе других мер поощрения практиковались:

1. Отпуск на прогулки и экскурсии для осмотра музеев, заводов, фабрик и т.п.;
2. Отпуск к благонадежным родным;
3. Награда в виде книг и инструментов;
4. Доверие, выразившееся в важном поручении;
5. Запись на красную доску имени и фамилии воспитанника, который вел себя безукоризненно в течение половины года.

Ю.В. Гербеев указывает, что «воспитатели, умело пользуясь этими мерами поощрения, и особенно увольнением в отпуск, добивались положительных результатов в вопросах перевоспитания. Пользоваться отпуском могли только те воспитанники, которые своим примерным поведением в течение года заслужили доверие администрации того или иного исправительного заведения» [14, с. 55]. Отпуск допускался без провожатого с целью проверки питомца на свободе. Согласно отчетам, отпуск как мера поощрения давал самые блистательные результаты. Питомцы не только дорожили этой мерой и опасались злоупотреблять ею, но и старались после отпуска вести себя еще осмотрительнее, пытались зарекомендовать себя с лучшей стороны.

Отпуск питомцев к их родственникам или родным приучал несовершеннолетних разумно пользоваться свободой, представлял переходную ступень к полной свободе – «пробный камень их нравственной благонадежности», и, выражая высокое доверие колонии к воспитаннику, укреплял его нравственные и духовные силы. Но при этом воспитанник, взявший отпуск на несколько дней, мог находиться под влиянием прежнего дурного общества. Опыт, который он получал в эти дни, мог подействовать разрушительным образом на все то доброе и хорошее, что успели заложить в душу ребенка педагоги исправительного учреждения. Были случаи, когда

воспитанники возвращались в нетрезвом виде. Поэтому отпуск давали с особой осторожностью и только к родным, за которых можно было поручиться.

При всех усилиях воспитателей действовать на питомцев только мерами поощрения практика очень часто вынуждала их отступать от таких мер и прибегать к наказаниям для ограничения и обуздания злой воли особенно строптивых питомцев. Из наказаний, допущенных уставами исправительных заведений, практиковались:

1. Выговор или замечание (во всех колониях и приютах);
2. Публичный выговор (Санкт-Петербургская, Студзенецкая, Симбирская колонии, Саратовский, Казанский приюты);
3. Стояние в углу для питомцев в возрасте до 15 лет (Нижегородская колония);
4. Недопущение к играм (почти во всех учреждениях);
5. Занятие отдельно от других питомцев (почти во всех учреждениях);
6. Недопущение к работе в мастерских в свободное время (Казанский приют) или оставление вовсе без работы (Саратовский приют);
7. Работа в свободное от занятий время (Санкт-Петербургская колония) или занятия в воскресные и праздничные дни (Рукавишниковский приют);
8. Хозяйственные работы вне очереди (Рукавишниковский и Саратовский приюты);
9. Ограничения в пище (Санкт-Петербургская колония, Рукавишниковский приют);
10. Лишение доверия и льгот, права отпуска (почти во всех учреждениях);
11. Перевод из высшего ранга в низший (Студзенецкая и Рубежовская колонии);

12. Одинокое заключение без определенного срока (Студзенецкая и Нижегородская колонии).

13. Причисление к разряду, требующему усиленного надзора (Симбирская колония) или содержание в отдельном помещении (Ярославский и Харьковский приюты).

При этом, С.А. Завражин отмечает, что наказание «принципиально рассматривалось в координатах превентивного целеполагания как средство управления поведением несовершеннолетнего, помогающее сбалансировать общественные интересы и его личностные потребности, сформировать мотивы, предопределяющие осознанный выбор нравственно ценных моделей самореализации» [31, с. 148].

По мнению педагогов, как поощрительная, так и дисциплинарная меры были очень полезны. Но польза их легко могла перейти во вред, если воспитанники имели ложное представление о значении наград. В определении дисциплинарного взыскания и в назначении наград заключалось столько же исправительного и воспитывающего, сколько и портящего учеников влияния. То или другое прямо зависело от опыта и педагогического такта воспитателя. Например, Петербургская колония, чтобы не развивать в детях соревнования к хорошим поступкам из-за вознаграждения, приняла за правило внушать воспитанникам, что награда «не есть плата за успех и доброе поведение, а только выражение хорошего мнения воспитателя, чем должно более всего дорожить, и что наказание не месть, а мера, внушаемая воспитаннику печальной необходимостью без всякой злобы против совершившего проступок» [65, с. 47].

Воспитательная система колоний-приютов строилась на том, что несовершеннолетние должны были оставаться в них до исправления, но не менее одного года. Поступившие в возрасте до 15 лет, согласно новому Положению, могли задерживаться в заведении до 18-летнего возраста, а поступившие в возрасте после 15 лет – до 21 года.

Освобождение несовершеннолетних до наступления предельного возраста предоставлялось педагогическому совету заведений, который признавал того или другого питомца достаточно исправившимся и мог досрочно и условно освободить его и передать родителям, либо отправить для дальнейшего обучения или на работу. В случае дурного поведения питомец мог быть возвращен в заведение впредь до наступления предельного срока.

Стоимость годичного содержания питомцев в заведении, считая все расходы, равнялась, в среднем, 266 руб. 80 коп. В отдельных заведениях, по данным за отчетный 1908 год, эта стоимость значительно различалась, а именно от 65 руб. 33 коп. для Кубанского приюта для девочек [109] и до 572 руб. 32 коп. для Рукавишниковского приюта и Фидлеровской колонии [130]. Разница в стоимости содержания определялась следующими причинами: размерами заведений, высотой цен в той или иной местности, уровнем доходов различных заведений, вознаграждением за труд педагогического персонала.

Забота и попечение о выходящих из воспитательно-исправительных заведений питомцах лежали, прежде всего, на самих колониях-приютах, которые должны были оказывать им возможную помощь в самостоятельной жизни вне стен учреждения. На практике обязанность эта выполнялась отчасти директорами заведений, которые находили работу выходящим питомцам, а частично – членами общества, содержащими заведения. Некоторые из этих обществ выбирали для данной цели особых попечителей из своей среды.

В случае отсутствия работы бывшие питомцы колоний-приютов и после выхода обычно находили в них поддержку и иногда оставались в качестве временных рабочих. Существовали также и специальные общества патроната. По закону им могло передаваться колониями-приютами попечение о бывших питомцах, что, однако, не избавляло заведения от обязанности заботиться о судьбе последних. Одни из обществ патроната

ограничивали свою деятельность исключительно несовершеннолетними и притом питомцами одного заведения (например, общество патроната над бывшими питомцами Московского Рукавишниковского приюта), а другие – распространяли ее одинаково на взрослых и несовершеннолетних. Кроме того, для борьбы с рецидивами преступности среди бывших воспитанников детских исправительных заведений в Российской империи открывались Общества пособия несовершеннолетним, освобожденным из мест заключения. В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА) нами были обнаружены документы, регламентирующие деятельность данного Общества: устав [142], отчет Комитета Общества пособия несовершеннолетним, освобожденным из мест заключения за 1880-1881 [125], и отчет по убежищу [133]. На основании анализа архивных документов нами представлена специфика работы этого Общества (Приложение Е).

Для правильной организации перевоспитания требовалось объединить усилия государства, общественных управлений и частной инициативы для эффективного воспитания детей-преступников.

Важно подчеркнуть, что в конце XIX века в Российской империи наметилась многовекторность государственной политики в области детства. Кроме колоний-приютов в стране стали открывать другие специальные учреждения, которые хоть и не были напрямую исправительными, но являлись непосредственно воспитательными и несли в себе предупреждающую правонарушения несовершеннолетних направленность. «В России, в отношении образовательных заведений для бедных детей, сирот и т.п., частная благотворительность сделала уже много. У нас существует большое число приютов и других школ для бедных детей, как в столицах, так в губернских и даже в некоторых уездных городах; во многих из этих приютов обучают детей ремеслам и рукоделиям, и нельзя не сказать, что эти заведения успели принести уже значительную пользу» [34, с. 19].

В основание учреждений детских приютов были положены следующие цели: «1) дать убежище бедным детям, оставшимся без призора во время дневной работы родителей, убежища, которые в некоторой степени заменяли им семью, 2) внушить детям чувство религии и доброй нравственности, на что был направлен весь воспитательный процесс (и даже детские игры), 3) приучить детей к порядку и опрятности, 4) развить умственные способности и совершенствовать нравственность» [132, Л. 1]. Безусловно, такие заведения были необходимы для детей группы риска, ведь в противном случае они могли восполнить ряды несовершеннолетних правонарушителей.

Большое значение в этих учреждениях уделялось умственному воспитанию. Так, Комитет, выработавший положение о детских приютах, постановил, чтобы между занятиями и рукоделием педагоги сообщали детям соответствовавшие их возрасту знания о самых простых окружающих их вещах и предметах. На смотрительницу приюта возлагалась важнейшая обязанность: наблюдать за деятельностью детей во время занятий, игр. Лица, заведовавшие приютами, были обязаны преподавать чтение, письмо и счет. Также в положении говорилось об организации в приютах пения. Указано, что оно являлось лучшим средством, влиявшим на внимание детей, которые уставали во время уроков.

В течение всего опыта существования приютов совет вполне точно и неуклонно исполнял указания, содержащиеся в положении о детских приютах. Время пребывания воспитанников в них постоянно распределялось так: дети приходили в приют рано утром, т.е. в то время, когда родители уходили на работу или «принимались за свои необходимые занятия». Смотрительница и помощница осматривали детей со стороны чистоты тела и опрятности одежды. Если одежда была рваная, то они зашивали ее сами или с помощью старших ребят, что также являлось трудовым воспитанием. Затем дети собирались в общей комнате для молитвы. Смотрительница повторяла детям наставления: как следовало вести себя во время молитвы и как молиться «всею душой и всем сердцем» [Там же, Л. 2]. «Дети поют под

управлением смотрительницы или ее помощницы различные молитвы, становятся на колени и молятся за Государя и весь Царствующий дом, учредителей и благодетелей приюта. Один из питомцев читает Евангелие, указанное на определенный день законоучителем», - отмечено в отчете [132, Л. 2]. Далее остальные дети устно пересказывали содержание Евангелия, пели молитву перед учением и расходились по классным комнатам. Таким образом, религиозное воспитание было особенно важным в детских приютах.

Первый урок всегда состоял в повторении того, что было изучено на прошлых уроках. Затем дети учились чтению, письму, счету, рисованию, а между уроками во время отдыха пели детские песни. В 12.00 они обедали, причем стол накрывался самими воспитанниками. Ими же убиралась посуда и велась уборка столовой комнаты. После обеда дети пели соответствующие молитвы и до 14.00 находились в общем зале или проводили время в саду, играли. Причем играми руководила помощница смотрительницы при помощи старших питомцев. В 14.00 дети снова собирались в общем зале, пели молитву перед учением, расходились по классным комнатам и занимались учебными предметами, рукоделием и разными видами мастерства. Расходились дети из приюта перед сумерками, когда родители завершали свои дневные работы.

Таким образом, «проводя целый день в молитвах, труде и занятиях, дети приобретают на всю жизнь привычку, столь необходимую человеку, благоговейно возноситься душой к Богу и при всяком добром начинании обращаться к Его помощи» [Там же, Л. 3]. Кроме того, они проводили время за постоянными занятиями и учились полезному труду, приучались к чистоте и опрятности.

В отчете об учебной части в Санкт-Петербургских детских приютах отмечено, что «Благодетельное для всех отраслей деятельности в государстве царствие Его императорского величества государя императора Александра II оказало благотворное влияние на улучшение учебной части в Санкт-Петербургских детских приютах» [Там же, Л. 3]. Совет данных приютов за

время этого царствования, находясь в течение 15 лет под непосредственным управлением Августейшей председательницы совета Ее императорского высочества государыни великой княгини Александры Петровны, сделал по учебной части детских приютов следующие усовершенствования:

1. Во всех приютах появилась гигиенически и педагогически устроенная классная ученическая мебель, что улучшало положение детей. Прежде, во время занятий дети сидели на полу или на неудобных скамьях, что приводило неокрепший организм к различным болезням (особенно глаз, груди и спины). В педагогическом отношении новая мебель дала возможность сохранять здоровье детей, правильно распределять учебные занятия, чередуя устные работы с письменными;

2. Все приюты были снабжены необходимыми учебными пособиями: книгами, картинками по истории Ветхого и Нового завета и по наглядному обучению, а также арифметическими приборами. В большей части случаев эти вещи приобретались на деньги благотворителей;

3. Втрое увеличилось число помощниц смотрительниц при приютах, что дало возможность правильного распределения на группы огромного количества детей, приходящих в приюты или живущих в них на полном содержании. До увеличения числа помощниц дети в возрасте от 5 до 12 лет объединялись одной группой, что вредно влияло на ход учебных занятий (при числе детей от 100 до 300), проходивших в одной комнате;

4. Увеличилось число законоучителей и появилась должность наблюдателя за преподаванием Закона Божия в приютах. Это позволило устранить пропуски уроков, что весьма часто повторялось при одном законоучителе, занятом церковной службой и исполнением дел по приходу. Установлением должности наблюдателя было достигнуто благоприятное влияние на религиозно-нравственное воспитание детей;

5. Во все приюты были приглашены учителя пения, под руководством которых воспитанники пели молитвы и детские песни. В приютах возникли детские хоры для церковных служб;

6. С 1861 года в приютах введен звуковой способ обучения детей грамоте, чем влияло на более прочное основательное усвоение чтения и письма. В первый год обучения семилетние дети научились правильно и внимательно читать и удовлетворительно писать.

В отчете об учебной части за 1899 указано, что всего в детских приютах Российской империи было более трех тысяч воспитанников. Ученики посещали школу, состоявшую из трех классов. По окончании класса дети сдавали экзамены.

Поведение детей в приютах было вполне удовлетворительным: баллом «2» были отмечены только два мальчика (0,05%), баллом «3» - 16 детей (0,4%), баллом «4» - 289 детей (7,26%), а баллом «5» - 3669 детей (92,3%) [132].

Особое внимание уделялось трудовому воспитанию. Ручной труд был введен в следующих приютах: Св. Андрея, Св. Михаила, Громовском, Александрийском, Елизаветы и Марии, Екатерины и Георгия, Княгинь Белосельских-Белозерецких, Лавальском, Петергофском и др. В Серебряном приюте успешно шла работа по картону. Дети делали коробки и игрушки, которыми украшали новогоднюю елку.

Успешно шло рукоделие. Во многих приютах наряду с девочками приучались шитью и мальчики (например, в приюте Великой Княжны Александры Николаевны). По рукоделию особенно выделялись приюты Серебряный, Елизаветы и Марии, Александра Невского. Для усовершенствования процесса обучения рукоделию Совет приютов назначил на курсы, устроенные Обществом поощрения женского профессионального образования, помощниц и кандидаток. Все они успешно прошли полный курс теории и практики рукоделия.

В отчете о состоянии детских приютов указано, что по окончании этих заведений воспитанники находили свое место в жизни довольно успешно (Приложение Ж) [128].

Стоит отметить, что открытым оставался вопрос о воспитании несовершеннолетних девочек. Многие из них (в силу тяжелой жизненной ситуации) являлись не только потенциальными нарушителями закона, но и были подвержены нравственному разложению. В Российском государственном историческом архиве Санкт-Петербурга нами было обнаружено дело «О помещении в исправительные заведения девочек, не достигших 16-летнего возраста и промышляющих развратом», где указано, что «Государь император по прошению представленного Санкт-Петербургским военным генерал-губернатором отчета о действиях Санкт-Петербургской полиции за 1855 год Высочайше повелел соизволить обратить особенное внимание Комитета Министров на донесения Санкт-Петербургского обер-полицеймейстера, что в числе женщин, промышляющих развратом, обнаружены были девочки, не достигшие 16-летнего возраста. По произведенному о них розысканию оказалось, что большая часть этих девочек, потеряв родителей в самом юном возрасте, брошены были на произвол судьбы. Для удержания несовершеннолетних девиц от разврата сделано распоряжение о содержании их до достижения 16-летнего возраста в особом отделении исправительного заведения Комитета» [117, Л. 4].

Во избежание разного рода правонарушений и моральных девиаций государство открывало для девочек не только исправительные заведения, куда попадали уже совершившие преступления девочки, но и заботилось о предупреждении детской преступности среди данной группы. Поэтому в Российской империи конца XIX века актуальными были женские семинарии и рукодельные школы.

Так, на базе женской учительской семинарии девочки могли получить образование. Заведение состояло из двух отделений: I – теоретического и II – практического. Теоретический курс состоял из трех классов, практический из двух. Воспитанницы I класса теоретического курса изучали следующие дисциплины: Закон Божий (20 уроков), русский язык (22 урока), арифметику

(24 урока), наглядное обучение (35 уроков), чистописание (7 уроков), рисование (3 урока).

Из отчета о состоянии женской учительской семинарии можно сделать вывод, что девочки совершали следующие проступки: лень, непослушание, ложь, грубость в общении, неряшливость. Недостатки эти устранялись следующими мерами: выговор наедине, в присутствии других воспитанниц, оставление без передника, лишение встреч с родными в праздники, выполнение неоконченной работы в свободное время. Но вышеназванные проступки, как указано в отчете, были редкими [116].

Женская рукодельно-хозяйственная школа А.Г. Елисеева с общеобразовательным курсом и с правами частного учебного заведения 3-го разряда была учреждена 8 сентября 1893 года А.Г. Елисеевым на собственные средства в его доме на Васильевском острове. Целью школы являлось «дать возможность беднейшим девочкам всех сословий православного вероисповедания, получившим начальное образование в городских школах и приютах, научиться практическим работам и рукоделию, дающим средства к жизни и полезным в домашнем быту» [127, Л. 210]. В школе было два класса, в каждом из которых два отделения. В школе преподавались Закон Божий, русский язык, арифметика, рисование, пение, кройка и шитье, вышивание, вязание и хозяйственные работы. Главное внимание было обращено на рукоделие. Учебные пособия и книги, материалы для рукоделия ученицы получали от школы. Во время пребывания в ней девочки обеспечивались одеждой. Они по очереди исполняли хозяйственные работы и помогали на кухне.

В отчете о женской рукодельно-хозяйственной школе указано, что все воспитанницы-выпускницы были взяты родителями или родственниками и занимались рукоделием в мастерских, частных домах, на дому у родителей и родственников [Там же].

Результаты воспитательной деятельности. Одним из важных показателей в плане эффективности воспитательной деятельности в детских

колониях-приютах Российской империи служил рецидив несовершеннолетних, вышедших из этих заведений. Безусловно, данное негативное явление нельзя было полностью объяснять только недостаточным воспитательным воздействием. Несомненно, весьма важную роль играло также «количество забот, которые встречаются в первое время выходящие из заведения в своей жизни на свободе, а также и условия этой последней в тех местностях, где им приходится пристраиваться» [126, Л. 162]. В первом случае большинство воспитательно-исправительных заведений из-за отсутствия организованного патронажа не имело достаточно высокой результативности, т.е. рецидивы бывших питомцев являлись обычным явлением. Но нельзя не брать во внимание фактор недостаточности воспитания со стороны педагогического персонала. Анализ данных о рецидивах показывает, что в тех заведениях, в которых применялась прогрессивная система, процент повторных правонарушений был более высок, чем в заведениях, где такой системы не было. Успешность воспитания в них основывалась на индивидуализированном нравственном влиянии воспитательного персонала и, главным образом, директора. Поэтому существуют веские основания полагать, что применение в заведении той или другой системы не говорило о достоинствах воспитания в этом учреждении. «Исправление и успех в умственно-нравственном развитии, составляющие основную цель деятельности заведений исправительного воспитания, суть явления умственно-нравственного порядка и, как таковые, могут быть достигаемы однородными же умственно-нравственными и при том индивидуально разнообразными средствами, которые трудно вмещаются во внешне строго определенные шаблоны» [103, Л. 56].

Примечательны данные о рецидивах воспитанников, обнаруженные нами в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Так, процент повторных правонарушений по отношению к общему числу воспитанников начинался от 4,8% и доходил, постепенно повышаясь, до 34,9% [129].

О результатах воспитания в дореволюционных колониях-приютах для несовершеннолетних правонарушителей свидетельствуют и данные исследователя Е.Н. Тарновского: «из 1652 выпускников исправительных заведений 947 или 57% были возвращены родителям; 137 или около 38% направлены к родственникам или опекунам; 385 или 23% были устроены на работу (заводы, мастерские); 41 воспитанник был оставлен в колонии при мастерской; 16 человек поступили в учебные заведения; 6 человек были направлены в медицинские заведения как хронически или душевно больные; 54 человека – это те, которые были исключены из детских колоний или сбежали; относительно 69 детей сведений о той среде, куда они были помещены, получено не было, так как в листках не содержалось никаких отметок, или же было указано, что местонахождение воспитанника неизвестно» [17, с. 106]. Кроме того, Е.Н. Тарновский отмечает, что воспитанники, поступившие в учебные заведения, не были замечены в повторном нарушении закона. Все сбежавшие и исключенные из воспитательно-исправительных учреждений несовершеннолетние становились рецидивистами.

Кроме того, с научной точки зрения интересны данные (Приложение А) (таблица А.15), в которых представлено распределение воспитанников после освобождения из учреждений.

Важно подчеркнуть, что о положительных результатах деятельности детских воспитательно-исправительных заведений свидетельствуют не только статистические данные о трудоустройстве воспитанников и низком проценте рецидивов, но и нравственные изменения питомцев. Так, в работе В.В. Селяниной «Социально-историческое развитие воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних в России: 1864-1917 годы» [67, с. 222-223] нами обнаружено письмо бывшего воспитанника Рязанского ремесленного исправительного приюта Бориса Кузнецова руководству (Приложение 3). Данный воспитанник происходил из крестьянской семьи Воронежской губернии. В возрасте 12 лет за кражу был

помещен в приют и с 1898 по 1903 гг. находился в нем. Проанализировав письмо, можно сделать вывод о благоприятном влиянии педагогического персонала на личность питомца. Безусловно, он благодарен воспитателям за оказанную заботу, помощь и внимание. Кроме того, юноша раскаивается в своих прошлых плохих поступках, что свидетельствует о его нравственном исправлении. В письме указано, что бывший воспитанник вполне благополучно устроился после освобождения, соответственно, он не стал рецидивистом, а жил честно и планировал зарабатывать своими силами.

Итак, демократические реформы 1860-х годов создали объективные предпосылки кардинального изменения пенитенциарной политики в отношении несовершеннолетних правонарушителей. В основу данных преобразований были положены принципы гуманного воздействия на таких детей и отказ от кары и возмездия за совершенные ими преступления. Под влиянием этих идей в Российской империи стали возникать воспитательно-исправительные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей. Они ставили своей целью моральное исправление воспитанников, формирование у них качеств, свойственных законопослушному гражданину, и формирование у них нарушенных механизмов адаптации.

При этом, воспитательное воздействие распространялось не только на несовершеннолетних правонарушителей, но и на детей из бедных семей, находившихся в группе риска. То есть, государственная политика осуществлялась в разных направлениях и являлась многовекторной. Это реализовывалось посредством создания специальных учреждений для данных категорий: исправительных учреждений (колоний-приютов), детских приютов, специальных школ и семинарий. В них осуществлялось умственное, трудовое, религиозно-нравственное, физическое воспитание несовершеннолетних. Это, безусловно, оказывало положительное воздействие на их личностное развитие. Кроме того, приобретенные в заведениях трудовые навыки помогали несовершеннолетним получить

работу в самостоятельной жизни. Это было одним из ключевых условий, так как давало бывшему воспитаннику определенные социальные гарантии и не вело его на преступный путь.

Итак, гуманистическая пенитенциарная система показала уникальные воспитательные возможности, которые приводили к положительным результатам.

2.2 Организации воспитательной деятельности исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в Смоленской губернии

В Смоленской губернии в 1894 году в селе Сторожище появилось первое воспитательно-исправительное заведение для детей, преступивших закон. Данное учреждение получило название – Сторожищенская исправительная колония-приют. Она была открыта Смоленским обществом исправительных колоний и приютов для несовершеннолетних [145]. Создание такого заведения, как и многих воспитательно-исправительных учреждений Российской империи, в сельской местности было обусловлено следующей идеей: «вредное влияние городской жизни на нравственность и здоровье детей, а также несомненно благотворное действие сельской природы на душу человека, особенно малолетних, побуждают устраивать исправительные заведения вне города на открытой, здоровой местности, представляющей достаточно плодородной земли. Отдельные дома, обсаженные деревьями, сады, огороды и поля напоминают здесь собою скорее благоустроенную сельскохозяйственную ферму или свободный поселок, чем место лишения свободы» [64, с. 17-18].

Стоит отметить, что на основании работы с архивными материалами Государственного архива Смоленской области (ГАСО) был обнаружен и проанализирован устав данного общества. Основной целью оно ставило исправление несовершеннолетних преступников мужского пола, признание малолетних. Также оказывало помощь детям, не имеющим крова,

занимающихся бродяжничеством, «так ровно и тем из них, родители которых находятся в тюрьме, или же окружающая коих среда, в силу явной порочности и нищеты родителей, родственников и опекунов, на попечении которых они находятся, представляет для них опасность впасть в порок и преступления» [143, Л. 140]. Дети-сироты также могли быть помещены в Сторожищенскую колонию-приют.

Для достижения поставленных целей общество создавало ремесленные приюты и земледельческие колонии и колонии-приюты. Они были организованы для религиозно-нравственного, трудового воспитания, развития чувства долга, ответственности и любви к труду. Велось обучение ремесленников, сельских работников, садовников, огородников, пчеловодов по программе народных училищ. Общество могло принимать в заведения также несовершеннолетних из других благотворительных обществ. В уставе указано, что «Общество, по возможности, печется об участии питомцев, выбывших из заведений Общества, предоставляя им средства к труду, занятия и ведет наблюдение за дальнейшим их поведением и жизнью, до их совершеннолетия» [Там же, Л. 141].

Необходимо добавить, что членами общества могли стать любые лица, изъявившие желание таковыми быть. Они разделялись на пожизненных, действительных, почетных и членов соревнователей. Пожизненные члены были обязаны платить единовременный взнос в пользу общества не менее 200 рублей. В почетные члены общим собранием избирались те лица, которые содействовали значительными пожертвованиями или своими личными трудами успешному осуществлению целей общества, поэтому и заслужили право на особую признательность. Действительными членами признавались все лица, изъявившие желание быть членами общества и сделавшие членский взнос, а также два лица по избранию Смоленского Губернского Земства, а затем все вновь поступающие по закрытой баллотировке. Они должны были платить взносы по 10 рублей ежегодно.

Членами соревнователями признавались все лица, вносившие в пользу общества не менее трех рублей в год [143].

Таким образом, Смоленское общество исправительных колоний и приютов для несовершеннолетних оказывало материальную поддержку Сторожищенской колонии-приюту и было главным источником ее финансирования. Но стоит отметить, что в 1902 году учреждение было закрыто из-за банкротства. Однако уже через год колония снова функционировала (была открыта Временным комитетом по управлению делами и имуществом общества исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних).

Необходимо сказать о том, что колония-приют находилась в ведении Министерства юстиции, состоящая при ней сельскохозяйственная школа в ведении Министерства земледелия и государственных имуществ. Начальная же школа находится под наблюдением директора народных училищ.

На директоре колонии лежала большая ответственность в плане организации педагогического процесса и контроля за действиями персонала. Директор непосредственно взаимодействовал по делам заведения с разными учреждениями и лицами, за исключением высших инстанций, с которыми он сотрудничал через правление Смоленского общества исправительных колоний и приютов для несовершеннолетних.

Директор колонии был действительным членом общества и приглашался на заседания правления общества с правом совещательного голоса.

При колонии был организован педагогический совет, состоящий из лиц педагогического персонала и врача, под председательством директора. Совет рассматривал все вопросы, касающиеся внутренней жизни учреждения, постановки обучения и воспитания, и созывался директором по мере необходимости или по требованию правления общества. Постановления педагогического совета рассматривались правлением общества и по утверждению приводились им в исполнение. Воспитатели и прочие штатные

служащие колонии приглашались и увольнялись правлением общества по представлению директора колонии. Главное руководство процессом воспитания также принадлежало директору колонии.

Сторожищенская колония-приют была устроена на 30 воспитанников. Туда принимали при наличии свободных мест малолетних разного вероисповедания не моложе 10 лет и не старше 16 лет. Несовершеннолетние должны были оставаться в колонии до 18-летнего возраста. В случае исправления воспитанники могли освобождаться досрочно с сокращением назначенного в приговоре срока.

Ю.В. Гербеев подчеркивает, что большинство воспитанников были крайне запущенными и весьма трудно поддавались воспитанию. Поэтому в колонии «существовал чрезвычайно строгий распорядок дня, не допускающий малейшего отступления от него воспитанников» [14, с. 103].

Питомцы колонии подчинялись общему режиму и не пользовались никакими привилегиями. Это был важный критерий при организации воспитательного процесса с данной категорией несовершеннолетних. Значимость такого рода системы состояла в том, что дети-преступники приучались следовать порядку, режиму, у них появлялась ответственность за собственные поступки, что, безусловно, приводило к формированию и укреплению положительных личностных качеств [131].

При работе с источниками архива был обнаружен документ, в котором содержится информация, касающаяся режимных моментов колонии (Таблица 4) [Там же, Л. 43].

Таблица 4 – Режим воспитанников Сторожищенской исправительной колонии приюта

Часы	Рабочие дни (летом и зимой)	Часы	Праздники
От 5 до 6 ч.	Подъем, уборка постелей, умывание и общее чтение молитвы	7 ч.	Подъем, уборка постелей, умывание и общее чтение молитвы

Окончание Таблицы 4

Часы	Рабочие дни (летом и зимой)	Часы	Праздники
От 6 до 8 ч.	Работа в мастерских или работа (летом) по хозяйству: в саду, огороде, пчельнике	От 7 до 8 ч.	Беседы общего характера, обсуждение разных вопросов по общежитию, проверка одежды, обуви и т.д.
От 8 до 9 ч.	Завтрак	От 8 до 8 ч.	Завтрак
От 9 до 12 ч.	Продолжение работы, в учебное время- классные занятия	От 9 до 11 ч.	Хождение в церковь
От 12 до 14.00	Обед и отдых	От 11 до 12	Обед
От 14.00 до 17.00	Продолжение работы	От 13.00 до 14.00	Свободное от остальных занятий время, которое заполняется играми на воздухе, прогулками, работами на собственных грядках и ульях, а зимой- катанием или чтением, отпусками в город и т.п.
От 17.00 до 17.30	Полдник		
От 17.30 до 20.00	Продолжение работы, а в зимнее время- подготовка уроков, чтение, пение, репетиции и т.д.	От 16.00 до 18.00	Беседы по различным вопросам, общее чтение и праздничный чай
От 20.00 до 21.00	Ужин и укладывание спать	От 18.00 до 20.00	Подготовка уроков или чтение (зимой), работы на себя (летом)
		От 20.00 до 21.00	Ужин и укладывание спать

Отсутствие привилегий вело к установлению социального равенства, недопущению появления «избранных», что сохраняло благоприятную атмосферу в колонии и не давало повода для возникновения конфликтов среди воспитанников.

В колонию не принимались заразные, эпилептики и кретины, дети с душевными болезнями, а также осужденные, о которых не доставлено в колонию судебных приговоров.

Если невозможно было принять несовершеннолетнего, то директор возвращал его тому лицу или учреждению, которое направило его в колонию (с объяснением причин непринятия), и одновременно сообщал об этом правлению общества.

Специфика работы данного учреждения отражена в уставе Смоленской колонии для малолетних преступников, обнаруженном в ГАСО. Исходя из этого документа, исправительная колония имела целью:

- а) воспитание несовершеннолетних мужского пола, предназначенных к помещению в исправительный приют судебным приговором;
- б) призрение беспризорных и нищенствующих детей мужского пола, которым под влиянием неблагоприятных условий или порочности их среды грозит опасность впасть в пороки [145, Л. 122].

Исследователь Ю.В. Гербеев отмечает, что в колонию попадали дети по причине нищеты и голода. Он указывает, что «в основном безнадзорность, беспризорность, а с ними и преступления рождались в семьях, задавленных нуждой. Большой процент преступлений падал на сирот и внебрачных детей, а также на детей, ушедших из семей» [14, с. 101].

Необходимо добавить, что открытие исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей предполагало гуманное отношение к ним, так как они отбывали наказание не со взрослыми осужденными (что могло только усугубить ситуацию и сделать ребенка еще более криминально направленным), а с ровесниками. Таким образом, среда была организована так, что ребенок не просто отбывал наказание, а скорее изменялся в личностном плане в положительную сторону, т.е. шел процесс перевоспитания и предупреждения совершения повторных преступлений.

Стоит отметить, что преимущественное право помещения в колонию принадлежало приговоренным судами Смоленской губернии несовершеннолетним, но за отсутствием кандидатов этой категории имеющие вакансии могли быть замещены беспризорными и нищенствующими.

Для достижения этих целей Правление общества и колония заботились:

- а) о полном, по возможности, развитии личности питомцев в нравственном и физическом отношении;

б) об обязательном обучении питомцев грамоте и сообщении им элементарных сведений по общеобразовательным предметам;

в) об изучении питомцами какой-либо профессии (сельскохозяйственной или ремесленной) [145, Л. 123].

Исходя из обнаруженной информации можно сделать вывод о том, что Сторожищенская колония-приют оказывала комплексное воздействие на личность воспитанников, уделяя значительное внимание умственному, физическому и нравственному воспитанию. Для достижения более эффективной адаптации питомцев к жизни за пределами учреждения педагогический персонал колонии также готовил специалистов по определенной профессии, что давало воспитанникам возможность найти себе работу после выхода из колонии и минимизировало риски совершения ими повторных преступлений.

Для осуществления названных задач при колонии были открыты:

1) начальная школа с курсом не ниже одноклассных школ Министерства народного просвещения;

2) практическая школа сельского хозяйства по какой-либо сельскохозяйственной специальности (садоводства, молочного хозяйства и др.);

3) ремесленные мастерские [145, Л. 123].

В работах по хозяйству колонии воспитанники принимали участие настолько, насколько это соответствовало их уровню физического, психического развития, было совместимо с педагогическими соображениями [151]. То есть, в учреждении работа по воспитанию несовершеннолетних велась на основе педагогического принципа природосообразности, заключавшегося в том, что процесс воспитания был основан на учете индивидуальных, возрастных особенностей питомцев, их возможностей и общего уровня развития. Стоит отметить, что несовершеннолетние отличались по своим характеристикам, поэтому педагогическому персоналу было важно найти общие точки

соприкосновения, организовать процесс так, чтобы воспитание и обучение проходили эффективно, охватывали всех воспитанников, но не в ущерб их физической и психоэмоциональной составляющей.

Стоит добавить, что особое внимание в колонии обращалось на трудовое воспитание несовершеннолетних, которое являлось одним из доминирующих способов положительного воздействия на личность подростков. Для реализации данного вида воспитания в учреждении в 1896 году была открыта Сторожищенская сельскохозяйственная школа 1-го разряда. Она имела целью распространение преимущественно путем практических занятий основных познаний по сельскому хозяйству вообще, а отчасти и плодоводству, огородничеству, пчеловодству, льноводству, а также по столярному ремеслу и по исправлению земледельческих машин и орудий [138].

Курс учения в Сторожищенской школе продолжался три года и разделялся на три класса. Он состоял из теоретического изучения предметов и соответствующих цели заведения практических занятий. Кроме того, при школе был организован двухлетний приготовительный класс, в котором проходил курс двухклассных сельских училищ. Школа состояла в ведении Министерства земледелия и государственных имуществ по Департаменту земледелия.

В ней проходили приемные, переводные и выпускные испытания. Принимались ученики-работники всех сословий в возрасте не менее 14 лет, а в приготовительный класс – не менее 12 лет.

Прием учеников в приготовительный класс производился осенью (с 15 сентября по 1 октября), а в первый класс школы, кроме того, мог осуществляться и весной (с 1 апреля). Выпуск учеников происходил 1 октября.

В первый приготовительный класс школы принимались лица, прошедшие курс двух отделений начальной одноклассной школы. Во второй приготовительный – окончившие курс одноклассной школы. В первый

специальный – имеющие свидетельство об окончании двухклассной школы. От поступающих во второй специальный класс требовалось знание общеобразовательных предметов в объеме курса двухклассных сельских училищ Министерства народного просвещения и основные сведения из естественных наук (физики, химии, зоологии, ботаники).

Постоянные классные занятия продолжались в школе с 1 октября по 20 декабря и с 10 января по 1 апреля. Для прохождения теоретических курсов не было никаких препятствий, поэтому классные занятия начинались своевременно по заведенному ежедневному распорядку. Время с 1 апреля по 1 октября назначалось преимущественно для сельскохозяйственных работ. В течение этого периода, в дни, когда не было работы для учеников всех или нескольких классов, Совет школы назначал для них классные занятия (в целях повторения пройденного и для упражнения в задачах по разным предметам) или же практические занятия по земледелию, ремеслам, сбору и определению растений и насекомых, полезных или вредных в сельском хозяйстве [138].

Численность воспитанников к 1 января 1902 года составляла 34 человека. В течение указанного года поступило 11 питомцев. По достижении предельного возраста выбыло 4 человека. Трое воспитанников были выпущены досрочно, так как исправились, оказались способными жить самостоятельно и приспособились к условиям социума. Также трое питомцев покинули учреждение, потому что окончили полный курс сельскохозяйственной школы, а один несовершеннолетний оказался болен заразным заболеванием, поэтому был доставлен из колонии в другое учреждение для прохождения лечения [123].

Стоит добавить, что в отчете директора Смоленской исправительной колонии за 1902 год указано, что из 11 человек, поступивших в колонию в отчетном году, один принят по просьбе матери бесплатно, один – по постановлению окружного суда, двое – по постановлению членов окружного суда, трое – по постановлению уездного съезда, двое – по постановлению

городского судьи и двое – по постановлению земского начальника. В отчете также добавлено, что один из поступивших приговорен за поджог и взлом, а остальные за мелкие кражи. Все несовершеннолетние правонарушители были осуждены в первый раз [123].

По месту осуждения воспитанники делились следующим образом:

- в Смоленском уезде – 2 чел.;
- в Рославльском уезде – 1 чел.;
- в Ельнинском уезде – 1 чел.;
- в Духовщинском уезде – 7 чел.

По степени грамотности питомцы делились так:

- грамотных – 5 чел.;
- малограмотных – 4 чел.;
- неграмотных – 2 чел.

В таблице 5 представлено распределение находившихся в Сторожищенской колонии-приюте в 1902 году воспитанников по возрасту, семейному положению, сословию, роду занятий до поступления в колонию [Там же, Л. 51].

Таблица 5 – Характеристика несовершеннолетних правонарушителей Смоленской колонии, воспитывающихся в данном учреждении на период 1902 года

Возраст воспитанников	Основание их поступления в колонию			
	бесприютные	по постановлению Совета	по приговору	всего
17 лет	1	-	12	13
16 лет	-	-	4	4
15 лет	-	2	5	7
14 лет	-	3	5	8
13 лет	-	1	1	2
<i>Итого</i>	1	6	27	34
<i>Семейное положение</i>				
Имели отца и мать	-	-	11	11
-одного отца	-	2	3	5
-одну мать	1	3	8	12
-отца и мачеху	-	-	2	2
-отчима и мать	-	-	-	-

Окончание Таблицы 5

Возраст воспитанников	Основание их поступления в колонию			
	бесприютные	по постановлению Совета	по приговору	всего
-одного отчима	-	-	1	1
-сироты	-	1	2	3
<i>Итого</i>	1	6	27	34
<i>Сословие</i>				
Крестьяне	1	4	20	25
Мещане	-	-	6	6
Дети чиновников	-	-	1	1
Дети дворян	-	1	-	1
Духовного звания	-	1	-	1
<i>Итого</i>	1	6	27	34
<i>Род занятий до поступления в колонию</i>				
Земледелие	-	-	14	14
Жили у родных	-	5	1	6
<i>Ремесло</i>	-	-	3	3
Неопределенные занятия	-	-	7	7
Нищенствовали и бродяжничали	1	-	3	4
<i>Итого</i>	1	5	28	34

В школе к 1 января 1903 года обучалось 57 человек, из которых 25 были воспитанниками колонии, а 32 поступивших – сторонние питомцы.

Распределение воспитанников по классам выглядело следующим образом:

- 3-й специальный класс – 7 чел.;
- 2-й специальный класс – 8 чел.;
- 1-й специальный класс – 16 чел.;
- 2-й «приготовительный» – 18 чел.;
- 1-й «приготовительный» – 8 чел. [131, Л. 42].

Стоит добавить, что в данном году 15 человек окончили курс, причем 10 выпускников служили по сельскому хозяйству и льноводству и 5 занимались другими профессиями.

В Сторожищенской сельскохозяйственной школе 1-го разряда обучались питомцы, получавшие в ней за счет общества исправительных

учреждений, земства, частных лиц и социума полное содержание; также живущие только в школе и получавшие в ней продовольствие, но одевающиеся за свой счет. Помимо этого, могли быть приходящие ученики, которые учились в школе и во время работ получали бесплатно продовольствие, но жили вне школы. Все они за обучение в школе ничего не платили.

Содержание учеников в отношении одежды, пищи и вообще образа жизни должно было оставаться простым и приравненным к условиям местного крестьянского быта.

Во время пребывания в школе ученики обязаны были исполнять все хозяйственные и ремесленные работы, которые им поручались в имении.

По окончании учебного года учредителями школы по соглашению с лицами, наблюдавшими за работами учеников, могло быть выдано выпускникам пособие в зависимости от их поведения.

Стоит добавить, что переводные и выпускные испытания по теоретическому курсу проходили в конце марта, а по практическому курсу в течение всего лета (по мере производства работ) и заканчивались в сентябре итоговым испытанием по таким работам. Успехи воспитанников обозначались в именных списках баллами.

Ученики, выдержавшие испытание в знании полного курса школы, для более самостоятельного ознакомления с обязанностями по сельскому хозяйству и для знакомства с посторонними хозяйствами отправлялись в какое-либо имение на один год для исполнения разных обязанностей по сельскому хозяйству за вознаграждение. При этом каждые четыре месяца они давали отчет о своих действиях и наблюдениях, удостоверенный хозяином имения (при необходимости, с замечаниями последнего).

Ученик, прошедший опытный год в хозяйстве и прошедший повторное испытание, считался окончившим полный курс. Ему выдавался аттестат с подписью попечителя школы и управляющего об успехах как в пройденных им теоретических предметах, так и в практических занятиях. В аттестате

обозначалась та отрасль сельского хозяйства или ремесла, в которой воспитанник преуспел больше всего [131].

В 1904 году 6 человек успешно окончили курс школы. Кроме того, были воспитанники, не вошедшие в состав сельскохозяйственной школы из-за малограмотности. Они составляли, в свою очередь, отдельную группу для дополнительной подготовки.

Как отмечено в архивных документах, благодаря лучшему составу учеников преподавание шло удачно. Практические занятия имели характер серьезного участия в работах, которые осуществлялись в целях поддержки учреждений, дававших приют и образование работавших в нем воспитанников [113].

Эта мысль всегда внушалась ученикам и воспитанникам и позволяла добиться серьезности и добросовестного отношения к делу.

По разрешению попечителя выпускнику, не выдержавшему выпускное испытание, а также выбывшему ранее окончания курса выдавалось свидетельство о времени пребывания в школе. Также такие ученики могли быть оставлены на второй год в классе, но никто из них не имел права оставаться в специальных классах более 5 лет.

В случаях, заслуживающих особого уважения, ученикам разрешалась, по соглашению Министерств земледелия, государственных имуществ и военного, необходимая для окончания образования отсрочка поступления на службу в войска по вынужденному жребию, но не более чем по достижении ими возраста 22 лет [Там же].

Согласно докладу Редакционной Комиссии очередному XXIII Смоленскому губернскому земскому собранию по докладу управы (от 1906 года), с октября 1906 года колония получила возможность организовать правильное преподавание ремесел: столярного и сапожного. Воспитанники, по свидетельству персонала, с большим усердием занимались данными видами деятельности. Продуктивность труда оказалась наглядной: у несовершеннолетних была возможность использовать свое знание при

выходе из колонии и даже во время нахождения в ней. Администрация учреждения давала возможность воспитанникам зарабатывать на личные потребности: одежду, чай, сахар и пр. Все это вовлекало несовершеннолетних в работу, воспитывало в них чувство собственности, развивало бережливость и хозяйственность. Результаты обучения ремеслам в отчетном году выглядели следующим образом: из пяти обучающихся столярному делу два достигли таких успехов, что имели возможность заработать себе жизнь, занимаясь данным делом; из семи сапожников два достигли таких же успехов в обозначенной сфере.

Не меньшим успехом в колонии пользовались практически сельскохозяйственные занятия: огородничество, садоводство и пчеловодство. Они, по свидетельству персонала, имели также большое воспитательное значение: воспитанники получали свои деревья, небольшие огороды, пасеки, что оказывало такое же благотворное влияние на их характер, как и отмеченное выше влияние ремесел [114].

С 1894 года в колонии было 144 несовершеннолетних, из них о 30-ти в архивных источниках сохранились сведения, что они устроились удовлетворительно и жили трудовой жизнью. Отмечается, что колонией руководили лица, преданные своему делу и имеющие бесценный опыт. Это давало основания колонии к дальнейшему развитию и усовершенствованию.

Стоит добавить, что педагогический персонал учреждения проходил специальную подготовку, представленную лекциями по психологии и педагогике и юношеской преступности, что, безусловно, повышало эффективность работы сотрудников колонии с несовершеннолетними правонарушителями [106].

Сторожищенская сельскохозяйственная школа 1-го разряда была ликвидирована 1 апреля 1908 года. Тогда Губернское земское собрание ходатайствовало о замене ее низшей школой практического типа. Оно мотивировало данное пожелание тем, что при колонии необходимо было иметь более подходящую по своим программным требованиям к

умственному развитию воспитанников школу [150]. Спустя некоторое время, а именно 1 января 1910 года при исправительном учреждении была открыта сельскохозяйственная низшая школа 1-го разряда.

Данное заведение находилось под покровительством Главного управления землеустройства и земледелия. В школе ученики получали знания по садоводству, огородничеству и пчеловодству, подкрепляя их практически через выполнение определенного вида работ.

Для контроля над делами школы назначался Главным управлением земледелия и землеустройства из числа членов Смоленского общества исправительных колоний и приютов для несовершеннолетних попечитель на четыре года. При этом заведении был создан Совет, который состоял из попечителя школы, управляющего и преподавателей. Данный орган решал вопросы, связанные с учебной и хозяйственной деятельностью школы.

Стоит отметить, что в сельскохозяйственную низшую школу 1-го разряда принимались как воспитанники колонии, так и приходящие в возрасте от 14 до 18 лет. Приходящие ученики имели право жить непосредственно в школе и содержались за ее счет. Учебные занятия начинались с января, а в октябре на втором году обучения подростки сдавали выпускные экзамены. Необходимо сказать, что курс обучения составлял три года: первые два года ученики осваивали садоводство, огородничество и пчеловодство, а на последнем году учебы специализировались на отдельной отрасли.

Необходимо подчеркнуть, что общеобразовательные предметы в школе соответствовали уровню одноклассной министерской школы. В первый класс принимались несовершеннолетние, которые умели читать и писать. Они проходили следующие дисциплины: русский язык, арифметику, Закон Божий, пение и элементарные знания по обществоведению. Во втором классе теоретическая подготовка, кроме вышеупомянутых предметов, включала еще и такие дисциплины, как география России и общая география. Данная работа велась в зимнее время, когда не было необходимости трудиться в

имении по хозяйству. По итогам обучения ученики сдавали экзамен в конце марта.

Стоит сказать, что практическая подготовка также осуществлялась в низшей школе 1-го разряда по садоводству, огородничеству и пчеловодству, которые являлись специальными предметами. Она проходила весной, летом и осенью. Однако при осуществлении этих видов деятельности учитель повторял с учениками пройденный зимой теоретический материал, что оказывало положительное воздействие на их интеллектуальное развитие.

За учениками первого класса следил учитель во время выполнения ими практических работ, а ученики второго класса осуществляли деятельность самостоятельно. Данный подход в организации обучения воспитанников колонии был очень благоприятен, так как позволял детям почувствовать себя самостоятельными, приучал их к ответственности, дисциплине и давал им право выбора.

В течение всего лета и в сентябре питомцы демонстрировали приобретенные в школе умения и, таким образом, сдавали экзамен по практической подготовке. Стоит добавить, что неуспевающих учеников оставляли на второй год.

При положительном результате обучения воспитанники отправлялись на один год в соседние имения для подкрепления полученных знаний по сельскому хозяйству и приобретения опыта. По прошествии года ученики сдавали экзамен. Если он проходил положительно, то питомцы считались окончившими полный курс. Ученикам выдавался аттестат, где обозначались результаты теоретического и практического обучения, а также итоги годовой специализации.

Если ученик не смог сдать выпускные испытания, то ему выдавалась справка, в которой указывалось время пребывания в школе.

Стоит уделить внимание тому, что в 1910 году Главное тюремное управление обращалось к Смоленскому губернатору с прошением оказать возможное содействие в том вопросе, чтобы земства и города губернии

принимали более длительное и непосредственное участие в деле устройства и развития заведений предупредительно-исправительного воспитания для заброшенных и беспризорных детей и подростков, попадавших вследствие их заброшенности на путь порока и преступления. Это было необходимо для ограждения несовершеннолетних от нравственного развращения, к которому они приходили, если своевременно не оказывались надлежащие меры воздействия; а местного населения – от последствий преступной деятельности подростков [140].

Необходимо отметить, что в ГАСО нами была обнаружена программа для представления сведений по учебной части, физическому воспитанию, по гигиене и религиозно-нравственному воспитанию за 1903 год. Согласно сведениям, полученным из данного документа, в колонии находилось 57 воспитанников. В таблице 6 показано распределение несовершеннолетних по определенным критериям [139, Л. 96].

Таблица 6 – Распределение воспитанников Сторожницкой исправительной колонии - приюта за 1903 год

Критерий		Количество человек
<i>По вероисповеданию</i>	православные	42
	католики	1
	лютеране	14
<i>По происхождению</i>	крестьяне	47
	мещане	6
	дети чиновников и дворян духовного звания	3 1
<i>По месту рождения</i>	город	10
	село	47
<i>По возрасту</i>	12 лет	1
	13 лет	9
	14 лет	4
	15 лет	8
	16 лет	9
	17 лет	15
	18 лет	6
	19 лет	3
	20 лет	2
<i>Степень предварительного образования</i>	не окончившие курс начальной школы	35

Окончание Таблицы 6

	окончившие курс начальной школы	9
	окончившие курс двухклассного училища	13
<i>Последующая деятельность окончивших курс</i>	служат по сельскому хозяйству	10
	занимаются другими профессиями	1
	продолжают образование	4

Исходя из данных сведений можно сделать вывод о том, что преобладающую долю воспитанников составляли крестьянские дети. Причем большая часть питомцев не имели даже начального образования. Такая ситуация объясняется тем, что на несовершеннолетних негативная социальная среда напрямую воздействовала отрицательно, что толкало их на путь совершения правонарушений. Так как большинство детей были выходцами из села, то неоспорим тот факт, что родители не оказывали им должного внимания и не занимались в полной мере вопросами воспитания. Об их умственном развитии, соответственно, говорить не приходилось. Поэтому несовершеннолетние попадали под негативное воздействие социального окружения, которое не отличалось высокими ценностями и образованностью. Дети считали такой образ жизни приемлемым и становились правонарушителями.

Необходимо обратить внимание на то, что после выхода из колонии бывшие воспитанники, согласно информации, представленной в программе, находили свое место в жизни: из 14 выпускников колонии 10 человек занимались сельским хозяйством, 4 человека продолжали образование и 1 занимался другой профессией. Соответственно, никто из бывших воспитанников не пошел по прежнему пути, отказался от прошлых преступных ценностей и выбрал для себя жизнь в согласии с законами Российской империи.

Также в программе дана информация о теоретической подготовке воспитанников. Стоит отметить, что умственному развитию несовершеннолетних правонарушителей в Сторожищенской колонии-приюте придавалось особое значение.

Отмечено, что число учебных дней в году составляло 112 (одинаково для всех классов и предметов). Занятия проходили с октября по апрель, когда из-за наступления холодов сельскохозяйственные работы в колонии не проводились. Число предполагаемых уроков - 2096, однако число данных уроков в 1903 году составило 2079. Двадцать из них были пропущены по болезни преподавателей. Отмечается, что питомцам давалось от 2 до 3,5 часов на подготовку домашних заданий (все зависело от степени сложности заданного материала). Использовался классный метод преподавания, т.е. уроки усваивались, главным образом, при помощи преподавателей в классе.

Летних повторительных занятий не было, так как это время использовалось для практических занятий на территории колонии или в других имениях Смоленской губернии. Каникулы в учреждении также отсутствовали, однако отпуск к родным питомцам давался по мере надобности и возможности.

При теоретической подготовке акцент делался на умственный уровень воспитанников, что и учитывалось при распределении учебного материала. Так как питомцы не отличались высоким интеллектуальным уровнем, а некоторые из них были абсолютно неграмотными, то работа с ними должна была организовываться посредством элементарных занятий из вида ремесленного обучения. К этому заключению пришло в 1903 году Собрание при Департаменте земледелия с представителями ведомств и постановило помогать учреждениям в устройстве сельскохозяйственного обучения предоставлением бесплатно саженцев плодовых деревьев [139].

Стоит добавить, что педагогический коллектив колонии ставил своей целью не только обеспечение воспитанников теоретическими знаниями по базовым предметам, соответствующими их уровню развития, но и

объяснение подросткам важных житейских моментов, понять которые из-за возраста или негативного прошлого опыта им было довольно сложно. Поэтому развитию когнитивных процессов несовершеннолетних придавалось огромное значение. От питомцев требовалось не механическое запоминание материала, а умение его объяснить, излагать свою точку зрения. Такой подход был необходим в рамках воспитательного процесса. Это позволяло подросткам быть более адаптированными в социуме (имеющие знания по теоретическим и житейским вопросам напрямую способствовали социализации), применять знания в самостоятельной жизни. Но главное заключалось в том, что несовершеннолетние оказывались способными не поддаваться на провокации со стороны негативных элементов общества, могли сами оценить ситуацию, сделать правильный для себя выбор [131].

Практическим занятиям в колонии также отдавалось предпочтение. Обучение сельскому хозяйству или его отраслям велось исключительно практически, но обязательно с элементарными объяснениями значения работы во время производства или в зимнее время в классе. При такой организации обучения с воспитанниками взаимодействовал лишь один преподаватель-специалист. При необходимости показать одновременно работу в саду, на пчельнике и в огороде, в распоряжении преподавателя был огородник и пчеловод.

Число отработанных часов по практической подготовке в 1903 году составило 11466. Из них на сельскохозяйственных работах - 5850, ремесленных - 600, дежурства – 4316 [124].

План практических занятий находился в прямой зависимости от тех повседневных требований, которые предъявляло хозяйство имения.

В число сельскохозяйственных работ входили все работы, имеющие показательное значение для учеников школы.

Практическая подготовка велась с учетом соответствия умственному уровню воспитанников. Как отмечается в программе, при данном условии «неизбежно более успешно будут достигаться воспитательные задачи

колонии: как показал опыт целого ряда лет и при существовании сельскохозяйственной школы высшего типа большинство воспитанников колонии, приходящих не только из земледельческого состояния, но также и из городских элементов, с особенной охотой занимаются именно данными отраслями хозяйства, подходя, таким образом, под уровень требований практической школы. С другой стороны, хозяйственные условия колонии заставляют отдать предпочтение школе практического типа с преподаванием садоводства и пчеловодства, так как село Сторожище располагает садом, огородом и пчельником; дальнейшее оборудование и их приспособление к учебным планам не составляет серьезных затрат» [139, Л. 98].

В колонии проходили «ботанические» экскурсии с целью ознакомления с особенностями общего сельского хозяйства или отдельными отраслями в соседних наиболее благоустроенных имениях. Практическими занятиями руководил заведующий хозяйством имения, преподаватель специальных предметов П.О. Куторг. Наряд во все работы производился при участии самих учеников. Обращалось пристальное внимание на добросовестность учеников в работе. Все работы, выполненные одним учеником в течение года, оценивались приблизительно в 20 рублей. Награда ученикам не выдавалась, платы за работу тоже не было.

Однако все же в колонии практиковалась особая система поощрений воспитанников. Питомцы могли иметь собственные небольшие участки, и продукты от них поступали в личное пользование учеников. Безусловно, данная система положительно воздействовала на личностное развитие несовершеннолетних правонарушителей. Они становились более дисциплинированными, ответственными, самостоятельными, организованными. Большим плюсом было то, что воспитанники понимали, что для получения блага необходимо честно трудиться, и труд вознаграждается не деньгами, а именно результатами (например, продуктами от собственных грядок). Это, безусловно, направляло детей в сторону закона,

чести и изменяло их отношение к материальной составляющей жизни человека.

Необходимо отметить, что все доходы от имения или мастерских шли на содержание колонии [112].

Преподавалось столярное ремесло, приуроченное к удовлетворению необходимых потребностей собственного хозяйства и, главным образом, пчеловодства, так как главными изделиями в столярной (кроме классной мебели) были улья и другие принадлежности пчеловодства.

В помощь управляющему имением назначался староста (нарядчик) на молочный и скотный дворы, в пчельник, сад, огород, столовую. Велась дневники для записи работы. Ознакомление питомцев с общим строем хозяйства достигалось путем их участия в нарядах на работу. Иногда ученики посылались на частные работы по садоводству и пчеловодству. Данная практика нередко позволяла им не испытывать трудностей с трудоустройством при выходе из колонии. Особенно умелых выпускников могли оставить на работе в имении и далее, что, естественно, несло в себе воспитательный характер и позволяло им не встать на прежний порочный путь. Также работа в других имениях расширяла кругозор воспитанников [105]. Они имели возможность совершать такие мыслительные операции, выполняя определенный вид деятельности в частных владениях, как анализ (выделяя признаки «практического материала», находившегося в имении), синтез (объединяя части в целое через связь предметов между собой), сравнение хозяйственных и «практических материалов», находившихся в соседних имениях и в Сторожищенской исправительной колонии-приюте, обобщение предметов в одну группу на основе общих признаков.

При выполнении разного рода работ обнаруживался интерес воспитанников к трудолюбию (как отмечал педагогический коллектив при наблюдении за питомцами во время занятия трудом), что свидетельствовало об эффективности воспитательной деятельности в условиях Сторожищенской исправительной колонии-приюта [Там же].

По завершении курса обучения воспитанники сдавали выпускные экзамены. Им предшествовала ежедневная проверка знаний. При любом экзамене ученики демонстрировали теоретические знания и практические навыки в хозяйстве. Ученики, которые успешно окончили курс школы и сдали отчеты о трехлетней деятельности по хозяйству в имении (по пчеловодству), где они получали практическую подготовку, а также отзывы хозяина имения, получали от школы особые свидетельства на звание «пчеловода-практика».

Важным моментом при организации воспитательной деятельности в колонии был учет знаний и уровня грамотности несовершеннолетних правонарушителей. Бесспорно, обучение общеобразовательным предметам непосредственно воздействовало на общий уровень интеллектуального развития несовершеннолетних, а «приобретение новых знаний было необходимым условием» для реализации себя как личностей и поднимало детей на более высокую ступень в обществе [139].

Согласно статистической информации, обнаруженной в докладе педагогического совета Смоленской исправительной колонии комитету по управлению делами и имуществом Смоленского общества исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних от 6 сентября 1910 года, в учебном отношении воспитанники делились на неграмотных (8 человек), малограмотных (15 человек), отвечающих по уровню грамотности второму отделению одноклассной школы (10 человек), отвечающие по уровню грамотности курсу начальной школы (11 человек).

В отчетном году общеобразовательные предметы проходились по программе одноклассной народной школы с добавлением элементарных сведений по географии и истории России.

Все воспитанники колонии делились на четыре группы:

- две старших, отвечающих по степеням грамотности второму и третьему отделению нормальной одноклассной школы, с которыми работала воспитатель Г.К. Гончарова;

- две младших – неграмотные и полуграмотные, с которыми занимался директор колонии С.С. Павловский. Общеобразовательные предметы проходились с большим трудом и с относительно незначительным успехом. Причиной этому было недостаточное количество преподавателей и разнородность состава учащихся.

Общий интеллектуальный уровень во многом определялся теми социальными условиями, в которых росли и воспитывались несовершеннолетние правонарушители до направления в колонию. Эти «условия были весьма неблагоприятными», оказывали отрицательное воздействие на умственное, физическое, нравственное развитие, что требовало комплексного подхода в воспитании питомцев [112].

Говоря об умственном воспитании, необходимо отметить, что преподавание по садоводству, огородничеству и пчеловодству велось А.А. Александровским и Г.К. Гончаровым практическими методами и включало элементы объяснения. Программа обучения представляла собой полный цикл элементарных сведений по изучаемым отраслям. Воспитанники по итогам обучения сдавали экзамен по знанию практического курса главному инспектору сельского хозяйства в Смоленской губернии В.П. Заварину и инструктору садоводства А.С. Саморядову. Результаты экзамена были удовлетворительными. Из числа окончивших курсы – «двое нашли себе должности, а четверо остались в учреждении на определенное время» [151, Л. 191]. Это свидетельствует об эффективности воспитательных мер воздействия на личность несовершеннолетних правонарушителей в Сторожищенской исправительной колонии-приюте. Педагогическому персоналу удавалось изменить позицию питомцев в плане организации собственной жизни. Воспитанники осознавали важность труда для себя, необходимость использовать свободное время с пользой, совершенствоваться и развиваться, трудиться для собственных интересов и блага колонии.

Вообще трудовому воспитанию детей придавалось большое значение. В 1910 году активно велась сельскохозяйственная работа по следующим

направлениям: воспитанниками под руководством А.А. Александровского были посажены выращенные в собственном питомнике яблони и груши (всего около 100 шт.). Поддерживался в прежних размерах питомник, в котором работали все воспитанники по очереди. Относительно больших успехов достигло обучение парниковой культуре. Все работы по уходу за садом, питомником и огородом производились воспитанниками. Ими был пройден весь цикл работ по уходу за пчелами, а некоторые даже специализировались в этой отрасли. «Около половины воспитанников имели собственные улья» [122, Л. 139].

В Сторожищенской колонии активно велось ремесленное обучение воспитанников: преподавалось два мастерства – сапожное и столярное. Работа с воспитанниками в данном направлении была основана на Положении о ремесленных отделениях по законам от 21 апреля 1903 года и 16 марта 1904 года при низших общеобразовательных учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения (Приложение И) [136, Л. 266].

Сапожная мастерская привлекала к себе большую часть питомцев, потому что в ней можно было выучиться более быстро, а данный вид деятельности особо нравился питомцам.

В отчете с оправдательными документами по Смоленской исправительной колонии, имению Сторожище и сельскохозяйственной школе за 1910 год указано, что «из общего числа обучавшихся сапожному делу в течение года около 10 человек в состоянии самостоятельно делать сапоги среднего достоинства, так как полной тщательности в работе нельзя требовать от мальчика, который сидит за верстаком всего две зимы, хотя бывают настолько старательными, что выучиваются работать сносно и за одну зиму. Некоторые сапожники имеют уже своих заказчиков в городе» [134, Л. 605].

Обучение столярному делу проходило менее удачно. Из общего числа обучавшихся выделились пять человек, которые могли стать средним столярным подмастерьем.

Данная информация свидетельствует о том, что трудовое воспитание несовершеннолетних давало положительный результат, позволяло детям найти свой профессиональный путь, работать, обеспечивая себя честным заработком, что повышало вероятность завершения преступного пути несовершеннолетних за пределами колонии. Также в отчете отмечается об «особой старательности некоторых воспитанников при выполнении работы», что говорит об изменении их ценностных установок и стремлении быть полезным для общества [134].

Стоит отметить, что общие гигиенические условия, в которых содержались несовершеннолетние правонарушители, были вполне благоприятными: школа располагалась в возвышенной лесистой местности с проточным, удобным для купания прудом (как свидетельствуют архивные источники). Классная комната была достаточно светлой и просторной. Помещение вентилировалось посредством форточки и обыкновенных печных вентиляторов. Температура обычно составляла +13 °С в зимнее время. В помещениях ежедневно проводилась уборка самими воспитанниками. Анализируя особенности общих условий жизни питомцев, делаем вывод о том, что со стороны педагогического персонала колонии было гуманное отношение к детям: несмотря на то, что основной контингент составляли дети из неблагополучных семей, которые росли нередко в условиях улицы и пренебрегали базовыми человеческими потребностями (например, в чистоте и гигиене), руководство колонии поддерживало достойные человеческие условия жизнедеятельности подростков, заботилось об их комфорте и, самое главное, напрямую привлекало детей создавать данные условия.

Режим дня был направлен на то, чтобы подростки проводили время с пользой для колонии и для себя; чередовался труд и отдых и времени на то, чтобы «впасть в пороки» у подростков не оставалось. Распределение дня

зимой выглядело следующим образом: 5.30 – подъем, до 6.00 уборка постелей, умывание и молитва. После этого воспитанников знакомили с планом работы на день; до 7.30 они занимаются работой по хозяйству. С 7.30 проходил завтрак и приготовление к классным занятиям, которые начинались в 8.30 и заканчивались в 12.00. В промежутке между занятиями предполагались перемены по 10 минут. Обед начинался с 12.00, затем у детей было время на отдых до 14.00. По завершении свободного времени до 17.00 воспитанники работали по хозяйству имения. Время с 17.00 и до 18.00 отводилось на полдник и отдых. С 18.00 до 20.00 питомцы обязаны были заниматься самостоятельной подготовкой уроков. В 20.00 начинался ужин, а с 22.00 – сон. Летом был тот же порядок, но подъем на час раньше. Классных занятий не было и послеобеденный отдых длился с 12.00 до 15.00. Отступление от заданного режима допускалось лишь в случае необходимости выполнения спешного вида работ по хозяйству имения.

Данный режим оказывал положительное воздействие на питомцев: они приучались следовать общему порядку, организовывать себя таким образом, чтобы не быть в отстающих и успевать выполнять все необходимые виды работ в колонии в установленное время. Эти условия делали воспитанников более ответственными, требовательными к себе и исполнительными.

Так как ученики приобретали одежду на собственные средства, то «форма и качество одежды были различны» [112, Л. 253].

В учреждении особо следили за организацией питания несовершеннолетних. Педагогический коллектив колонии исходил из тех соображений, что растущий организм требует усиленного питания и, по возможности, удовлетворял данное требование. Пищевое довольствие учеников в количественном и качественном отношении было приравнено к пищевому довольствию крестьян: горячая пища давалась три раза в день, в полдник – хлеб с овощами или садовыми плодами. Обычное меню ежедневного стола выглядело следующим образом: завтрак – яичный суп с 3 ф. сала, в постные дни – сельдь, картофель или огурцы; обед – суп из овощей

с 3 ф. сала, каша с 3 ф. сала; полдник – хлеб, овощи и плоды (летом), чай (в праздничные дни); ужин – суп из картофеля, гороха, лапша и кисель.

«Продовольствие ученикам выдавалось от школы, поэтому им не приходилось приобретать разные продукты отдельно» [110, Л. 170]. Важным было то, что воспитанникам необходимо было хорошо трудиться на огороде имения, чтобы получить результат в виде овощей и фруктов, т.е. усердная работа на участке вознаграждалась такого рода благами, которые можно использовать для удовлетворения собственных потребностей. Такая система давала несовершеннолетним правонарушителям установку на то, что необходимо честно трудиться и тогда можно приобрести определенные вещи. То есть, воровство и другие преступления против личности не являются правильным путем для достижения собственной цели, а наоборот, способствуют моральной деградации и бесчестию. Когда несовершеннолетние правонарушители начинали понимать данное убеждение, то происходило изменение их личностных установок, дети выбирали другой жизненный путь, что свидетельствовало об эффективности воспитательной деятельности в Сторожищенской исправительной колонии-приюте.

В учреждении следили не только за умственным и нравственным развитием питомцев, но и уделяли внимание их физическому развитию. При колонии всегда был фельдшер, который один раз в месяц в случае особой надобности посещал заведение. Общее состояние здоровья учеников в начале XX века оценивалось как удовлетворительное: случаев смерти или серьезных заболеваний не было за все время существования колонии. Это свидетельствует о том, что учебно-воспитательный процесс был организован со следованием правилам безопасности, адекватным сочетанием труда и отдыха, а также с особым контролем за поведением детей-преступников (ведь из-за их криминальной направленности возникала опасность убийств несовершеннолетними товарищей по колонии или причинения им физического вреда; однако, данный факт не нашел своего отражения в

архивных документах). Отмечается, что педагогическим персоналом поощрялось катание воспитанников на коньках и подвижные игры на свежем воздухе. Необходимо добавить, что весной и летом питомцы в основном проводили время именно на свежем воздухе, так как практические занятия проходили на территории колонии (огород, пчельник), что укрепляло их физическое состояние и способствовало общему оздоровлению [122].

Говоря о реализации воспитательной деятельности в Сторожищенской колонии-приюте, следует добавить, что в рамках данного направления актуальным был вопрос о профессиональной составляющей жизни питомцев за пределами колонии. Педагогический персонал осознавал, что если у воспитанников не будет возможности найти себе подходящую работу после завершения пребывания в колонии, то они снова могут вернуться на прежний порочный путь. Для Российской империи данная ситуация была крайне не выгодной, так как повторные преступления приводили бы к негативным экономическим последствиям для общества, а также способствовали моральному разложению личности молодых людей. Поэтому необходимо было дать бывшим воспитанникам крепкую основу, которой служили профессиональные знания и навыки, полученные в стенах исправительного учреждения. Они были одной из важных составляющих процесса социальной адаптации личности к непростым, изменяющимся условиям.

Следовательно, в Сторожищенской колонии-приюте нашли выход из этой ситуации: на основании Высочайшего утвержденного 26 мая 1904 года Положения о сельскохозяйственном образовании и договора, заключенного Департаментом земледелия Особым Временным, Высочайше утвержденным 3 июля 1903 года комитетом по управлению делами и имуществом Смоленского общества исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних была открыта Сторожищенская практическая школа садоводства, огородничества и пчеловодства в 1912 году [147]. Она была создана посредством «преобразования Сторожищенской низшей сельскохозяйственной школы I-го разряда» (на основании ходатайства

Временного комитета по управлению делами и имуществом Смоленского общества исправительных колоний и приютов господину начальнику Смоленско-Витебского управления земледелия и государственных имуществ) [149]. Практический тип школы, по мнению Редакционной комиссии, более отвечал тому невысокому уровню развития, которым отличалось большинство питомцев колонии. Министерство земледелия и государственных имуществ признало приведенные соображения заслуживающими внимания, а потому, не встречая в принципах препятствий к их осуществлению и препровождая для соображений правила Тростянецких сельскохозяйственных и ремесленных классов от 14 сентября 1903 года (Приложение К) [137, Л. 47-49] и положение о сельскохозяйственном образовании от 26 мая 1904 года, постановило, что практическая сельскохозяйственная школа как учебное заведение имеет более простую организацию.

В уставе Сторожищенской исправительной школы садоводства, огородничества и пчеловодства при Смоленской колонии для несовершеннолетних указано, что данное учреждение (школа) ставило цель – подготовить умелых техников-рабочих по обозначенным в ее названии отраслям хозяйства путем практического выполнения учениками всех работ, относящихся к данным видам деятельности.

В документе также отмечается, что школа состояла в ведении Главного управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия. Ближайшее наблюдение за ней возлагалось на Смоленско-Витебское управление земледелия и государственных имуществ. Периодический контроль за деятельностью учреждения проводился лицами, по поручению от Главного управления землеустройства и земледелия.

Рассматривая вопрос управления школой, необходимо сказать, что для попечения о ее благосостоянии и для наблюдения за деятельностью данного заведения было учреждено особое лицо – попечитель. Он избирался на трехлетний срок из числа членов Временного комитета по управлению

делами и имуществом Смоленского общества исправительных колоний и приютов для несовершеннолетних и утверждался в должности Главным управлением землеустройства и земледелия.

На попечителя школы налагалась ответственность за ее благосостояние и средства. Он осуществлял надзор за школой и имел право голоса в заседаниях Совета школы. О результатах своего наблюдения попечитель докладывал Временному комитету по управлению делами и имуществом Смоленского общества исправительных колоний и приютов для несовершеннолетних, а замечания сообщал заведующему школой.

Стоит отметить, что при школе был образован Совет по учебно-воспитательной и хозяйственной части, функционировавший под руководством заведующего, учителей, законоучителя и врача. Кроме того, председательствующему предоставлялось право приглашать на заседание Совета с правом совещательного голоса служащих в школе специалистов и мастеров, местных хозяев имений и других лиц, способных оказать воздействие при обсуждении учебных и хозяйственных вопросов.

Непосредственное заведывание школой, как в учебном, так и в хозяйственном отношении, возлагалось на заведующего. Он также преподавал часть уроков по специальным предметам и руководил при содействии учителей и других специалистов, работающих в школе, обучением учащихся, их практическими занятиями и воспитанием.

Неся ответственность за благоустройство данного учебного заведения и всех его частей, заведующий распоряжался занятиями всех состоящих при школе и других подчиненных лиц и рабочих. В обязанности заведующего также входило ведение денежной отчетности по школе и ежегодное предоставление (не позже 1 марта) в Смоленско-Витебское Управление Земледелия и Государственных имуществ и Временному комитету по управлению делами и имуществом Смоленского общества исправительных колоний и приютов для несовершеннолетних подробного отчета о состоянии школы и хозяйства при ней.

Заведующий школой и учителя специальных предметов избирались из лиц, получивших специальную подготовку в соответствующих средних учебных заведениях. В исключительном случае, из лиц, не соответствующих данному критерию, но доказавших на практике свои специальные познания по определенным предметам.

Денежные средства школы состояли:

а) из ежегодного пособия в 2300 рублей, ассигнуемого Главным Управлением землеустройства и земледелия на расходы по учебной части;

б) из взносов и пожертвований земств, общественных учреждений или частных лиц на содержание стипендиатов и другие надобности;

в) из средств, отпускаемых на школу и колонию Временным комитетом по управлению делами и имуществом Смоленского общества колоний и приютов для несовершеннолетних;

г) из платы с учеников и доходов от мастерской, сада, огорода и пчельника школы.

Пожертвования, плата с учеников и доходы от хозяйства школы составляли специальные ее средства и расходовались только на ее содержание.

Школа имела право принимать всякого рода пожертвования, выписывать из-за границы беспошлинно необходимые для практического и теоретического обучения предметы, книги и другие учебные пособия, сельскохозяйственные машины и орудия, растения, семена, удобрения и прочие сельскохозяйственные производства и бесплатно пересылать корреспонденцию, посылки.

В уставе отмечалось, что курс обучения в школе продолжался два года и разделялся на два класса.

Школа комплектовалась из воспитанников колонии и посторонних в возрасте не моложе 14 лет и не старше 20 лет, которые жили непосредственно в школе и пользовались от нее содержанием (кроме одежды и обуви) за счет земств, обществ, частных лиц или за свой собственный. От

поступающих требовалось умение читать и писать по-русски. Прием и выпуск учеников производился в феврале. Как отмечено в уставе, размер платы за обучение и содержание составлял 60 рублей в год. Для принятия посторонних в школу требовалось представление или метрическое свидетельство, а также согласие родителей.

Одним из главных условий организации учебного процесса было то, что количество учеников в заведении должно было быть не менее 20 человек и не более 60.

В основе обучения лежали практические занятия, состоящие в производстве работ по огородничеству, садоводству и пчеловодству. Кроме того, ученики обучались столярному ремеслу в пределах, необходимых для рабочего по специальности школы. В свободное от практики время с учениками велись занятия по обучению чтению, письму и счету (в пределах не выше курса одноклассных сельских школ). На занятиях также раскрывались особенности важнейших явлений природы, давались сведения по предметам, утвержденным Департаментом земледелия.

Практические работы с питомцами велись в течение всего года, за исключением праздничных дней, когда производились только неотложные и спешные работы по хозяйству. К этим дням могли быть приурочены учебные экскурсии.

Составление ежегодного распределения уроков и практических занятий, работы для каждого класса по каждому предмету предоставлялись Совету школы, руководствуясь примерным расписанием (Таблица 7) [147, Л. 264].

Таблица 7 – Распределение теоретических занятий в Сторожищенской исправительной школе садоводства, огородничества и пчеловодства при Смоленской колонии для несовершеннолетних

Название предметов	Число часов в неделю		
	Годы обучения (классы)		Всего
	1-й	2-й	
Закон Божий	1	1	2

Окончание Таблицы 7

Название предметов	Число часов в неделю		
	Годы обучения (классы)		Всего
	1-й	2-й	
Чтение и письмо	1	1	2
Счет	1	1	2
Объяснение важных явлений природы	1	1	2
Сведения по огородничеству, садоводству и пчеловодству	2	2	4
<i>Итого</i>	6	6	12

Теоретические занятия велись преимущественно в зимний период и охватывали временной промежуток с 1 октября по 1 апреля (Таблица 8) [Там же, Л. 264].

Таблица 8 – Распределение практических занятий в Сторожищенской исправительной школе садоводства, огородничества и пчеловодства при Смоленской колонии для несовершеннолетних

Практические занятия	Годы обучения (классы)		Всего
	1-й	2-й	
Учебно-демонстрационные занятия	6	6	12
Сельскохозяйственные работы	31	31	62
Ремесленные занятия	12	12	24
<i>Итого</i>	49	49	98

Практические занятия и работы проводились по плану, разработанному Советом школы и под непосредственным руководством преподавателей. Они распределялись между учениками таким образом, чтобы каждый из них в продолжение школьного курса выполнил все виды работ и мог по окончании школы не только самостоятельно проводить каждую работу, но и объяснить, почему она выполняется так, а не иначе. Это осуществлялось для развития когнитивных психических процессов несовершеннолетних правонарушителей, активизировало мыслительные операции и побуждало к аналитической деятельности.

Стоит отметить, что общая продолжительность работы и других занятий учеников (не считая отдыха и обеденного времени) не должна была

превышать 10-12 часов (исходя из возраста учеников, а также степени сложности выполняемых поручений в имении).

В школе садоводства, огородничества и пчеловодства проводились испытания по практике: одно проверочное в течение курса по отдельным группам работы и два выпускных. Проверочные испытания осуществлялись преподавателями соответствующих предметов, выпускные – комиссией, состоящей из попечителя школы, директора, преподавателей и представителей учреждений, отпускающих средства на содержание школы.

Выдержавшие выпускные испытания ученики считались окончившими курс школы. Им выдавались свидетельства об успехах в прохождении предметов.

Наиболее успешно окончившим курс ученикам, по мере возможности, за счет специальных средств школы выдавались орудия и книги по изученным в школе специальностям, а также некоторые продукты хозяйства – семена, плодовые деревья и др. В отдельных случаях назначалось единовременное денежное пособие в размере по усмотрению Совета школы.

Выпускникам, получившим свидетельства об окончании полного курса школы, присваивались, по предоставлению в Совет школы удостоверительных отчетов о практической деятельности за трехлетний период и отзывам хозяина имений, где они работали, звания – «садовник-практик», «огородник-практик» с выдачей от школы особого свидетельства.

Таким образом, питомцы, успешно окончившие исправительную школу садоводства, огородничества и пчеловодства, имели возможность самостоятельно трудоустроиться, найти свое место в социуме, что заметно снижало риски совершения ими повторных противоправных деяний.

Следовательно, практическая школа имела прямую воспитательную направленность, а полученный в ней опыт позволял выпускникам работать и быть законопослушными гражданами.

Говоря об организационной составляющей Сторожищенской исправительной колонии-приюта, стоит отметить тот факт, что в 1913 году

учреждение перешло Смоленскому губернскому земству. Официальное учреждение стало называться – Смоленская колония-приют для несовершеннолетних имени Смоленского губернского земства [135].

В ГАСО нами был обнаружен устав данного учреждения. В нем указано, что Смоленская колония-приют для несовершеннолетних имени Смоленского губернского земства являлась воспитательным учреждением. Поэтому вся деятельность неуклонно должна была служить духовным интересам питомцев. Из-за этого при столкновении учебно-воспитательных и материальных (хозяйственных) интересов учреждения предпочтение отдавалось первым. Главнейшей задачей учреждения было полное и законченное развитие личности питомцев в религиозно-нравственном отношении совместно с обучением какой-нибудь отдельной отрасли сельского хозяйства (огородничеству, садоводству, пчеловодству, молочному делу) или ремеслу (столярному, кузнечно-слесарному, печному). Отмечалось, что обучение этим знаниям непременно должно было находиться в зависимости от физического состояния питомцев, их склонностей и иметь законченный, профессиональный характер, чтобы воспитанники по выходе из колонии всегда имели достаточное жизненное вооружение.

Главной заботой учреждения было физическое и нравственное оздоровление детей. Первое обеспечивалось достаточным питанием и врачебно-санитарным уходом под контролем врача, а второе посредством благоприятного влияния педагогического персонала колонии и воспитательной среды, а также трудом и обучением в школе. Стоит отметить, что врач проводил беседы с детьми относительно особенностей их здоровья и профилактики появления заболеваний.

В общеобразовательной школе, приближенной к уровню двухклассных училищ Министерства народного просвещения или низшей сельскохозяйственной школы 2-го разряда, преподавались русская история, география, законоведение, преимущественно касавшееся крестьянского быта. Обучение этим предметам способствовало, по мнению педагогического

персонала колонии, более глубокому развитию подростков. Отмечалось, что методы преподавания не должны были иметь принудительный характер, а все усилия направлялись к тому, чтобы внушить питомцу любовь к книге и умению пользоваться ей самостоятельно для усвоения, например, нужных сведений по своей специальности.

Школа ввиду ее воспитательно-дисциплинирующего характера и необходимостью вооружения грамотностью воспитанников должна была иметь каникулы не менее двух месяцев в год.

Практическое обучение какой-либо сельскохозяйственной специальности представляло последовательный и законченный характер. Обучение огородничеству, садоводству, пчеловодству и молочному делу происходило практическим путем под руководством преподавателя-специалиста, для чего в его распоряжении находились огород, сад, пчельник. Также ему предоставлялось право работать с воспитанниками на молочном и скотном дворах.

В качестве меры поощрения питомцам разрешалось иметь собственные грядки, кусты, ульи и заниматься каким-либо рукоделием для себя.

При колонии функционировала ремесленная мастерская, где воспитанники занимались столярным и сапожным делом [146].

В 1915 колония-приют стала называться Смоленской губернской земской воспитательно-исправительной колонией-приютом для несовершеннолетних.

Как отмечается в уставе данного учреждения, Смоленская колония-приют для несовершеннолетних мужского пола имела своей целью дать посильное для каждого питомца религиозно-нравственное, умственное и физическое развитие, а также достаточное ознакомление с каким-нибудь ремеслом или отраслью сельского хозяйства, чтобы при выходе из заведения несовершеннолетние могли жить честным трудом.

Для достижения этих целей при колонии находились церковь, школа, по курсу равная одноклассному училищу Министерства народного

просвещения, мастерская (сапожная и столярная) и сельскохозяйственная ферма с садом, огородом и пчельником, где велось практическое обучение отраслям сельского хозяйства. Колония была рассчитана на 50 воспитанников. Она состояла в ведомстве Министерства юстиции по Главному тюремному управлению и находилась, наряду с другими земскими учреждениями, в ведении Смоленской губернской земской управы.

Непосредственное управление колонии-приюта вверялось Земской Управой директору колонии, ответственному за порядок и правильный ход дела в заведении. Все распоряжения по колонии-приюту проводились непосредственно через директора.

На данную должность, назначаемую и увольняемую Губернской земской управой, определялись лица, имевшие аттестат на право преподавания или об окончании курса в высшем или среднем учебном заведении.

На директора колонии-приюта возлагались следующие обязанности:

а) возможно полное осуществление главной цели заведения – исправление воспитанников и обучения их вышеупомянутым ремеслам и отраслям хозяйства путем личного соприкосновения с воспитанниками и при содействии воспитателей-учителей и других служащих;

б) составление ежегодной сметы на содержание приюта-колонии и отчетов о расходовании поступивших в его распоряжение сумм;

в) заведывание хозяйством колонии-приюта и ее имуществом;

г) назначение и увольнение низших служащих заведения;

д) переписка по делам колонии-приюта с разными лицами и учреждениями, а также представление подробного годового отчета о состоянии заведения.

Для обсуждения вопросов, относящихся к учебно-воспитательной части, при колонии был создан Педагогический совет, состоящий из директора, законоучителя, воспитателей-учителей и врача.

Говоря о составе воспитанников, порядке их приема, содержания и освобождения, стоит отметить, что в колонию-приют помещались несовершеннолетние в возрасте от 10 до 17 лет: а) признанные виновными в совершении какого-либо преступного деяния по определениям и приговорам суда; б) подследственные и подсудимые; в) нищенствующие и бродяжничающие и вообще бесприютные и беспризорные по постановлению Губернской земской управы; г) отдаваемые для исправления родителями или опекунами по соглашению с Управой.

В случае принятия в колонию-приют несовершеннолетних двух последних категорий Управа сообщала об этом в трехдневный срок земскому начальнику для установления правильности задержания.

В учреждение не принимались: идиоты, душевнобольные, эпилептики, одержимые заразными заболеваниями (до выздоровления), глухонемые, слепые и совершенно неспособные к физическому труду. Ненадлежащим образом направленные или принятые в колонию-приют несовершеннолетние возвращались с объяснением причин тому судебному месту, лицу или учреждению, которое их препроводило в данное заведение.

Несовершеннолетние, обвиняемые в учинении преступных деяний, содержались в колонии-приюте до окончания следствия или разбора дела (по возможности – отдельно от прочих воспитанников).

Приговоренные или подследственные несовершеннолетние препровождались в заведение с копиями своих характеристик, приговоров и постановлений, а также метрических свидетельств или выписок. В случае недостатка обозначенных свидетельств или выписок, колония-приют взаимодействовала с подлежащими лицами для получения этих документов.

Несовершеннолетние при следовании в учреждение и при вызове к судебным и следственным властям направлялись отдельно от арестантских партий под надзором особых лиц или низших чинов полиции (городской, уездной или сельской), но по соглашению об этом колонии-приюта с подлежащей судебной или следственной властью.

Воспитанникам колонии-приюта, за исключением подследственных и подсудимых, при хорошем поведении могли даваться директором отпуска к благонадежным лицам. Срок отпуска не превышал семи суток, причем время, необходимое на дорогу, не зачислялось в назначенный срок.

Судебное преследование в отношении уголовной ответственности воспитанника колонии-приюта, не достигшего 17 лет, не возбуждалось, а начатое подлежало прекращению, если воспитанник обвинялся в учинении до помещения в колонию-приют, а также в самой колонии или во время побега, отпуска из нее преступного деяния, за которое он по закону не мог подлежать более строгому наказанию, чем отдача в воспитательно-исправительное заведение.

Все питомцы колонии, за исключением помещенных по просьбе родителей или опекунов, находились в ней до исправления. Они оставались в колонии-приюте не менее чем на один год и не более достижения ими 18 лет. Воспитанники, которым при поступлении в колонию было более 15 лет, содержались в ней до совершеннолетия, а освобожденные ранее этого возраста при дурном поведении снова возвращались в колонию. Ближайшее определение продолжительности пребывания несовершеннолетних в колонии-приюте предоставлялось Педагогическому Совету.

Педагогический Совет имел право воспитанников, за исключением подследственных и подсудимых, пробывших в колонии не менее одного года, отдавать до достижения ими 18 лет в обучение к благонадежным мастерам, в промышленные заведения или на сельские работы (под непосредственным наблюдением).

Вышедшие из колонии-приюта выпускники в течение трех лет состояли под покровительством заведения, которое оказывало им возможную помощь и помогало адаптироваться к условиям самостоятельной жизни в обществе.

В отношении воспитанников, достигших восемнадцатилетнего возраста, покровительство прекращалось и ранее истечения трех лет: 1) при

совершении бывшими воспитанниками противозаконного деяния, повлекшего за собой обвинительный судебный приговор, 2) при явно дурном и развратном поведении, делающим всякую заботу и надзор бесполезным.

При выпуске из колонии всем воспитанникам, за исключением поступивших по просьбе родителей или опекунов, а также подследственных и подсудимых, выдавалось пособие на одежду и проезд, установленное Советом учреждения.

Досрочное освобождение воспитанников и обратный прием в колонию-приют производился на основании постановления Педагогического Совета с разрешения Губернской Земской Управы [144].

Исторические события 1917 года изменили весь государственный строй, что повлияло на функционировавшие данного учреждения для несовершеннолетних правонарушителей. С 1922 года Сторожищенская исправительная колония-приют стала называться колонией принудительного воспитания. Она принимала несовершеннолетних до 15 лет: а) совершивших общественно опасные преступления; б) не поддававшихся мерам педагогического воздействия; в) нищенствовавших и занимавшихся бродяжничеством.

Целью помещения воспитанников в колонию было: обучение их квалифицированным видам труда, привитие им нравственных устоев, развитие духовности, расширение умственных способностей несовершеннолетних путем общего и профессионального образования, развитие самостоятельности, физического воспитания и оздоровления, ознакомление питомцев с правами и обязанностями граждан Советской республики.

Воспитанники находились в учреждении до совершеннолетия. Но в отдельных случаях Педагогическому совету предоставлялось право ходатайствовать о переводе их в другие учреждения или отправлении на службу.

Колония нового типа коренным образом отличалась от прежней, функционировавшей до 1917 года. Учреждение больше не несло в себе настолько основательную воспитательную направленность, как это происходило до революционных событий. Как указано в положении о Сторожищенской колонии принудительного воспитания за 1922 год, все вновь прибывшие или плохо поддающиеся исправлению дети, подвергались строгой изоляции от остальных несовершеннолетних. По отношению к ним применялись все меры по предупреждению побегов вплоть до колючей проволоки в окнах спален и запираания комнат на ночь при дежурстве воспитателя. Школьные занятия для всех воспитанников были обязательными. От работы по хозяйству или в мастерских они освобождались лишь по заключению врача или мотивированного постановления Совета колонии.

Дисциплина была строгой и непреклонной (никаких поблажек, отступлений не допускалось). Однако оставалась необходимость не убивать в питомцах самостоятельность. Отмечается, что в первое время пребывания в колонии особенно необходимой была строгость. Оставалась традиция разрешать несовершеннолетним правонарушителям иметь собственные грядки и деревья. Все работы по уходу за домом выполнялись питомцами с целью приучения их к условиям трудовой жизни.

В нем указано, что несовершеннолетние были обязаны безусловно подчиняться всем распоряжениям, инструкциям и правилам, исходящим от администрации колонии.

В столовой во время приема пищи питомцы должны были вести себя скромно и прилично, не допуская громких разговоров, неприличных слов и выражений. Опоздавшие на завтрак, обед или ужин лишались такового. Во время классных занятий, на работах по хозяйству и в мастерских они обязаны были не мешать общей работе и исполнять порученную работу с прилежанием и аккуратностью. Вовремя не пришедшие на занятия воспитанники, а также замеченные в ленивом и небрежном выполнении

заданий, подвергались взысканию по усмотрению руководителя работой и занятий.

В свободное время питомцы находились в обозначенных им местах и не направлялись в спальни, столовую и мастерские в неуказанное время. Без разрешения заведующего колонией несовершеннолетние не имели права отлучаться с территории учреждения и получали увольнительную записку, чтобы отправиться в отпуск. Если они вовремя не возвращались из отпуска, то впредь лишались такового. Сбежавшие из колонии воспитанники возвращались вновь лишь по определению комиссии о несовершеннолетних.

В отношении друг с другом несовершеннолетние обязаны были поддерживать дружелюбие, не допускать грубых выходок, резких и неприличных слов и ругани, драк.

Свободное время воспитанники проводили согласно указаниям педагогического коллектива. Игры и другие развлечения на переменах не разрешались. За курение табака питомцы наказывались. В период выполнения работ они полностью подчинялись указаниям руководителя, что не позволяло развивать в них самостоятельность, инициативность, делать выбор, анализировать ситуацию и предлагать свои варианты реализации обозначенной задачи.

В отношении с лицами воспитательного надзора и технического персонала питомцы должны были проявлять вежливость, покорность, к замечаниям относиться с особым вниманием, в будущем стараться их не получать, не вступать в пререкания, помня, что педагоги являются главными людьми в колонии.

О своих нуждах несовершеннолетние заявляли не лично, а через дежурного воспитателя.

При входе лиц администрации или воспитателя в помещение, где были собраны питомцы, последние вставали, приветствовали пришедших обязательным поклоном и словом «здравствуйте».

Таким образом, установившаяся после 1917 года система воспитания в колонии коренным образом отличалась от предшествовавшей. Характер мер педагогического воздействия на несовершеннолетних правонарушителей отличался жесткостью, излишней регламентацией и невозможностью отклонения от четких указаний и порядка.

Анализируя организацию Сторожищенской колонии-приюта в период с 1894 по 1917 год на основании документов, обнаруженных в Государственном архиве Смоленской области (ГАСО), нами было выявлено, что данное учреждение было открыто с целью перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей мерами, носящими гуманный характер и лишены карательных проявлений. Воздействие на личность воспитанников шло через трудовое, умственное, духовно-нравственное и физическое воспитание. Первое из них способствовало дальнейшему трудоустройству питомцев. Ранее было отмечено, что в целях обучения детей-правонарушителей работе по хозяйству и формирования у них профессиональных навыков на базе колонии открывались сельскохозяйственные школы, мастерские. Развитие интеллектуальных способностей несовершеннолетних осуществлялось посредством теоретического обучения общеобразовательным предметам и специальным дисциплинам. Несмотря на невысокий уровень их умственного развития педагогический персонал колонии с большим вниманием относился к вопросу формирования мыслительных способностей у данной категории лиц.

Духовно-нравственное воспитание питомцев осуществлялось через беседы педагогов с питомцами, личный пример сотрудников колонии. Также воспитанники посещали храм, где знакомились с религиозными аспектами. Стоит отметить, что обстановка в колонии благоприятно воздействовала на личность несовершеннолетних правонарушителей, что влияло на их духовно-нравственные идеалы.

Физическое воспитание тоже являлось одним из главных способов влияния на питомцев. Необходимо отметить, что согласно отчету о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних в Российской империи за 1908-1909 год, в колонии не было зарегистрировано детской смертности, что говорит об ответственном отношении педагогического персонала к здоровью подопечных.

Четыре указанных компонента (умственное, трудовое, духовно-нравственное и физическое воспитание) способствовали предупреждению правонарушений воспитанников в самостоятельной жизни. Благоприятная атмосфера, в которой царило уважение к их личности со стороны педагогического персонала, отсутствие жесткой регламентации, но в то же время адекватные требования и дисциплина, наличие поощрений и мер наказаний без карательных действий формировали законопослушных граждан. Одним из важных моментов в организации воспитательно-исправительной системы Сторожищенской колонии-приюта в период с 1894 по 1917 год было то, что воспитанники данного учреждения не только изменяли свои ценностные установки, далекие от господствовавших в преступном мире и абсолютно противоположные им, но и становились социализированными личностями, способными самостоятельно жить и оставаться нужными для общества членами.

2.3 Особенности перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей в Сторожищенской исправительной колонии-приюте Смоленской губернии

В Российской империи вопрос воспитания и исправления несовершеннолетних правонарушителей стал особенно актуальным со второй половины XIX века. Как отмечено выше, это объяснялось нестабильностью во всех сферах общества. В целях собственного обеспечения и удовлетворения потребностей лица, не достигшие

совершеннолетия, совершали противоправные поступки, нередко довольно опасные для социума. Это превращало их в малолетних преступников. Для страны данная проблема была крайне острой и негативной и требовала вмешательства компетентных органов.

В Смоленской губернии эта ситуация также была актуальной и привлекала к своему рассмотрению и решению лиц, работавших в тот исторический период непосредственно с данной категорией несовершеннолетних. Как отмечено ранее, главным воспитательным центром на Смоленщине в конце XIX – начале XX века являлась Сторожищенская исправительная колония-приют, куда принимались мальчики, осужденные и приговоренные по судебному приговору, а также беспризорные и нищенствующие несовершеннолетние мужского пола [145].

В докладе в комитет по управлению делами и имуществом Смоленского общества колоний и приютов для несовершеннолетних за 1901 год была обнаружена информация относительно воспитания в Сторожищенской колонии-приюте. Проанализировав сведения данного документа, нами было выявлено, что основным принципом воспитательной деятельности в учреждении для несовершеннолетних правонарушителей являлись простые, участливые отношения с питомцами, лишённые формализма и ненужной муштровки. Дисциплина, т.е., подчинение воспитанников старшим и их распоряжениям, была основана, главным образом, на личном признании и доверии. Из-за этого жизнь педагогического персонала (в силу необходимости) принимала трудовой суровый характер, обеспечивающий авторитетность в глазах питомцев. Среди несовершеннолетних всегда находилась небольшая группа наиболее развитых и здоровых в моральном отношении детей, которые скорее и легче других подчинялись влиянию воспитателей и, в свою очередь, помогали им, положительно воздействуя на своих товарищей и показывая хороший пример. «Воспитатели Смоленской колонии опирались в своей работе на актив воспитанников, в значительной степени помогавший им найти тот

контакт с основной группой воспитанников, который так необходим в работе с трудновоспитуемыми детьми. Воспитатели поощряли всякую хорошую инициативу своих питомцев, прислушивались к их дельным советам, относящимся к любой стороне жизни колонии» - отмечает Ю.В. Гербеев [14, с. 109]. С течением времени в колонии-приюте устанавливались «довольно прочные настроения, захватывавшие отдельную личность и дававшие тон их духовной жизни» [105, Л. 44]. Однако, поддерживать общее положительное настроение и подгонять под него отдельного воспитанника было нелегко: питомцы колонии в большинстве являлись неустойчивыми, с ограниченным кругозором подростками. Для расширения познавательных возможностей и развития ответственности за собственную жизнь и жизнь товарищей воспитатели стремились пробудить в воспитанниках участливое отношение к самой колонии, ее нуждам и задачам. Этим объяснялось отчасти то, почему безынициативные, ленивые питомцы во время летних работ по уборке сена, хлебов и картофеля всегда работали сами с увлечением и требовали этого от других. Такой же подъем духа обнаруживался в вопросах «о чести заведения», когда колонии угрожал ущерб со стороны ее же воспитанников, совершивших какой-нибудь предосудительный поступок: побои, воровство и т.д. [113].

Благодаря такому отношению к вопросу о поведении питомцев в колонии практиковался «товарищеский суд», в значительной степени помогавший упорядочивать жизнь подопечных. Эта мера воспитательного воздействия была эффективной и оказывала непосредственное воздействие на несовершеннолетних правонарушителей, так как они находились в таком возрасте, когда мнение товарищей являлось особо значимым. Если оценка педагогов была важна не для всех питомцев, то уважение сверстников, хорошее отношение с их стороны были значимы для воспитанников.

В отчете о состоянии Смоленской колонии для несовершеннолетних за 1903 год отмечено, что в данном учреждении никогда не было принято смотреть на то или другое проявление воспитанника иначе, как на следствие

тех общих условий жизни заведения, которые определенным образом отражались на отдельной личности. Поведение питомцев, их общее и частное настроение всегда понимались как показатель удовлетворенности и пригодности того строя жизни, которому они подчинялись. «Этот взгляд обязывал всегда к тому, чтобы, ставя своей задачей полное развитие личности в истинном смысле этого слова, воспитатель всю тяжесть перевоспитания личности, порочной или преступной, возлагал не на слабого и темного воспитанника, а на себя самого, свои знания и педагогическое искусство» [131, Л. 31].

Таким образом, отрицательная сторона поведения воспитанников всегда заставляла искать причину в условиях жизни учреждения и социального окружения несовершеннолетних правонарушителей, (совокупность данных фактов почти всегда была сильнее отдельной личности и оказывала на нее прямое воздействие).

Ни пьянство, ни курение не нашли себе благоприятной почвы в среде уже достаточно окрепших воспитанников. Но случаи кражи повторялись гораздо чаще последних двух лет, что происходило вследствие некоторой отчужденности двух-трех воспитанников, которые по своим особенностям нуждались в самом бдительном уходе педагогов, возможным только при удалении от группы.

Директором колонии С.С. Павловским было отмечено, что в среде несовершеннолетних правонарушителей доминировала сдержанность и трезвое, осмысленное отношение к жизни. Старшие питомцы исполняли должность старосты по очереди и следили за выполнением работы другими воспитанниками. Также в каждой отдельной группе назначается «старший», который нес нравственную ответственность за поведение своих товарищей [148].

Для исследования интересна информация, обнаруженная в докладе Педагогического совета Смоленской исправительной колонии Комитету по управлению делами и имуществом Смоленского общества исправительных

приютов и колоний для несовершеннолетних и Сторожищенской сельскохозяйственной школы от 6 сентября 1904 года. Она гласит о том, что «принцип, по которому несовершеннолетнему, как существу нравственно незаконченному и несостоятельному, не должно в действительности вменяться в вину противозаконное деяние – есть главная причина, по которой и возникла колония для детей и по которой она носит не карательный, а учебно-воспитательный характер» [113, Л. 55]. Это свидетельствует о том, что деятельность Сторожищенской колонии имела гуманный характер: несовершеннолетних правонарушителей не считали лишними элементами общества, неспособными к исправлению и достойной жизни, а, напротив, воспринимали их как недостаточно зрелых личностей (из-за возраста), которые при соответствующем воспитательном подходе и уважительном отношении со стороны старших способны измениться, став благонадежными и законопослушными гражданами [104].

Обычно деятельность данного заведения, его уставы, доклады и отчеты директора и других педагогов – все направлялось не к тому, чтобы несовершеннолетний «преступник» в зависимости от важности своего «преступления» отбыл тот или иной срок по судебному приговору, а к тому, чтобы он вернулся в общество ответственным и жизнеспособным членом.

Из-за этого Смоленская колония постоянно стремилась сохранить даже с бывшими питомцами возможную продолжительную связь (патронат) и иногда настаивала на необходимости оставлять трудно исправимых ребят до 21 года. Считалось невозможным выпустить воспитанников ранее года пребывания в учреждении даже в особенно благоприятных случаях, так как была необходимость в постоянном контроле со стороны кого-либо из членов колонии.

«Такое внимательное отношение к несовершеннолетнему «преступнику» доказывает, что учреждение, взявшее на себя нравственную ответственность за него, нисколько не должно обманываться на счет трудности и продолжительности того сложнейшего процесса духовной

жизни, который называется исправлением, но который следовало бы назвать воспитанием. Строго говоря, только воспитанный человек, то есть человек с упорядоченным миропониманием, привыкший сколько-нибудь последовательно мыслить, владеть своим настроением, трудиться и может считаться «исправившимся», способным воздержаться от нового преступления» [112, Л. 241].

Таким образом, у Сторожищенской колонии была одна из главных целей – воспитание как трудный, кропотливый, продолжительный процесс воздействия на личность питомцев, конечным результатом которого являлось «такое состояние духовности несовершеннолетних правонарушителей, которое называлось нравственной зрелостью» [124, Л. 73].

В целях поддержания доверия между педагогическим персоналом и их подопечными и развития духовной жизни мальчиков было принято устраивать ученические спектакли, литературные вечера, пикники и общие прогулки, где питомцы непосредственно общались с воспитателями, гостями, членами семей педагогов. Присутствие этих лиц являлось всегда особенно важным и желательным, так как их внимание к питомцам служило наиболее эффективным стимулом к исправлению. «Отвлечь мальчиков от дурных привычек, научить вдумчиво относиться к своей собственной жизни и найти в ней хорошие стороны» – это одно из главных направлений, которое позволяло изменять детей-преступников и растить законопослушных граждан [110].

Принятая система почти исключала необходимость наказаний, применять которые в колонии было не только рискованно, но и бесполезно. Напротив, педагоги стремились найти индивидуальный подход к каждому воспитаннику, основой которого являлось гуманное отношение к ребенку и признание несовершеннолетних высшей ценностью в воспитательном процессе, личностью со своими потребностями и интересами. Таким образом, при анализе обнаруженной в документах архива информации было выявлено, что в Сторожищенской колонии-приюте при организации работы с

несовершеннолетними нарушителями педагогическим персоналом активно применялся аксиологический подход. Т.е., воспитанники данного заведения рассматривались не как объекты, на которые направлялась основная цель – исправление и перевоспитание, а как субъекты обозначенных процессов, делающие выбор (подчиняться общим требованиям или нет, как поступать в определенной ситуации и с какой стороны ее оценить). Поэтому педагоги часто создавали ситуации, где ребята могли проявить свою инициативность, активность, самостоятельность, что являлось для них положительным стимулом и укрепляло веру в себя [114]. Самой тяжелой формой наказания в колонии являлось заключение в карцер, но применялось оно исключительно к беглецам, которых иногда ограничивали в пище.

Наград в учреждении не существовало. Хорошее поведение и проявление положительных свойств характера давало воспитанникам естественное право на доверие, признание, чем очень дорожили питомцы.

Изложенная система взаимоотношений создавала благоприятную атмосферу в педагогическом коллективе и среди несовершеннолетних правонарушителей. Благодаря этому колония никогда не знала крупных столкновений или непонимания между администрацией и воспитанниками. Также не было других негативных поступков со стороны питомцев (пьянства, кражи, дерзости и пр.).

Обычными проявлениями испорченности являлись курение табака (в 1909 году у пяти человек данная проблема была очень острой), мелкая кража у товарищей, лень, небрежность и побеги – самое тяжелое по своим последствиям. В обозначенном году особенным упорством отличались шесть новичков, убежавших несколько раз. Несмотря на то, что побеги в Сторожище даже в тяжелые времена жизни колонии не достигали угрожающих размеров и не колебали до основания устоев учреждения, но они всегда производили некоторую сенсацию, особенно если убегал питомец, пользовавшийся доверием и уважением среди педагогического персонала и товарищей (что всегда крайне тяжело переживалось воспитателями).

Случайного беглеца (новичка) еще не трудно было снова исправить, но побеги рецидивистов (неуравновешенных, имеющих при этом прочные связи с другими преступниками), крайне трудно предотвращались. Также возникали сложности с нейтрализацией их влияния при возвращении в колонию на других несовершеннолетних. В докладе отмечалось, что исправлять рецидивистов-беглецов было довольно проблематично, так как это, по большей части, слабовольные с дурными привычками подростки, которые не желали подчиняться общим правилам и следовать нормам закона. Борьба с этими пороками всегда была тяжелой и требовала от воспитателя большой настойчивости и внимания. Лучшим средством перевоспитания являлся физический труд, гимнастика, отсутствие праздности, надзор и, в случае надобности, объяснение вредных последствий этих пороков [111].

В Сторожищенской колонии-приюте была особая мера для борьбы с трудно исправимыми – возможность обмена такими питомцами с другими, более отдаленными заведениями. Необходимо добавить, что для трудно исправимых питомцев предназначался правительственный приют, куда все воспитательные заведения для несовершеннолетних правонарушителей могли пересылать не поддающихся исправлению (где они содержались до 21 года). Но данный способ воздействия на детей-преступников использовался недолгое время, так как оказался затруднительным в материальном отношении [113]. В заведении одной из острых проблем являлось курение несовершеннолетних правонарушителей. Данное негативное явление у многих несовершеннолетних являлось результатом многолетней привычки. Отмечалось, что такие воспитанники обычно с трудом отвыкали. Другие мальчики лишь изредка курили из простого подражания. Борьба с этим пороком была затруднена невозможностью найти низших служащих (мастеров, надзирателей и пр.), которые бы сами не имели данной вредной привычки. Их слабостью в этом отношении оправдывали свое курение и питомцы (что доказывает важность влияния социального окружения на несовершеннолетних и примера, который персонал колонии подавал детям).

Впрочем, временами курение надолго прекращалось благодаря какому-нибудь сильному подъему в колонии, но затем вновь вспыхивало с новой силой [111].

Педагогов более волновала другая черта питомцев – невыносимость в работе и любовь к праздности (результат ранней беспризорности и уличного влияния). На борьбу с этими свойствами и были направлены усилия воспитателей. Кроме обычных мер (убеждения и личного примера) педагоги старались развивать в воспитанниках самодеятельность, поощряя их работу «на себя» в мастерских, огородах или пчельниках. Многие действительно были заинтересованы и других вовлекали в эти работы (как ради труда, так и из желания иметь заработок). Благодаря этой мере летом в праздничные дни несовершеннолетние были заняты собственным делом и не знали вредного времяпрепровождения.

Эта общая картина состояния колонии в воспитательном отношении была характерна для целого ряда лет. Большинство новичков отчетного года отличались хорошими природными свойствами и легко поддавались влиянию воспитателей. Как и прежде, старшие воспитанники легко помогали своим положительным примером в перевоспитании других питомцев и оказывали на них благоприятное воздействие. Необходимо отметить следующие благоприятные явления в жизни колонии в 1910 году: шесть старших воспитанников, из которых четыре были профессиональными карманными ворами, довольно обстоятельно занимались садоводством, огородничеством и пчеловодством и в октябре обозначенного года с успехом выдержали экзамен в знании практического курса по этим отраслям. Около 20 других воспитанников применяли свои знания по данным направлениям на «собственных» грядках, деревьях и ульях. Нельзя сказать, чтобы собственное хозяйство воспитанниками велось вполне удачно, но важно то, что у них все больше и больше развивалась инициативность, трудолюбие и хозяйственность, ответственность за собственное дело. В отчетном году старшие воспитанники (в случае надобности) исполняли обязанности

ночного сторожа по усадьбе колонии или в здании заведения (по надзору за спящими), оберегали их и сопровождали в отпуска (в Смоленск) неблагонадежных, готовили еду. Эти поручения вызывались не только необходимостью (в случае отсутствия соответствующих служащих), но и педагогическими соображениями: всякое доверие и уважение, оказанное питомцу, всегда положительно отражалось на их моральном развитии. Несовершеннолетние правонарушители понимали, что они могут оказать посильную помощь педагогическому персоналу колонии, сделать благое дело, что укрепляло их уверенность в себе и вселяло надежду на хорошую жизнь за пределами учреждения [121].

В отчете во Временный комитет по управлению делами и имуществом Смоленского общества исправительных колоний и приютов для несовершеннолетних указано, что с 1910 года в учреждении для несовершеннолетних правонарушителей было организовано преподавание военного строя и гимнастики. Не подлежало сомнению, что очень часто порочная склонность детей, доводившая их до совершения преступления, была обусловлена болезненными явлениями их организма, не получившего нормального физического воспитания. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что значительная часть воспитанников исправительной колонии в 1910 году принадлежала городскому элементу. Вполне понятно, что условия жизни детей в городе, работавших во всевозможных мастерских, состоявших в услужении или нищенствовавших, не могли не повлиять пагубным образом на их здоровье. Поэтому одной из наиболее значимых задач в заведении являлось укрепление организма питомцев и содействие их правильному физическому развитию.

Как указано в архивных источниках, военная гимнастика наилучшим образом содействовала реализации данных задач, так как укрепляла мышцы всего тела, приучала к правильному дыханию, нормальной осанке. Также обучению военному строю более всех других видов физических упражнений интересовало подростков, которые по своим личностным характеристикам

были склонны увлекаться военным бытом. Эта черта детского характера делала преподавание строевой службы могучим средством воспитания в мальчиках чувства долга и приучала к дисциплине. Отмечается, что редко в какой другой области отрицательные последствия непослушания и малой степени старания были так очевидны для самого питомца как при строевом учении. Недостаточное внимание или шалость одного отражались на эффективности выполнения определенного упражнения всеми воспитанниками, что заставляло первого почувствовать вину перед товарищами, так как вследствие особенностей подросткового возраста питомцы колонии всегда ревностно относились к общим успехам в строевом учении.

Такая нравственная ответственность перед сверстниками (которая являлась более значимой для детей, чем строгие взыскания со стороны педагогического персонала колонии) развивала у несовершеннолетних правонарушителей осознание важности общих интересов, необходимости следовать общим правилам и указаниям учителя, как бы ни противились этому их внутренние побуждения.

Незаметно влияя на душевный мир подростков в плане воспитания в них привычки к порядку и сдержанности, изучение военного строя порождало среди мальчиков здоровое чувство соревнования, что можно было, без сомнения, считать скорым залогом исправления.

При организации данного направления воспитательной работы педагогический персонал колонии руководствовался также тем, что обучение данной деятельности в детстве давалось несравненно легче, чем в зрелом возрасте, когда человек уже сформировался физически, а изменение усвоенной им привычки неправильно держаться и двигаться, естественно, требовало больших энергетических затрат. Отмечается, что при существующей в Российской империи воинской повинности почти все воспитанники исправительного заведения должны были с достижением совершеннолетия вступить в ряды армии. Поэтому чем лучше они

готовились к строевой службе в детстве, тем легче для них было выполнение данной обязанности.

Т.о., педагогическим персоналом Сторожищенской колонии был сделан вывод, что если бы питомцы данного заведения не были во время своего пребывания в нем ознакомлены с этой отраслью, то они не только бы понизили качество тех войсковых частей, в которые были зачислены, но и под давлением осознания собственной отсталости от окружавших их военнослужащих и рождавшегося на почве этого чувства отчаяния, зависти и злобы могли вновь предаться порочной жизни. По этой причине военной подготовке воспитанников в колонии-приюте придавалось особое значение [121].

Говоря о результатах воспитания в Смоленской колонии, стоит отметить, что рецидив преступности среди бывших воспитанников данного заведения занимал среднее место (14%), тогда как в других учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей – 21% (согласно статистике Главного тюремного управления). Данное процентное соотношение свидетельствует об эффективности применяемых в отношении питомцев мер педагогического воздействия (несмотря на довольно невысокий процент повторных преступлений) [113].

По отношению к воспитанникам колонии единственно действенным воспитательным средством (исправительного характера) считалась внутренняя тесная связь между питомцами и преподавателями (воспитателями), захватывавшая все сферы духовной жизни несовершеннолетнего и дававшая, таким образом, его жизни «известное направление» [139, Л. 97]. Поэтому поведение мальчиков рассматривалось не иначе, как проявление их духовного мира, являвшегося продуктом взаимодействия всех условий, в которых воспитывались питомцы.

С течением времени среди несовершеннолетних устанавливалось сознательное отношение к вопросу о своем образовании, которое понималось ими, главным образом, как самообразование, основанное на принципе

самодеятельности и инициативности. Поэтому обычные школьные приемы для поддержания нравственности на приемлемом уровне в колонии не применялись. Деятельность воспитателей сводилась к нравственному уходу за учениками, а не к формальному учету их поступков. Этот подход требовал учета индивидуально-личностных особенностей несовершеннолетних правонарушителей, что заставляло педагогов тщательно изучать особенности питомцев и, несомненно, усложняло их работу. Но стоит заметить, что обозначенный стиль взаимодействия был важен для перевоспитания детей, преступивших закон.

В данном учреждении особое внимание уделялось духовно-нравственному воспитанию. Рядом со Сторожищенской колонией находился храм. Ученики посещали его каждый праздник, причем принимали участие в пении и частично в чтении. Во внеклассное время с ребятами велись религиозные беседы. Обозначенный вид работы эффективно воздействовал на личность несовершеннолетних, формируя их нравственную и духовную составляющую, давая знания о Боге и смысле человеческой жизни. Стоит отметить, что «религиозное воспитание в колонии не носило насильственного характера, а наоборот, непринужденно и тонко посвящало воспитанников в вопросы веры» [110, Л. 169].

Общее состояние нравственности питомцев воспитателями оценивалось как удовлетворительное. Главной мерой воздействия было не наказание, а личное влияние преподавателя. В воспитательных целях в свободное время ребята занимались беседами, чтением книг (иногда с рассматриванием и обсуждением картинок). Во время рождественских праздников они устраивали литературно-музыкальные вечера. Данная мера педагогического воздействия была полезна для несовершеннолетних, так как позволяла им, во-первых, проявить свои творческие способности, и, во-вторых, показывала педагогов не только как людей, следующих строгим требованиям в целях исправления контингента колонии, но и способных дать детям шанс проявить себя, развлечься и отдохнуть от повседневности.

Воспитание в колонии (помимо укрепления в учащих религиозного чувства, любви к родине и общих нравственных начал) ставило ближайшей задачей развитие в питомцах качеств, необходимых им в предстоящей деятельности на сельскохозяйственном поприще, а именно: любовь к природе, привязанность к сельской жизни и соответствующей обстановке, уважение к сельскохозяйственному труду во всех его видах и стремление использовать приобретенные в школе познания в целях улучшения жизни земледельческого населения.

Для обеспечения поставленной цели педагогический персонал колонии вырабатывал подробные правила внутреннего распорядка жизни в учреждении, включая обязанности несовершеннолетних, поведение во время выполнения определенного вида работ, взыскание за проступки и другие воспитательные меры. Как указано выше, личностные отношения в Сторожищенской колонии-приюте были лишены излишней муштровки, но все же дисциплина являлось важной составляющей для поддержания общей благоприятной атмосферы в заведении. Питомцы понимали, что имели определенный набор обязанностей, но они кардинально не превышали их возможностей и не унижали человеческое достоинство [111].

Необходимо отметить, что главной и постоянной задачей колонии-приюта в отношении воспитанников являлось их физическое и нравственное оздоровление. Первое достигалось достаточным питанием и санитарным уходом, а второе – духовным воздействием педагогического персонала, обучением и работой в мастерских и по хозяйству.

Для развития самостоятельности и чувства собственности как надежного оплота нравственного возрождения и в целях большей специализации в изучаемых отраслях сельского хозяйства воспитанникам давалась возможность иметь в колонии собственные улья с пчелами, небольшие деревья и грядки. Вся поручения по уходу за домом и разные сельскохозяйственные работы выполнялись воспитанниками с целью приучения их к условиям трудовой жизни.

Режим колонии, не подавляя личность какими-либо репрессиями, развивая и поощряя естественную склонность к добру и труду, постепенно подчинял воспитанников той внутренней дисциплине, которая выражалась в осознании чувства долга. Освещали это понятие надлежащим образом педагоги посредством преподавания Закона Божьего, отечествоведения и других предметов начального образования, а также правильным подбором книг и их чтением [108].

Стоит подчеркнуть, что в Сторожищенской колонии-приюте главной особенностью воспитания была опора на положительные стороны несовершеннолетних правонарушителей. Понятия о том, что ребенку-правонарушителю не присущи хорошие черты, не существовало. Педагоги стремились найти в питомцах положительные качества и в случае их примерного поведения и особого старания при выполнении указанных поручений применяли следующие меры поощрительного характера:

а) отпуск воспитанников (за исключением подследственных и подсудимых) к родным на несколько часов, а при дальнем расстоянии на несколько дней; прогулки и посылки с поручениями;

б) назначение на ответственные работы по хозяйству и выражение доверия;

в) одобрение в присутствии всех воспитанников;

г) досрочное освобождение из колонии или содействие поступлению в какое-нибудь учебное или ремесленное заведение [144, Л. 260].

В случае совершения дурных поступков и нарушения установленных в колонии норм и правил использовались меры наказания:

а) выговор наедине;

б) выговор в присутствии всех воспитанников;

в) лишение отпусков и доверия;

г) временное удаление в особое помещение при более бдительном надзоре (до изменения поведения к лучшему, с сохранением права работать и получать пищу);

- д) помещение в светлый карцер с ограничением в пище до трех дней;
- е) отдача воспитанников, в исключительных случаях, в правительственный приют для трудно исправимых [Там же, Л. 260].

Стоит обратить внимание на то, что физического воздействия на питомцев не оказывалось, их не унижали. Наоборот, стремились объяснить, что совершенный поступок является плохим и, самое важное, почему он таков, к каким последствиям для общества и самого провинившегося воспитанника может привести.

В 1912 году в колонии стала актуальной проблема побега несовершеннолетних. Данное явление объяснялось следующими причинами:

- а) значительным ухудшением состава воспитанников вследствие преобладания в нем городского и фабричного элементов над деревенскими (на 1 июля указанного года из 36 человек: городских – 28, деревенских – 8), а также по причине появления новичков (из 36 человек за 1912 год прибыло 20 воспитанников);

- б) определением в колонию лиц, отбывших уже тюремное наказание (иногда более одного раза). На период 1912 года таковых в колонии насчитывалось три человека;

- в) невозможностью разделить воспитанников на семьи, как это практиковалось в других исправительных заведениях, или, по крайней мере, разобщить на некоторое время особенно вредные элементы, иногда тесно связанные своим прошлым;

- г) необходимостью по экономическим соображениям исполнения воспитанниками разнообразных работ по садоводству, огородничеству, пчеловодству и в некоторых случаях разбросанным по нескольким местам, откуда несовершеннолетние могли сбежать даже при самом бдительном надзоре (так как колония находилась среди густого сада, что затрудняло контроль, но в то же время облегчало возможность побега);

- д) безусловным переутомлением воспитанников часто непосильными для них работами по хозяйству (иногда при отсутствии соответствующего

питания, крайне ограниченных средствах развлечения и совершенному отсутствию каких-нибудь поощрений материального характера).

В целях разрешения данной проблемы из действенных мер воздействия, по мнению Педагогического совета колонии, применялись следующие:

- 1) разделение воспитанников на семьи;
- 2) занятия и работа питомцев с учетом их физических и умственных сил;
- 3) улучшение питания и одежды;
- 4) подбор соответствующего персонала и преподавателя ремесел (вместо мастера-учителя с профессиональным образованием);
- 5) возможность развлечений и особенно образовательных экскурсий;
- б) освобождение воспитанников от всех работ и занятий служебного характера: уборка помещений, сена и т.д. Эти работы не только давали возможность некоторым воспитанникам совершить побег, но всегда понижали дисциплину, приводили к переутомлению слабых и неприспособленных к физической работе несовершеннолетних, среди которых преобладал городской элемент [107].

Данная информация свидетельствует о том, что педагогический персонал обращал внимание на потребности и нужды питомцев и несмотря на тяжелую социально-экономическую обстановку того времени стремился улучшить условия их жизни, что свидетельствует о гуманном отношении к несовершеннолетним правонарушителям и уважении их человеческого достоинства.

В отчете в Комитет по управлению делами и имуществом Смоленского общества колонии для несовершеннолетних за 1913 год, обнаруженном в ГАСО, указано, что среди воспитанников Смоленской колонии, как и в других воспитательно-исправительных заведениях, всегда был процент особенно неустойчивых, которые с трудом воздерживались от порочной

жизни на момент пребывания в колонии, но как только выходили за ее пределы, то снова вставали на прежний путь.

Однако в 1913 году в колонии появилась возможность устроить несколько бывших выпускников на соответствующую должность, а именно на строящуюся на тот момент Амурскую железную дорогу, «где простому неграмотному чернорабочему платили около двух рублей каждый день и где, что самое важное, рабочего строго оберегали от пьянства» [120, Л. 52].

Одной из воспитательных особенностей в Сторожищенской исправительной колонии являлась направленность педагогической деятельности персонала на развитие личности питомцев. «Когда стало достаточно ясно, что общий порядок, созданный школой и регулярным, размеренным трудом в имении, прекрасно обеспечивая «управление» массой и общим настроением, не дает возможности достичь полного развития личности питомцев, которым наиболее необходим ремесленный труд, как развивающая в умственном и нравственном отношении мера, тогда все воспитанники были разделены на группы (на основании предполагающей склонности к тому или иному виду труда)» [131, Л. 35].

Таким образом, обозначились следующие группы питомцев: школьная, земледельческая, ремесленная и группа «трудновоспитуемых».

Каждая из них имела отдельного воспитателя, который акцентировал свое внимание на воспитанниках данной группы, непосредственно взаимодействуя с ними, но не прерывая в то же время общей связи с другими питомцами. Деление на группы позволяло более индивидуализировать воспитательные меры и дать доступное образование и практическую подготовку для каждого в отдельности.

С.С. Павловский, директор Смоленской колонии для детей-преступников, считал, что «можно различным образом понимать как методы воспитания, так и его сущность, но отрицать необходимость воспитания как гарантии исправления – значит, отрицать необходимость данного учреждения» [119, Л. 202].

Стоит отметить, что вся воспитательная система колонии опиралась, главным образом, на два главнейших фактора: внутреннее влияние и самодеятельность. Первое понималось как стимул к возможному самосовершенствованию, исходивший от воспитательного персонала и социальной среды. Второе – единственное средство закрепить желательные модели поведения и благоприятное настроение. Оно принадлежало самому воспитаннику и лишь непринужденно развивалось и направлялось со стороны старших.

Таким образом, было особенно важно, чтобы питомец находился известное время под морализующим влиянием воспитательного начала, но еще более значимым являлось то, чтобы он имел достаточную возможность под руководством и контролем старших проявлять себя, применяя в реальной жизни все те нравственные уроки и теоретические указания, которые получал от педагогического персонала колонии. «Без этого «практического применения нравственности» всякое воспитательное воздействие будет таким же бесполезным, ни к чему не обязывающим детей, каким являются для взрослых «догмы чужой религии или несимпатичной философии», - отмечалось педагогами Сторожищенской исправительной колонии-приюта [123, Л. 46].

Данное учреждение для несовершеннолетних правонарушителей при отсутствии принятых в других аналогичных заведениях «мер поощрения к хорошему поведению» в ряде случаев награждало воспитанников нематериальными вещами, используя часть прибыли мастерских или хозяйств [131].

Это было единственное средство для поддержания задач воспитания и обучения сельскому хозяйству, а также укрепления тесной нравственной связи между педагогами и питомцами на почве взаимного доверия и общей заботы о возможном удовлетворении надобностей учреждения. Данная взаимосвязь всегда принимала особо прочную и желательную форму, когда

закреплялась в сознании ребят и делала заметный вклад в общее дело и приносила пользу.

В Сторожищенской исправительной колонии обращалось особое внимание на развитие самостоятельности и инициативы, соединенной с чувством нравственной ответственности воспитанника не только за себя, но и за другого. Поэтому несовершеннолетним правонарушителям давались различные ответственные задания по хозяйству, их отправляли в город и поручали надзор за младшими товарищами. Но эти меры (вызываемые также и экономическими причинами) имели в высшей степени благотворное влияние при индивидуальном подходе и с соблюдением известной осторожности и последовательности, поэтому не применялись на всю массу воспитанников [108]. Лишь немногие питомцы пользовались полным доверием с первого года поступления в колонию. Большинство из них заслуживали его кропотливым трудом и хорошим поведением. На этом была основана тенденция задерживать питомцев в заведении более года.

Сторожищенская колония для несовершеннолетних по уставу и на основании соединения с сельскохозяйственной школой являлась исключительно земледельческой, а не ремесленной колонией. Это объяснялось тем, что большинство воспитанников действительно обучались таким отраслям, как садоводство, огородничество, пчеловодство, так как обучение сельскому хозяйству (теоретически и практически) являлось недоступным ученикам такого уровня развития. Чтобы питомцы проходили с некоторым успехом какую-либо отрасль сельского хозяйства, было необходимо более года. Те же соображения относились и к обучению грамоте. Это являлось вторым основанием к недопустимости досрочного освобождения. Если бы несовершеннолетним, воспитывавшимся в колонии, в первое время пребывания в ней приходилось слышать от товарищей, что за хорошее поведение выпускают раньше срока (т.е. до 18 лет), то все отношения обитателей колонии, не исключая и самой администрации, стали бы настолько внешними, фальшивыми и лицемерными, что воспитательное

заведение скоро превратилось бы в краткосрочную и привилегированную тюрьму для несовершеннолетних. Причем каждый считал бы себя достойным освобождения, предъявляя различные основания для этого. Тогда могла возникнуть необходимость освободить большую половину питомцев, что повлекло бы негативные последствия на отдельную личность и на оставшихся в заведении.

Одну из труднейших задач воспитания составляло именно изучение личности несовершеннолетних правонарушителей. Часто педагог затруднялся объяснить причину того или иного проступка питомцев. Чтобы определить ее, необходимо было понять их личностные особенности, пояснить ребятам на примере то, к чему могло привести подобное поведение. Иногда даже и сам воспитанник сознавал, как опасно для него такое направление характера (особенно когда какой-нибудь конкретный случай убеждает его в этом). Но педагогический персонал колонии утверждал, что для формирования осознанности было необходимо определенное время. Это являлось третьим основанием ставить питомца в положение «обывателя», а «не содержащегося по судебному приговору».

«Педагогическая и пенитенциарная» литература и многолетний опыт колонии убеждали, что в воспитательном деле «одна ласточка еще не делает весны», т.е. когда субъект, живя в колонии и взаимодействуя с педагогами, не ворует, не мошенничает, то это еще не успокаивало бдительность воспитателя: под влиянием среды важную роль играли стадность, имитация. Это четвертое основание, основываясь на котором, педагоги Сторожищенской колонии-приюта не считали всех «удобных» воспитанников совершенно благонадежными и по этой причине не спешили их освобождать.

Были и другие основания удерживать питомцев в учреждении для несовершеннолетних правонарушителей – это обучение, которое не всем подопечным давалось довольно просто, но было необходимо в их самостоятельной жизни как залог успешной социализации.

Также одной из причин, по которой руководство учреждения не позволяло воспитанникам выйти из колонии в короткие сроки, – поддержание их здоровья. Известны случаи, когда питомцам колонии давалась возможность укреплять свое физическое благополучие в данном заведении, так как их домашние условия были губительны и нередко гибельны. Из архивных источников известно, что в заведении работал врач, следящий за состоянием здоровья несовершеннолетних. Стоит добавить, что педагогический персонал Сторожищенской колонии-приюта создавал все условия, чтобы ребята в свободное время могли находиться «на свежем воздухе, играть в подвижные игры, закаляться» [122, Л. 136].

Стоит отметить, что проблемы смоленской колонии (и вообще воспитательно-исправительных заведений Российской империи) обсуждались в рамках Съездов представителей русских исправительных заведений, ставших актуальными со второй половины XIX века. Так, на IV Съезде 28 августа 1895 года от Смоленской губернии выступал В.В. Азанчевский, представитель Смоленского Общества исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних (Приложение Л) [87, с. 47-49].

Таким образом, на основании полученной информации можно сформулировать принципы воспитательного воздействия на личность несовершеннолетних правонарушителей в Сторожищенской колонии-приюте:

1. Физическое и нравственное оздоровление, заключавшееся в постоянной заботе колонии по отношению к питомцу. Первое достигалось созданием правильного образа жизни воспитанников и врачебно-санитарным уходом врача. Второе реализовывалось хорошим воспитанием и положительным примером со стороны педагогического персонала учреждения. Нравственное оздоровление осуществлялось посредством морализующего воздействием работников колонии и социального

окружения, т.е. самих воспитанников, а также трудом и обучением в школе. Главной же основой воспитания была идея – заменить мальчику семью;

2. **Участливость:** педагоги путем внимательного обращения с несовершеннолетними правонарушителями устанавливали тесную связь с ними и создавали то благоприятное воздействие среды, которое уже само являлось активным фактором исправления. Во главе всего был труд, воспитательное и нравственное значение которого имело место лишь при условии последовательности, законченности и полезности. Также трудовое влияние на личность питомцев способствовало изменению сознания воспитанников и их отношению к себе как к личности;

3. **Индивидуализация:** основой воспитательной системы признавалось правильное распределение воспитанников по отделениям в зависимости от их возраста, физического, умственного и нравственного развития, сходства характеров и степени испорченности. По этой причине высока была значимость изучения характерологических особенностей несовершеннолетних, их жизненных установок и стиля взаимодействия с социальным окружением;

4. **Событийность:** воспитатели всегда занимали чем-либо полезным своих воспитанников в свободное от работы время, а также создавали интересный отдых, способствовавший их физическому оздоровлению и общему личностному развитию. В колонии было решено устроить гору и каток, а в качестве допустимых видов спорта завести лыжи;

5. **Творчество:** часто в стенах учреждения устраивались спектакли, привлекавшие в качестве действующих лиц питомцев. Это служило развитию самостоятельности, творческой активности и появлению заинтересованности к видам деятельности, далекой от преступных проявлений;

6. **Лидерство воспитателей:** педагогический персонал должен был состоять из оригинальных, гибких людей, одаренных тактом, критическим мышлением, терпением и обладавших сильной верой в высокие свойства

человеческой природы. Педагог, не веривший в будущее детей, не мог оказать на них положительное влияние. «Верой в возможность излечения больной души должны были проникаться все лица, взаимодействовавшие с детьми» [148, Л. 8]. Это осознание служило мощным символом для детей в их работе над собой. Всем служащим приюта необходимо было обладать такими нравственными качествами, как сдержанность, вежливость, добросовестность.

ВЫВОДЫ

1. Осуществление воспитательной деятельности в российских исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей во второй половине XIX–начале XX веков реализовывалось посредством нравственного воздействия, что обеспечивало несовершеннолетним правонарушителям законное будущее. В исправительных учреждениях практиковалась довольно четко организованная система воспитания, включавшая религиозно-нравственный, трудовой, умственный и физический компоненты. В совокупности педагоги стремились развить все стороны личности несовершеннолетних правонарушителей для их нормальной жизни в обществе. Безусловным преимуществом исправительных заведений являлось то, что они не только занимались нравственным исправлением воспитанников, но и уделяли особое внимание их профессиональному обучению. При них открывались различные сельскохозяйственные школы, ремесленные мастерские (в зависимости от типа исправительного учреждения). Для несовершеннолетних правонарушителей это являлось гарантией получить работу после выхода из заведений. Работа в соответствии с полученным профессиональным образованием позволяла жить законно, не прибегая к преступному пути.

2. Помимо колоний-приютов для несовершеннолетних правонарушителей и детей из бедных семей, нищих, бродяг в Российской империи создавались специальные учреждения воспитательного характера: детские приюты, женские учительские семинарии и рукодельные школы. Несмотря на то, что эти заведения не являлись напрямую исправительными, но они были необходимы для детей группы риска, так как давали последним кров, возможность учиться, работать. Это, без сомнения, давало несовершеннолетним шанс на нормальную жизнь без правонарушений. Таким образом, к началу XX века в Российской империи сложилась система превентивного воспитания несовершеннолетних правонарушителей. Отрабатывались наиболее эффективные педагогические технологии,

оптимальные формы взаимодействия всех прогрессивных сил общества, расценивающих решение проблемы предупреждения преступного поведения несовершеннолетних в качестве главной государственной задачи.

3. Проблема правонарушений несовершеннолетних была актуальна не только для крупных городов страны, но и для провинциальных губерний, где также требовалось создание исправительных учреждений для данной категории. На территории Смоленской губернии в 1894 году была открыта Сторожищенская исправительная колония-приют для несовершеннолетних правонарушителей мужского пола. Создание этого воспитательного по своим характеристикам заведения стало практической реализацией «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», принятого в 1866 году. Колония-приют была открыта под эгидой Смоленского общества исправительных колоний и приютов для несовершеннолетних. Целью данного учреждения являлось не только воспитание детей-преступников, которые были помещены в колонию-приют по приговору суда, но и призрение беспризорных и нищенствующих детей. Последние в силу жизненных обстоятельств являлись потенциальными правонарушителями, а их пребывание в Сторожищенской колонии-приюте снижало риски совершения преступлений.

4. Воспитательная деятельность Сторожищенской колонии-приюта была основана на Общем положении об исправительных приютах и земледельческих колониях для малолетних (1889 г.) и соответствовала Правилам об исправительных приютах (1866 г.). Кроме того, для данного заведения был разработан Устав, регламентировавший организацию педагогического процесса в учреждении. Система воспитания в колонии-приюте была основана на многостороннем развитии личности питомцев (как и в других воспитательно-исправительных учреждениях Российской империи). В практику педагогов было введено, в первую очередь, нравственное воздействие на несовершеннолетних правонарушителей. Оно осуществлялось, преимущественно, посредством личного примера педагогов

и внимательного доброго отношения к подопечным. Кроме того, справедливые поощрения и наказания являлись важной составляющей в перевоспитании детей. Физическое воспитание несовершеннолетних правонарушителей также являлось одной из первостепенных задач педагогов. В целях укрепления здоровья подопечных в колонии была организована военная гимнастика, приучавшая воспитанников к дисциплинированности, ответственности, закалявшая их характер и развивавшая в них мужество.

5. Воспитательная составляющая четко прослеживалась в организованном персоналом Сторожищенской колонии трудовом и умственном воспитании питомцев. При этом, элементарное образование являлось одним из эффективных средств исправления и обеспечивало умственное развитие воспитанников. В его организации отмечались положительные тенденции: стимулирование и поощрение достижений и успехов в учебной деятельности, использование передовых форм и методов воспитания, изучение учебных предметов в активной деятельности и связи с жизнью. Для обогащения воспитанников элементарными знаниями и привития им навыков по ведению сельского хозяйства при учреждении были открыты три сельскохозяйственные школы: Сторожищенская сельскохозяйственная школа 1-го разряда, Сторожищенская сельскохозяйственная низшая школа 1-го разряда, Сторожищенская практическая школа садоводства, огородничества и пчеловодства. Квалифицированные педагоги занимались подготовкой умелых работников в различных сферах сельского хозяйства посредством практического выполнения учащимися определенных работ по следующим отраслям: садоводству, огородничеству и пчеловодству. По окончании полного курса школы у питомцев была возможность получить хорошую работу, соответствовавшую их профессиональному уровню. Многие из воспитанников оставались работать в имениях, где когда-то проходили так называемую практику и смогли зарекомендовать себя с лучшей стороны.

6. Важной составляющей при осуществлении воспитательной деятельности являлась применяемая в колонии-приюте система патроната. Она заключалась в том, что, выходя из учреждения, питомец некоторое время не терял с ним связь. Педагоги внимательно относились к тому, куда отправится бывший воспитанник после освобождения. Самым главным в этой ситуации было не допустить его возвращения в прежнюю социальную среду, из которой он когда-то был вырван и отправлен в детскую колонию. Если по определенным причинам ребенок не мог сразу найти подходящую работу, у него не было благонадежных родственников, то бывшему воспитаннику разрешалось еще некоторое время остаться в заведении. Но в этом случае он уже не являлся человеком, отбывающим наказание, а работал на благо учреждения.

7. Воспитательная деятельность в Сторожищенской колонии-приюте осуществлялась опытными педагогами. Отношения между персоналом Сторожищенской колонии-приюта и воспитанниками был основан на взаимном доверии и уважении. Но, чтобы добиться таких ровных отношений, педагоги должны были понять каждого ребенка, найти к нему индивидуальный подход, проникнуться его проблемами. В этом и заключалось истинное воспитание.

8. Своими результатами и успехами Сторожищенская исправительная колония-приют, как и другие учреждения Российской империи данного типа, были обязаны педагогам, многие из которых были настоящими новаторами и подвижниками этого большого и важного, необходимого дела. Они показывали примеры творческого подхода к делу организации, деятельности учреждения для несовершеннолетних, работали над развитием правовых, организационных и педагогических основ деятельности колонии, искали наиболее эффективные формы и методы практической деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Процесс организации гуманной воспитательной деятельности в отношении несовершеннолетних правонарушителей в российских исправительных учреждениях во второй половине XIX – начале XX веков имел весомые социально-педагогические основания и был обусловлен масштабными социальными трансформациями российского общества в социальной, экономической, политической, культурной сферах. Отмена крепостного права, преимущественно ориентированная на освобождение широких слоев населения от крепостной зависимости, повлекла за собой обнищание крестьян. Эта ситуация привела к разложению крестьянской общины, падению моральных нравов и, как следствие, резкому увеличению детской преступности. Несовершеннолетние в тот период оказались той категорией населения, которая тяжелее других приспособилась к резко меняющимся условиям. По этой причине проблема преступности несовершеннолетних приобрела огромные масштабы и требовала скорейшего решения.

2. Со второй половины XIX века в практику исправительных учреждений активно внедрялись подходы: социологический, правовой, культурно-антропологический, которые становились теоретической основой воспитательной деятельности с несовершеннолетними правонарушителями. Изучение опыта отечественных ученых (А.М. Богдановского, М.Н. Гернета, Д.А. Дриля, А.И. Емельянова, А.И. Зака, А.Ф. Кистяковского, Н.Н. Маковского, Н.А. Окунева, С.С. Остроумова, С.В. Познышева, Н.С. Таганцева, Д.Г. Тальберга, Е.Н. Тарновского, П.Н. Тарновской) позволяло педагогам эффективно организовывать воспитательную деятельность в российских исправительных учреждениях с опорой на ее гуманизацию.

3. Во второй половине XIX века начался новый этап развития уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей – стало разрабатываться правовое обеспечение организации воспитательной

деятельности в российских исправительных учреждениях. Однако, до середины 60-х годов XIX века законодательно эта категория несовершеннолетних отбывала наказание в тюрьмах для взрослых преступников. Ученые-практики того периода – Н.С. Таганцев, А.Ф. Кистяковский указывали на невозможность отбывания несовершеннолетними правонарушителями наказания в тюрьмах совместно с взрослыми преступниками и подчеркивали необходимость исправительного воспитания в специальных детских учреждениях. Лишь в 1866 году принятие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных ознаменовало новую веху в исправлении и воспитании несовершеннолетних правонарушителей в предназначенных для этого исправительных учреждениях. Данное событие способствовало смене парадигм: с карательного наказания на гуманное исправление. Кроме того, законодательство второй половины XIX века в отношении несовершеннолетних правонарушителей было направлено именно на их нравственное воспитание и ограждение от негативного влияния карательного правосудия, что подчеркивалось в нормативно-правовых документах того периода. Это в своих работах отмечали ученые А.Я. Берман, Д.И. Будаев, Д.А. Дриль, М.И. Гернет, Н.А. Окунев, Э. Ферри и др.

4. Открытие исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей стало ответом на один из серьезных вызовов, возникших в российском обществе со второй половины XIX века, - преступность несовершеннолетних. Важной особенностью подобных учреждений являлось то, что в них содержались не только несовершеннолетние правонарушители, но и несовершеннолетние, находившиеся в группе риска (бродяги, сироты). Последние были потенциальными правонарушителями, ведь тяжелые условия жизни непременно привели бы их к нарушению закона. Помещение в исправительные учреждения таких несовершеннолетних защищало их от реальных преступлений.

5. Организация воспитательной деятельности в российских исправительных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей

во второй половине XIX – начале XX веков была основана на идее гуманного отношения к ребенку, преступившему закон. В исправительных учреждениях на несовершеннолетних правонарушителей оказывалось комплексное воздействие в целях их многостороннего развития посредством умственного, трудового, нравственного, физического воспитания. Эти системообразующие компоненты воспитательной деятельности позволяли решать следующие проблемы несовершеннолетних правонарушителей: повышение уровня интеллектуального развития несовершеннолетних правонарушителей посредством обучения (умственное воспитание), формирование трудовых навыков посредством открытия сельскохозяйственных школ (трудовое воспитание), развитие нравственности, исключение негативных моральных установок, ориентация на духовные ценности (нравственное воспитание), ликвидация физического недоразвития (физическое воспитание). В Российской империи создавались также и другие заведения, которые не являлись напрямую исправительными. В них воспитанники могли не только получить образование, но и заниматься трудовой деятельностью, что, безусловно, являлось фактором, предупреждавшим повторные правонарушения. Данные меры свидетельствовали о многовекторности государственной политики в отношении несовершеннолетних правонарушителей и потенциальных детей-преступников из группы риска.

6. В Смоленской губернии в конце XIX века сложилась педагогическая практика исправительного воспитания, включавшая индивидуальный подход, единство педагогических требований, опору на положительные качества личности, педагогический оптимизм, вовлечение детей в самовоспитание, их самостоятельность. Учреждение для несовершеннолетних правонарушителей было открыто в губернии в 1894 году. Сторожищенская исправительная колония-приют предназначалась для исправления и воспитания детей мужского пола. В ней оказывалось комплексное воздействие на несовершеннолетних (Рисунок 3). Практикой исправительного заведения были выработаны и апробированы основные средства воспитания

несовершеннолетних правонарушителей, где первостепенное значение придавалось нравственному воспитанию детей. Необходимо подчеркнуть, что воспитание, основанное на гуманном и уважительном отношении к несовершеннолетним правонарушителям, давало положительные результаты. Из учреждения выходили социализированные личности со здоровыми моральными установками. Важным показателем являлось то, что рецидивы случались довольно редко, что также указывает на эффективность в Сторожищенской исправительной колонии-приюте воспитательных мер.

Рисунок 3 – Организация воспитательной деятельности в российских колониях-приютах для несовершеннолетних правонарушителей во второй половине XIX - начале XX веков (на примере Смоленской губернии)

7. Выполненное исследование не исчерпало всех возможностей заявленной проблематики. Среди перспективных линий определим следующие возможные направления научного поиска: сравнительно-сопоставительный анализ организации воспитательной деятельности в российских колониях-приютах для несовершеннолетних правонарушителей во второй половине XIX - начале XX веков и в воспитательных колониях России в настоящее время; сравнительно-сопоставительный анализ российского и зарубежного опыта воспитания несовершеннолетних правонарушителей в условиях современных специальных учреждений; комплексная характеристика воспитания несовершеннолетних правонарушителей в условиях современных специальных учреждений России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Литература

1. Авторские школы Петербурга: исторические основания и современное понимание [Текст] / под ред. А. Н. Шевелева. – СПб.: СПб АППО, 2020. – 260 с.
2. Александровский, Ю. А. Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних [Текст] / Ю. А. Александровский. – СПб.: ред. «Новое законодательство», 1909. – 112 с.
3. Беляева, Л. И. Правовые, организационные и педагогические основы деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX – начало XX в.) [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Л. И. Беляева. – М., 1995. – 539 с.
4. Беляева, Л. И. Становление и развитие исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX – начало XX вв.) [Текст] / Л. И. Беляева. – М.: Академия МВД России, 1995. – 100 с.
5. Белянкова, Е. И. Становление и развитие системы специальной педагогической профилактики преступности несовершеннолетних в России: вторая половина XIX - 30-е годы XX века [Текст]: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Е. И. Белянкова. – Тула, 2010. – 161 с.
6. Берман, Я. А. Пьянство и преступность (по данным свода статистических сведений по делам уголовным за 1906-1910 год) [Текст] / Я. А. Берман. – Петроград: типография товарищества «Общественная польза», 1914. – 45 с.
7. Богдановский, А. М. Молодые преступники. Вопрос уголовного права и уголовной политики [Текст] / А. М. Богдановский. – СПб.: Тип. А. Моригеровского, 1871. – 301 с.
8. Богуславский, М. В. Реформы российского образования XIX-XX вв. как глобальный проект [Текст] / М. В. Богуславский // Вопросы образования. – 2006. – №3. – С. 5-21.

9. Богуславский, М. В. Преемственность и новаторство в развитии основных направлений отечественной педагогической науки (конец XIX-XX вв.) [Текст]: монография / М.В. Богуславский. – М.: ИТИП РАО, Издательский центр ИЭТ, 2012. – 500 с.
10. Богуславский, М. В. Развитие российской школы на рубеже XIX – XX столетий: методология и теория [Текст]: монография / М. В. Богуславский. – Тверь, 2004. – 96 с.
11. Богуславский, М.В. Очерки истории отечественного образования XIX—XX веков [Текст]: монография / М.В. Богуславский. – М.: Изд-во Московского Культурологического лицея, 2002. – 96 с.
12. Богуславский, М.В. Развитие российской школы на рубеже XIX—XX столетий: методология и теория [Текст]: монография / М.В. Богуславский. – Тверь: ЦНИИССУЗ, 2004. – 96 с.
13. Будаев, Д. И. Крестьянская реформа 1861 года в Смоленской губернии (к вопросу о реализации «Положений 19 февраля») [Текст] / Д. И. Будаев. – Смоленск: Московский рабочий, 1967. – 294 с.
14. Гербеев, Ю. В. Исправительные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей: (Историко-педагогическое исследование) [Текст]: дис. ... д-ра пед. наук: 730 / Ю. В. Гербеев. – М., 1968. – 784 с.
15. Гернет, М. Н. Общественные причины преступности. Социалистическое направление в науке уголовного права [Текст] / М. Н. Гернет. – М.: Издание С. Скимунт, 1906. – 210 с.
16. Гернет, М. Н. Социальные факторы преступности [Текст] / М. Н. Гернет. – М.: Универсальная типография, 1905. – 203 с.
17. Гомозов, Н. М. Государственно-правовые меры борьбы с преступностью несовершеннолетних в России второй половины XIX – начала XX века [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Н. М. Гомозов. – Нижний Новгород, 2012. – 184 с.

18. Горская, Н. И. Земство и перевоспитание несовершеннолетних правонарушителей [Текст] / Н. И. Горская // Известия Смоленского государственного университета. – 2017. – № 3 (39). – С. 209-219.
19. Данчевская, А. В. Уголовная преступность в Российской империи в конце XIX – начале XX в.: к вопросу об историографии проблемы (дооктябрьский период) [Текст] / А. В. Данчевская // Вестник Иркутского Государственного технического университета. – 2015. – № 5. – С. 376-381.
20. Дети-преступники [Текст] / под ред. М. Н. Гернета. – М.: В. И. Знаменский и К°, 1912. – 550 с.
21. Деятельность воспитательных колоний [Электронный ресурс] // Федеральная служба исполнения наказаний. URL : <https://fsin.gov.ru/structure/social/vosp%20kolonii/> (дата обращения: 07.12.2021).
22. Джордж, Г. Преступность бедности [Текст] / Г. Джордж. – М.: Посредник, 1906. – 48 с.
23. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание [Текст] / Ф. М. Достоевский. – М.: Эксмо, 2021. – 672 с.
24. Дриль, Д. А. О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних [Текст] / Д. А. Дриль. – СПб.: Сенатская типография, 1908. – 19 с.
25. Дриль, Д. А. Преступность и преступники (уголовно-психологические этюды) [Текст] / Д. А. Дриль. – СПб.: Издание Я. Канторовича, 1895. – 295 с.
26. Дриль, Д. А. Учение о преступности и мерах борьбы с нею [Текст] / Д. А. Дриль. – СПб.: Шиповник, 1912. – 568 с.
27. Дубоносова, А. Э. Развитие идей предупреждения правонарушений несовершеннолетних в правовой мысли России: XIX - начало XX вв. [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А. Э. Дубоносова. – М., 2008. – 198 с.

28. Думов, А. С. Проблема преодоления отклоняющегося поведения несовершеннолетних в педагогике России: вторая половина XIX - первая треть XX века [Текст]: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / А. С. Думов. – Волгоград, 2013. – 149 с.

29. Емельянов, А. И. Преступность несовершеннолетних по мировым участкам г. Москвы. Сборник статей с 15 фотографиями и с приложением библиографических указателей [Текст] / А. И. Емельянов. – М.: Книгоиздательство «В.И. Знаменский и Ко», 1912. – 121-234 с.

30. Ермолаева, С. А. Становление и развитие методологических подходов к исследованию проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних в России: конец XIX - начало XXI века [Текст]: дис. ... док. пед. наук: 13.00.01 / С. А. Ермолаева. – Коломна, 2008. – 392 с.

31. Завражин, С. А. Социально-педагогические основы предупреждения отклоняющегося поведения несовершеннолетних в России, вторая половина XIX - первая треть XX вв. [Текст]: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / С. А. Завражин. – М., 1996. – 364 с.

32. Зак, А. И. Характеристика детской преступности [Текст] / А. И. Зак. – М.: Книгоиздательство «В. И. Знаменский и Ко», 1912. – 79-120 с.

33. Законы о детях. Сборник постановлений действующего законодательства, относящихся до малолетних и несовершеннолетних с приложением Свода разъяснений по кассационным решениям Сената [Текст] / сост. Я. А. Канторович. – СПб.: Я. А. Канторович, 1899. – 330 с.

34. Земледельческие колонии и ремесленные приюты как воспитательные заведения для несовершеннолетних преступников и бедных детей [Текст] / под ред. Петербургского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов. – СПб: Комитет Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов, 1870. – 30 с.

35. Кириллова, Т.В. Значение пенитенциарного педагогического наследия в воспитании несовершеннолетних осужденных [Текст] / Т.В.

Кириллова // Петербургские пенитенциарные конференции: материалы конференций. В 4-х томах. – Санкт-Петербург. – 2021. – С. 23-27.

36. Кириллова, Т.В. К вопросу о закономерностях воспитательного процесса в исправительных учреждениях [Текст] / Т.В. Кириллова // Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы ее развития: сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции. – Рязань. – 2020. – С. 211-214.

37. Кириллова, Т.В. Научные исследования по истории организации воспитательной работы с осужденными как условие повышения ее эффективности [Текст] / Т.В. Кириллова // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы России: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. – ФКУ НИИ ФСИН России, ФКУ ЦОУВР ФСИН России. – 2021. – С. 91-95.

38. Кириллова, Т.В. Отражение в отечественной педагогике и школе гуманистических идей дореволюционных философов [Текст] / Т.В. Кириллова // Духовные основы отношений человек-природа: материалы Всероссийской (Национальной) с международным участием научно-практической конференции. – 2020. – С. 323-328.

39. Кириллова, Т.В. Роль пенитенциарного педагогического наследия в организации защиты прав несовершеннолетних осужденных [Текст] / Т.В. Кириллова // Правовое регулирование и организация защиты прав несовершеннолетних осужденных: сборник материалов круглого стола. – ФКУ НИИ ФСИН России. – 2021. – С. 80-84.

40. Кириллова, Т.В., Пашукова, А.Д. Историко-педагогические аспекты изучения проблем воспитательной работы с осужденными [Текст] / Т.В. Кириллова, А.Д. Пашукова // Вопросы педагогики. – 2020. – № 4. – С. 110-113.

41. Кистяковский, А. Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления. С обзором русских учреждений [Текст] / А. Ф.

Кистяковский. – Киев: Универсальная типография (И. И. Завадского), 1878. – 213 с.

42. Коротнев, А. Д. Малолетние и несовершеннолетние преступники. (Краткий историко-юридический очерк) [Текст] / А. Д. Коротнев. – СПб.: типография Санкт-Петербургского товарищества печати и издательского дела «Труд», 1903. – 115 с.

43. Красовский, Д. Ю. О малолетних и несовершеннолетних преступниках [Текст] / Д. Ю. Красовский. – Варшава: Губернаторская типография, 1898. – 47 с.

44. Красовский, М. И. Вопросы устройства русских исправительных заведений для несовершеннолетних [Текст] / М. И. Красовский. – Саратов: паровая скоропеч. Губернское правления, 1900. – 219 с.

45. Маковский, Н. Н. Социально-экономические факторы детской преступности в Москве [Текст] / Н. Н. Маковский. – М.: Книгоиздательство «В. И. Знаменский и Ко», 1912. – С. 235-263.

46. Михневич, В. О. Язвы Петербурга: Опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения [Текст] / В. О. Михневич. – СПб.: ООО «Издательство «Лимбус Пресс», 2003. – 779 с.

47. Мишина, Е. В. Правонарушения, совершаемые несовершеннолетними в дореволюционной России и государственно-правовая деятельность по их предупреждению и пресечению: Историко-правовой аспект [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Е. В. Мишина. – СПб., 2002. – 159 с.

48. Никонов, В. А. Крушение России 1917 [Текст] / В. А. Никонов. – М.: Издательство АСТ, 2016. – 698 с.

49. Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. [Текст] / Россия. Законы и постановления. – СПб: книжный магазин В. П. Анисимова, 1903. – 253 с.

50. Новый закон о малолетних и несовершеннолетних преступниках [Текст]. – М.: книжный магазин А.Ф. Скорова, 1897. – 16 с.
51. Ной, И. С. Методологические проблемы советской криминологии [Текст] / И. С. Ной. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1975 г. – 222 с.
52. Орлов, В. С. Отмена крепостного права в Смоленской губернии [Текст] / В. С. Орлов. – Смоленск: типография им. Смирнова, 1947. – 180 с.
53. Особый суд по делам малолетних. Отчет Санкт-Петербургского столичного мирового судьи за 1910 год [Текст] – СПб., 1911. 190 с.
54. Остроумов, С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России [Текст] / С. С. Остроумов. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 204 с.
55. Пенитенциарная криминология. Личность несовершеннолетнего осужденного [Текст] / под ред. О.В. Лещенко. – М.: издательство Юрайт, 2020. – 107 с.
56. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. [Текст] / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Издательство Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1897. – 42 с.
57. Познышев, С. В. Детская преступность и меры борьбы с нею [Текст] / С. В. Познышев. – М.: Московское общество борьбы с детской смертностью, 1911. – 103 с.
58. Полное собрание законов Российской империи. – СПб: типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1868, № 43949, с. 2, т. XLI, с. 352-353.
59. Пospelова, О. И. Характеристика основных средств воздействия на несовершеннолетних в исправительных заведениях России, вторая половина XIX - начало XX вв. [Текст]: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / О. И. Пospelова. – М., 1999. – 195 с.
60. Преступность несовершеннолетних [Текст] / под ред. А. В. Ростокинского. – М.: издательство Юрайт, 2020. – 275 с.

61. Принс, А. Преступность и репрессия: Уголовно-юридический очерк [Текст] / А. Принс. – М.: издание книжного магазина Гросман и Кнебель (И. Кнебель), 1898. – 210 с.
62. Приоритеты в образовании: ретроспективные аспекты и перспективные направления: коллективная монография / под ред. И. Д. Лельчицкого. – Тверь: изд-во ТвГУ. – 2018. – 186 с.
63. Птушкина, Е.С., Сенченков, Н.П. Формирование ценностных ориентаций участников сборов творческой молодежи Смоленской области [Текст] / Е. С. Птушкина, Н. П. Сенченков // Известия Смоленского государственного университета. – 2014. – №2 (26). – С. 391-400.
64. Сабина, Л. Х. Преступные дети и исправительные заведения [Текст] / Л. Х. Сабина. – Ровно: типография Меерсона, 1898. – 43 с.
65. Савенко, Ф. Г. Строение и жизнь исправительных колоний и приютов для малолетних преступников: книга руководящая для лиц, незнакомых с этими учреждениями [Текст] / Ф. Г. Савенко. – Одесса: типография Е. И. Фесенко, 1888. – 55 с.
66. Савинкин, Д. В. Трудовое воспитание несовершеннолетних правонарушителей в воспитательно-исправительных заведениях России: Середина XIX - начало XX вв. [Текст]: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Д. В. Савинкин. – Коломна, 2004. – 209 с.
67. Селянина, В. В. Социально-историческое развитие воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних в России: 1864-1917 годы [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. В. Селянина. – М., 2002. – 223 с.
68. Сенченков, Н. П. Наука о развивающемся ребенке [Текст]: монография / Н. П. Сенченков. – Смоленск: Издательство СмолГУ, 2021. – 256 с.
69. Сенченков, Н.П. Основные положения педологической типологии детей в конце XIX-начале XX веков [Текст] / Н. П. Сенченков // Сибирский педагогический журнал. – 2005. – №5. – С. 156-165.

70. Сенченков, Н.П. П.П. Блонский о работе с психологически недоразвитыми детьми [Текст] / Н. П. Сенченков // Известия Смоленского государственного университета. – 2017. – №4 (40). – С. 384-389.

71. Сенченков, Н.П., Кожемякина, Е.А. Организация работы Сторожищенской исправительной колонии-приюта Смоленской губернии в контексте идей И.Ф. Гербарта [Текст] / Н. П. Сенченков, Е.А. Кожемякина // Society, International, Education, Proceedings of the International Scientific Conference. – 2018. – №3. – С. 274-289.

72. Сергейцев, Т., Куликов, Д., Мостовой, П. Идеология русской государственности. Континент Россия [Текст] / Т. Сергейцева, Д. Куликов, П. Мостовой. – СПб.: Питер, 2020. – 688 с.

73. Сеченов, И. М. Рефлексы головного мозга [Текст] / И. М. Сеченов. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1942. – 148 с.

74. Синова, И. В. Дети трудящегося населения в городском российском социуме в 1861- 1914 гг.: проблемы девиантности и виктимизации (на материалах Санкт-Петербурга) [Текст]: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / И. В. Синова. – СПб, 2014. – 436 с.

75. Состояние преступности в России за январь-октябрь 2021 [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: file:///C:/Users/1/AppData/Local/Temp/Sb_2110.pdf (дата обращения: 07.12.2021).

76. Стерлягов, А.А. История развития хозяйства Смоленской области[Текст] / А.А. Стерлягов. – Смоленск: изд-во СмолГУ, 2008. – 448 с.

77. Судебный вестник. – 1874. – № 3. – 164 с.

78. Таганцев, Н. С. Исследование об ответственности малолетних преступников по русскому праву и проект законоположений об этом вопросе [Текст] / Н. С. Таганцев. – СПб.: Типография А. М. Котомина, 1871. – 146 с.

79. Таганцев, Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года [Текст] / Н. С. Таганцев. – СПб.: типография М. Стасюлевича, 1886. – 717 с.

80. Тальберг, Д. Г. Исправительные приюты и колонии в России [Текст] / Д. Г. Тальберг. – СПб.: типография В. С. Балашева, 1882. – 63 с.
81. Тарновская, П. Н. Новые работы по криминальной антропологии. Доклад 1 Секции Русского общества охранения народного здоровья 27 декабря 1891[Текст] / П. Н. Тарновская. – СПб.: Типография Дома призрения малолетних бедных, 1892. – 15 с.
82. Тарновский, Е. Н. Преступность малолетних и несовершеннолетних в России [Текст] / Е. Н. Тарновский. – СПб.: типография Правительствующего сената, 1899. – 44 с.
83. Теодорович, М. В. Дети-преступники и суды для них [Текст] / М. В. Теодорович. Варшава: типография Варшавского учебного округа, 1914. – 32 с.
84. Терзиев, Н. В. Профессиональное обучение питомцев воспитательно-исправительных заведений [Текст] / Н. В. Терзиев // Тюремный вестник. – 1916. – №6, 7. – С. 679-699.
85. Труды Седьмого съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних. М.: Постоян. бюро съездов, 1909. 314 с.
86. Труды Четвертого съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних. М., 1896. 422 с.
87. Тютрюмов, И. М. Земледельческие колонии и исправительные приюты для малолетних преступников [Текст] / И. М. Тютрюмов // Журнал Министерства юстиции. – 1896. – №3. – С. 21-66.
88. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 года № 1-ФЗ (ред. от 21 декабря 2021) [Электронный ресурс] // Президент России. – М., 1997. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/10458> (дата обращения: 28.01.2022).
89. Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года [Электронный ресурс] // Президент России. – М., 2018. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/57425> (дата обращения: 28.04.2021).

90. Ульянова, И.В. Актуальные направления профилактической и коррекционной работы со школьниками рискованного поведения [Текст] / И.В. Ульянова // Современные проблемы науки и образования. – 2018. – № 1. – С. 9.
91. Ульянова, И.В. Гуманистическая педагогическая парадигма: история и современность (XVII-начало XX в.) [Текст] / И.В. Ульянова // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. – 2016. – № 1. – С. 109-118.
92. Ульянова, И.В. Профилактика делинквентного поведения несовершеннолетних в образовательных организациях [Текст] / И.В. Ульянова // Социосфера. – 2014. – № 3. – С. 72-76.
93. Ульянова, И.В. Социально-педагогическая классификация видов отклоняющегося поведения несовершеннолетних [Текст] / И.В. Ульянова // Инновации в образовании. – 2021. – № 8. – С. 61-69.
94. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [Текст]. – СПб.: Государственная типография, 1885. – 46 с.
95. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» от 31 июля 2020 года № 304-ФЗ [Электронный ресурс] // Президент России. – М., 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45788> (дата обращения: 28.09.2020).
96. Ферри, Э. Уголовная социология [Текст] / Э. Ферри. – М.: Инфра-М, 2005. – 658 с.
97. Философская энциклопедия [Текст] / под ред. Ф. В. Константинова. – М.: Советская энциклопедия, 1962. – 575 с.
98. Фирсов, М.В., Лельчицкий, И. Д. Приоритетные проблемы исторической реконструкции социально-педагогического процесса [Текст] / М.В. Фирсов, И.Д. Лельчицкий // Традиции и новации в профессиональной подготовке и деятельности педагога: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. – Тверь: изд-во ТвГУ. – 2017. – С. 11-15.

99. Цебриков, М. М. Материалы для географии и статистика России, собранные офицерами генерального штаба. Смоленская губерния [Текст] / М. М. Цебриков. – СПб.: типография Депутатского Генерального штаба, 1862. – 405 с.

100. Чаславский, В. И. О земледельческих колониях и ремесленных приютах [Текст] / В. И. Чаславский. – СПб.: типография Ф. Стелловского, 1868. – 31 с.

101. Шимановский М.В. Очерк возникновения исправительно-воспитательных заведений для малолетних преступников в России [Текст] / М. В. Шимановский. – Одесса: типография П. А. Зеленого, 1884. – 33 с.

102. Шиян, В. И. Криминологические особенности личности несовершеннолетнего преступника [Текст] / В. И. Шиян // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2018. – № 1 (19). – С. 93-97.

Архивные материалы

103. Воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних в Российской империи (1908-1909 гг.) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 12. – Лл. 38-65.

104. Дело Совета Смоленского общества исправительных учреждений для несовершеннолетних // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 4. – Л. 235.

105. Доклад в комитет по управлению делами и имуществом Смоленского Общества колоний и приютов для несовершеннолетних (1901 г.) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 4. – Л. 44.

106. Доклад Высочайше утвержденного Постоянного Бюро съездов русских исправительных заведений от 15 сентября 1911 г. №173 в Временный комитет по управлению делами и имуществом Смоленского общества исправительных колоний и приютов (1911 г.) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 13. – Лл. 245-246.

107. Доклад директора Смоленской исправительной колонии-приюта имени Смоленского губернского земства в комитет по управлению делами и имуществом Смоленского общества исправительных колоний и приютов для

несовершеннолетних (1912 г.) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 13. – Лл. 154-155.

108. Доклад директора Смоленской исправительной колонии-приюта имени Смоленского губернского земства в комитет по управлению делами и имуществом Смоленского общества исправительных колоний и приютов для несовершеннолетних (1914 г.) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 26. – Лл. 175-176.

109. Доклад педагогического совета Кубанского исправительного приюта (1909 г.) // ГА РФ. – Ф. 122. – О. 1. – Д. 2014. – Л. 22.

110. Доклад педагогического совета Смоленской исправительной колонии и Сторожищенской сельскохозяйственной школы Совету Смоленского общества исправительных учреждений (1905 г.) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 13. – Лл. 169-170.

111. Доклад педагогического совета Смоленской исправительной колонии Комитету по управлению делами и имуществом Смоленского общества исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних и Сторожищенской сельскохозяйственной школы (1909 г.) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 13. – Лл. 161-162.

112. Доклад педагогического совета Смоленской исправительной колонии Комитету по управлению делами и имуществом Смоленского общества исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних и Сторожищенской сельскохозяйственной школы (1910 г.) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 13. – Лл. 241, 253.

113. Доклад педагогического совета Смоленской исправительной колонии Комитету по управлению делами и имуществом Смоленского общества исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних и Сторожищенской сельскохозяйственной школы (1904 г.) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 5. – Лл. 54-57.

114. Доклад Редакционной комиссии XLIII очередному Смоленскому губернатору земского собрания по докладу управы (1906 г.) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 16. – Лл. 246-247.

115. Закон «Об отдаче в исправительные приюты арестантов из несовершеннолетних, состоящих под следствием или судом, и порядок доставления несовершеннолетних в эти приюты» от 7 ноября 1892 г. (1892 г.) // ГА РФ. – Ф. 122. – Оп. 1. – Д. 2014. – Лл. 106-107.

116. Из отчета о состоянии женской учительской семинарии (1899 г.) // ЦГИА. – Ф. 411. – О. 2. – Д. 270. – Лл. 207-209.

117. О помещении в исправительные заведения девочек, не достигших 16-летнего возраста и промышляющих развратом // РГИА. – Ф. 1297. – О. 134. – Д. 33. – Л. 4.

118. Общее положение об исправительных приютах и земледельческих колониях для малолетних (1889 г.) // ГА РФ. – Ф. 122. – О. 1. – Д. 1688. – Лл. 38-42.

119. Отчет в Комитет по управлению делами и имуществом Смоленского общества колонии для несовершеннолетних (1912 г.) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 1. Л. 202.

120. Отчет в Комитет по управлению делами и имуществом Смоленского общества колонии для несовершеннолетних (1913 г.) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 1. – Л. 52.

121. Отчет во Временный комитет по управлению делами и имуществом Смоленского общества исправительных колоний и приютов для несовершеннолетних (1910 г.) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 1. – Лл. 161-162.

122. Отчет Главного тюремного управления в комитет по управлению делами и имуществом Смоленского общества исправительных колоний и приютов для несовершеннолетних (1910 г.) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 6. – Лл. 136-139.

123. Отчет директора Смоленской исправительной колонии (1902 г.) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 2. – Лл. 46-51.
124. Отчет директора Смоленской исправительной колонии (1903 г.) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 4. – Л. 73.
125. Отчет Комитета Общества пособия несовершеннолетним, освобожденным из мест заключения за 1880-1881 (1880-1881 гг.) // ГА РФ. – Ф. 122. – О. 1. – Д. 706. – Лл. 5-10.
126. Отчет о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних в Российской империи (1908-1909 гг.) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 12. – Лл. 159-169.
127. Отчет о женской рукодельно-хозяйственной школе (1899 г.) // ЦГИА. – Ф. 411. – О. 2. – Д. 270. – Лл. 210-211.
128. Отчет о состоянии детских приютов (1899 г.) // ЦГИА. – Ф. 411. – О. 2. – Д. 270. – Лл. 204-207.
129. Отчет о состоянии Калужского приюта для несовершеннолетних (1887 г.) // ГА РФ. – Ф. 122. – О. 1. – Д. 2014. – Л. 2.
130. Отчет о состоянии Рукавишниковского приюта (1909) // ГА РФ. – Ф. 122. – О. 1. – Д. 2014. – Л. 11.
131. Отчет о состоянии Смоленской колонии для несовершеннолетних (1903) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 4. – Лл. 31-42.
132. Отчет об учебной части в Санкт-Петербургских детских приютах (1899 г.) // ЦГИА. – Ф. 411. – О. 2. – Д. 270. – Лл. 1-4.
133. Отчет по убежищу // ГА РФ. – Ф. 122. – О. 1. – Д. 706. – Лл. 10-13.
134. Отчеты с оправдательными документами по Смоленской исправительной колонии, имению Сторожище и сельскохозяйственной школе (1910 г.) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 27. – Л. 605.
135. Переписка по делам Временного комитета (1913 г.) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 13. – Лл. 31-37.

136. Положение о ремесленных отделениях по законам от 21 апреля 1903 г. и 16 марта 1904 г. при низших общеобразовательных учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения (1903-1904 гг.) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 13. – Лл. 266-267.

137. Правила для сельскохозяйственных и ремесленных классов имени императора Александра II (на основе казенного имения при селе Тростяницы, Луцкого уезда, Волынской губернии) (упорядочены Главным Управлением Министерства Земледелия и Государственных Имуществ по Департаменту Земледелия от 14 сентября 1903 г. №23437) (1903 г.) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 1. – Лл. 47-49.

138. Правила поступления в Сторожищенскую сельскохозяйственную школу 1-го разряда // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 2. – Л. 3.

139. Программа для представления сведений по учебной части, физическому воспитанию, по гигиене и религиозно-нравственному воспитанию (1903 г.) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 4. – Лл. 96-100.

140. Прошение Главного Тюремного управления Смоленскому губернатору (1910 г.) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 1. – Л. 156.

141. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате №64 от 30 июня 1892 г. (1892 г.) // ГА РФ. – Ф. 122. – О. 1. – Д. 2014. – Лл. 15-17.

142. Устав Общества пособия несовершеннолетним, освобожденным из мест заключения (1878 г.) // ГА РФ. – Ф. 122. – О. 1. – Д. 706. – Л. 4.

143. Устав Смоленского общества исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 1. – Лл. 140-141.

144. Устав Смоленской губернской земской воспитательно-исправительной колонии-приюта для несовершеннолетних // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 1. – Лл. 256-262.

145. Устав Смоленской колонии для малолетних преступников // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 1. – Лл. 122-125.

146. Устав Смоленской колонии-приюта для несовершеннолетних имени Смоленского губернского земства // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 1. – Лл. 52-62.

147. Устав Сторожищенской практической школы садоводства, огородничества и пчеловодства при Смоленской колонии для несовершеннолетних (1912) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 1. – Лл. 262-267.

148. Формулярный список о службе управляющего Сторожищенской сельскохозяйственной школой коллежского асессора Павловского Семена Семеновича (1903 г.) // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. Д. 9. – Л. 8.

149. Ходатайство Временного комитета по управлению делами и имуществом Смоленского общества исправительных колоний и приютов господину начальнику Смоленско-Витебского управления земледелия и государственных имуществ // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 7. – Лл. 175-176.

150. Ходатайство главного управления землеустройства и земледелия господину председателю Временного комитета по управлению имуществом и делами Сторожищенской колонии // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 8. – Л. 143.

151. Ходатайство главного управления землеустройства и земледелия инспектору сельского хозяйства по Смоленской губернии В. П. Заварину // ГАСО. – Ф. Р-368. – О. 1. – Д. 7. – Л. 191.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

**Воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних
в Российской империи (с 1 января 1908 года по 1 января 1909 года)**

Таблица А.1 – количество воспитанников в воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних в Российской империи (с 1 января 1908 года по 1 января 1909 года)

Наименование заведения	Число воспитанников				
	Число на 1 января 1908 года	Поступило в 1908 году	Выбыло в 1908 году	Число на 1 января 1909 года	Среднее число в 1908 году
Астраханская колония	22	15	11	26	24
Большевский приют для девочек (бл. г. Москвы)	89	5	10	84	75
Виленская колония	46	38	28	56	48
Витебская колония	50	39	22	66	36
Владимирская колония	81	49	36	94	81
Вологодская колония	28	8	13	23	22
Волынский приют	14	9	8	15	16
Вятский приют	52	23	25	50	-
Екатеринославская, Александринская колония	30	24	17	37	29
Елецкая колония	-	-	-	-	-
Иркутский приют	34	10	23	21	25
Казанский приют	19	6	3	22	20
Калужский приют	32	11	13	30	28
Киевская колония	36	13	11	38	30
Кишиневская (Миренская) колония	28	26	19	35	24
Костромской приют	22	8	6	24	22
Кубанский приют для мальчиков	56	23	29	59	48
Кубанский приют для девочек	10	3	1	12	12
Курская колония	32	24	18	38	36
Мологский приют	17	10	9	20	15
Нижегородская колония	-	-	-	-	-
Одесский приют	54	17	23	49	48
Пермский приют	32	9	4	37	35
Подольская колония	22	14	11	25	23

Окончание Таблицы А.1

Наименование заведения	Число воспитанников				
	Число на 1 января 1908 года	Поступило в 1908 году	Выбыло в 1908 году	Число на 1 января 1909 года	Среднее число в 1908 году
Полтавская колония	18	8	4	22	18
Пущинский приют (бл. г. Варшавы)	11	2	3	10	11
Рижская колония	49	16	18	47	42
Рукавишниковский приют (в г. Москва)	139	37	33	143	134
Фидлер. колония (отдел Рукавиш. приюта)	58	40	22	76	59
Рязанский приют	13	3	7	9	11
С.-Петербургская колония	154	58	34	177	165
С.-Петербургский приют для девочек	26	10	17	19	23
Саратовский (Галкина-Враского) приют	29	25	7	47	35
Симбирский приют	27	16	16	27	27
Смоленская колония	25	13	8	30	29
Студзенецкая колония (бл. г. Варшавы)	110	58	41	127	82
Таврический приют (бл. г. Симферополя)	41	15	17	39	36
Таганрогская колония	27	21	16	31	22
Тамбовский приют	14	4	2	16	15
Тверская колония	18	14	6	26	17
Томская колония	-	-	-	-	-
Тульский (Баташевский) приют	36	16	9	43	40
Уфимская колония	21	8	7	22	19
Харьковский приют	52	15	15	52	53
Херсонский приют	17	15	13	19	17
Черниговская колония	13	11	6	18	17
Эстляндский приют	12	10	4	18	14
Ярославский приют	41	15	14	5	-

**Таблица А.2 – количественные сведения о судимости воспитанников
в воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних в
Российской империи**

Наименование заведения	Прежняя судимость					Итого
	Осуждены в 1 раз	Осуждены во 2 раз	Осуждены более 2 раз	Были не судимы	Неизвестно	
Астраханская колония	10	1	1	3	-	15
Большевский приют для девочек (бл. г. Москвы)	1	1	-	3	-	5
Виленская колония	22	9	7	-	-	38
Витебская колония	30	1	-	8	-	39
Владимирская колония	42	7	-	-	-	49
Вологодская колония	8	-	-	-	-	8
Волынский приют	6	-	-	1	2	9
Вятский приют	9	3	-	11	-	23
Екатеринославская, Александринская колония	11	3	4	6	-	24
Елецкая колония	-	-	-	-	-	-
Иркутский приют	3	1	2	3	1	10
Казанский приют	3	-	-	3	-	6
Калужский приют	11	-	-	-	-	11
Киевская колония	9	3	1	-	-	13
Кишиневская (Миренская) колония	20	1	-	5	-	26
Костромской приют	8	-	-	-	-	8
Кубанский приют для мальчиков	11	-	-	12	-	23
Кубанский приют для девочек	1	-	-	2	-	3
Курская колония	15	7	2	-	-	24
Мологский приют	5	-	-	5	-	10
Нижегородская колония	-	-	-	-	-	-
Одесский приют	14	1	-	2	-	17
Пермский приют	8	-	1	-	-	9
Подольская колония	6	5	1	2	-	14
Полтавская колония	6	-	-	2	-	8
Пушинский приют (бл. г. Варшавы)	1	-	1	-	-	2

Окончание Таблицы А.2

Наименование заведения	Прежняя судимость					Итого
	Осуждены в 1 раз	Осуждены во 2 раз	Осуждены более 2 раз	Были не судимы	Неизвестно	
Рижская колония	11	3	1	1	-	16
Рукавишниковский приют (в г. Москва)	28	4	5	-	-	37
Фидлер. колония (отдел Рукавиш. приюта)	27	3	8	-	2	40
Рязанский приют	2	-	-	1	-	3
С.-Петербургская колония	45	7	2	4	-	58
С.-Петербургский приют для девочек	9	1	-	-	-	10
Саратовский (Галкина-Враского) приют	25	-	-	-	-	25
Симбирский приют	13	-	-	3	-	16
Смоленская колония	11	-	-	2	-	13
Студзенецкая колония (бл. г. Варшавы)	48	4	6	-	-	58
Таврический приют (бл. г. Симферополя)	9	4	1	1	-	15
Таганрогская колония	15	5	-	-	1	21
Тамбовский приют	4	-	-	-	-	4
Тверская колония	10	2	-	2	-	14
Томская колония	-	-	-	-	-	-
Тульский (Баташевский) приют	11	-	-	5	-	16
Уфимская колония	-	-	2	6	-	8
Харьковский приют	7	2	2	4	-	15
Херсонский приют	13	-	-	2	-	15
Черниговская колония	2	3	2	2	2	11
Эстляндский приют	6	2	1	-	1	10
Ярославский приют	12	3	-	-	-	15

**Таблица А.3 – распределение по возрасту воспитанников в
воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних в
Российской империи (на 1 января 1909 года)**

Наименование заведения	Возраст (на 1 января 1909 года)												Итого
	До 9 лет	9 - 10 лет	10 - 11 лет	11 - 12 лет	12 - 13 лет	13 - 14 лет	14 - 15 лет	15 - 16 лет	16 - 17 лет	17 - 18 лет	18 лет и старше	Неизвестно	
Астраханская колония	-	-	1	-	3	4	2	7	7	2	-	-	26
Большевский приют для девочек (бл. г. Москвы)	5	9	11	10	13	14	5	5	8	2	1	1	84
Виленская колония	-	-	-	1	4	6	6	14	12	10	-	3	56
Витебская колония	-	-	1	1	6	6	9	13	3	-	-	-	39
Владимирская колония	-	-	-	2	3	10	10	25	9	28	-	7	94
Вологодская колония	-	-	-	1	2	1	4	8	3	4	-	-	23
Волынский приют	-	-	-	-	-	4	3	3	4	1	-	-	15
Вятский приют	-	-	-	8	-	14	12	5	7	4	-	-	50
Екатеринославская, Александринская колония	-	-	-	1	4	2	15	5	5	5	-	-	37
Елецкая колония	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Иркутский приют	-	-	-	1	2	5	7	8	6	5	-	-	34
Казанский приют	-	-	-	3	3	5	-	6	3	2	-	-	22
Калужский приют	-	-	-	1	4	2	6	3	10	4	-	-	30
Киевская колония	-	-	-	1	3	3	4	-	-	2	-	-	13
Кишиневская (Миренская) колония	-	-	2	-	3	3	5	6	6	1	-	-	26
Костромской приют	-	-	-	-	1	1	6	8	6	2	-	-	24

Продолжение Таблицы А.3

Наименование заведения	Возраст (на 1 января 1909 года)												Итого
	До 9 лет	9-10 лет	10-11 лет	11-12 лет	12-13 лет	13-14 лет	14-15 лет	15-16 лет	16-17 лет	17-18 лет	18 лет и старше	Неизвестно	
Кубанский приют для мальчиков	5	2	4	3	7	10	15	5	3	3	-	2	59
Кубанский приют для девочек	-	-	2	2	3	1	1	2	1	-	-	-	12
Курская колония	-	-	-	3	5	5	3	4	7	10	-	1	38
Мологский приют	-	1	-	1	1	1	1	2	7	2	1	3	20
Нижегородская колония	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Одесский приют	-	-	2	2	4	10	12	10	6	3	-	-	49
Пермский приют	-	-	-	-	2	1	3	-	2	1	-	-	9
Подольская колония	-	-	1	1	1	2	3	7	8	2	-	-	25
Полтавская колония	-	-	-	1	2	-	2	6	7	4	-	-	22
Пушинский приют (бл. г. Варшавы)	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	3
Рижская колония	-	-	-	-	1	8	9	7	15	9	-	-	49
Рукавишниковский приют (в г. Москва)	-	-	2	3	5	15	17	31	30	31	-	5	139
Фидлер. колония (отдел Рукавиш. приюта)	-	-	-	-	2	8	18	12	-	-	-	-	40
Рязанский приют	-	-	-	1	-	-	4	1	1	1	-	1	9
С.-Петербургская колония	-	-	5	8	18	33	26	22	28	31	-	6	177
С.Петербургский приют для девочек	-	-	-	-	1	-	6	5	3	4	-	-	19

Окончание Таблицы А.3

Наименование заведения	Возраст (на 1 января 1909 года)												Неизвестно	Итого
	До 9 лет	9-10 лет	10-11 лет	11-12 лет	12-13 лет	13-14 лет	14-15 лет	15-16 лет	16-17 лет	17-18 лет	18 лет и старше			
Саратовский (Галкина-Враского) приют	-	-	-	-	2	11	11	10	2	11	-	-	47	
Симбирский приют	-	-	-	1	2	5	6	6	4	3	-	-	27	
Смоленская колония	-	-	-	1	1	4	5	5	6	8	-	-	30	
Студзенецкая колония (бл. г. Варшавы)	-	-	-	20	7	5	12	8	6	-	-	-	58	
Таврический приют (бл. г. Симферополя)	-	-	1	2	3	5	9	8	4	4	1	2	39	
Таганрогская колония	-	-	-	3	3	5	11	4	5	-	-	-	31	
Тамбовский приют	-	-	-	-	1	2	4	2	7	-	-	-	16	
Тверская колония	-	-	-	-	1	3	6	6	5	5	-	-	26	
Томская колония	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Тульский (Баташевский) приют	-	-	-	1	3	5	8	5	14	7	-	-	43	
Уфимская колония	-	-	3	3	7	2	4	1	1	-	-	1	22	
Харьковский приют	1	1	4	1	9	4	11	9	11	1	-	-	52	
Херсонский приют	-	1	-	6	3	5	7	6	3	1	-	-	32	
Черниговская колония	-	-	-	-	-	2	2	4	5	2	3	6	24	
Эстляндский приют	-	-	-	1	3	1	4	2	5	2	-	-	18	
Ярославский приют	-	-	-	-	1	6	4	13	7	11	-	-	42	

Таблица А.4 – распределение воспитанников в воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних в Российской империи

Наименование заведения	Место жительства			
	Городские жители	Сельские жители	Неизвестно	Итого
Астраханская колония	15	-	-	15
Большевский приют для девочек (бл. г. Москвы)	4	1	-	5
Виленская колония	28	10	-	38
Витебская колония	19	20	-	39
Владимирская колония	20	24	5	49
Вологодская колония	2	6	-	8
Волынский приют	5	4	-	9
Вятский приют	9	14	-	23
Екатеринославская, Александринская колония	19	5	-	24
Елецкая колония	-	-	-	-
Иркутский приют	4	5	1	10
Казанский приют	5	1	-	6
Калужский приют	1	10	-	11
Киевская колония	10	2	1	13
Кишиневская (Миренская) колония	25	1	-	26
Костромской приют	4	4	-	8
Кубанский приют для мальчиков	14	9	-	23
Кубанский приют для девочек	-	3	-	3
Курская колония	9	-	15	24
Мологский приют	3	6	1	10
Нижегородская колония	-	-	-	-
Одесский приют	38	11	-	49
Пермский приют	5	4	-	9
Подольская колония	5	9	-	14
Полтавская колония	2	6	-	8
Пушинский приют (бл. г. Варшавы)	2	-	-	2
Рижская колония	10	6	-	16
Рукавишниковский приют (в г. Москва)	20	17	-	37
Фидлер. колония (отдел Рукавиш. приюта)	25	15	-	40

Окончание Таблицы А.4

Наименование заведения	Место жительства			
	Городские жители	Сельские жители	Неизвестно	Итого
Рязанский приют	1	2	-	3
С.-Петербургская колония	43	13	2	58
С.-Петербургский приют для девочек	10	-	-	10
Саратовский (Галкина-Враского) приют	23	2	-	25
Симбирский приют	3	13	-	16
Смоленская колония	6	7	-	13
Студзенецкая колония (бл. г. Варшавы)	44	14	-	58
Таврический приют (бл. г. Симферополя)	15	-	-	15
Таганрогская колония	19	2	-	21
Тамбовский приют	2	2	-	4
Тверская колония	4	10	-	14
Томская колония	-	-	-	-
Тульский (Баташевский) приют	7	9	-	16
Уфимская колония	7	1	-	8
Харьковский приют	12	3	-	15
Херсонский приют	8	7	-	15
Черниговская колония	3	8	-	11
Эстляндский приют	7	2	1	10
Ярославский приют	12	3	-	15

Таблица А.5 – распределение по семейному положению воспитанников в воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних в Российской империи

Наименование заведения	Семейное положение											
	Имели в живых обоих родителей	Имели в живых мать	Имели в живых отца	Имели в живых отца и мачеху	Имели в живых мать и отчима	Имели в живых отчима и мачеху	Имели в живых одного отчима	Имели в живых одну мачеху	Сироты	Вне-брачные	Неизвестно	Итого
Астраханская колония	8	2	3	-	-	-	-	-	2	-	-	15
Большевский приют для девочек (бл. г. Москвы)	2	1	-	-	-	-	-	-	1	1	-	5
Виленская колония	20	4	4	2	1	-	-	-	6	1	-	38
Витебская колония	20	10	-	2	-	-	-	-	7	-	-	39
Владимирская колония	26	13	-	2	1	-	-	1	3	3	-	49
Вологодская колония	3	1	1	-	-	-	-	-	1	2	-	8
Волынский приют	4	1	2	-	-	-	-	-	1	1	-	9
Вятский приют	5	6	3	2	1	-	-	-	6	-	-	23
Екатеринославская, Александринская колония	10	7	2	1	-	-	-	-	3	1	-	24
Елецкая колония	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Иркутский приют	4	2	1	-	1	-	-	-	2	-	-	10
Казанский приют	1	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6
Калужский приют	6	4	-	1	-	-	-	-	-	-	-	11
Киевская колония	4	6	-	1	-	-	-	-	1	-	1	13

Продолжение Таблицы А.5

Наименование заведения	Семейное положение											
	Имели в живых обоих родителей	Имели в живых мать	Имели в живых отца	Имели в живых отца и мачеху	Имели в живых мать и отчима	Имели в живых отчима и мачеху	Имели в живых одного отчима	Имели в живых одну мачеху	Сироты	Внебрачные	Неизвестно	Итого
Кишиневская (Миренская) колония	12	6	3	-	-	-	-	-	5	-	-	26
Костромской приют	6	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	8
Кубанский приют для мальчиков	10	3	-	-	1	-	-	-	9	-	-	23
Кубанский приют для девочек	1	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-	3
Курская колония	16	4	-	2	-	-	-	-	2	-	-	24
Мологский приют	4	3	1	-	-	-	-	-	-	1	1	10
Нижегородская колония	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Одесский приют	-	11	5	-	-	-	-	-	1	-	-	17
Пермский приют	4	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9
Подольская колония	4	5	-	3	-	-	-	-	2	-	-	14
Полтавская колония	1	2	-	-	-	-	-	-	4	-	1	8
Пушинский приют (бл. г. Варшавы)	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-	2
Рижская колония	8	5	-	1	-	-	-	-	1	-	1	16

Продолжение Таблицы А.5

Наименование заведения	Семейное положение											
	Имели в живых обоих родителей	Имели в живых мать	Имели в живых отца	Имели в живых отца и мачеху	Имели в живых мать и отчима	Имели в живых отчима и мачеху	Имели в живых одного отчима	Имели в живых одну мачеху	Сироты	Внебрачные	Неизвестно	Итого
Рукавишниковский приют (в г. Москва)	15	9	4	1	-	-	-	-	8	-	-	37
Фидлер. колония (отдел Рукавиш. приюта)	17	11	6	-	1	-	-	-	5	-	-	40
Рязанский приют	1	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	3
С.-Петербургская колония	24	18	4	2	-	-	2	-	5	3	-	58
С.-Петербургский приют для девочек	2	3	2	-	2	-	-	-	1	-	-	10
Саратовский (Галкина-Враского) приют	11	8	3	1	-	-	-	-	1	1	-	25
Симбирский приют	11	2	1	1	-	-	-	-	-	-	1	16
Смоленская колония	5	3	4	-	-	-	-	-	1	-	-	13
Студзенецкая колония (бл. г. Варшавы)	31	21	5	-	-	-	-	-	1	-	-	58
Таврический приют (бл. г. Симферополя)	5	3	3	-	1	-	-	-	2	1	-	15

Таблица А.6 – распределение по сословиям воспитанников в воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних в Российской империи

Наименование заведения	Сословие								
	Дворяне и чиновники	Духовенство	Купцы и почетные граждане	Мещане и цеховые	Крестьяне	Солдатские дети	Прочие	Неизвестно	Итого
Астраханская колония	-	-	-	5	10	-	-	-	15
Большевский приют для девочек (бл. г. Москвы)	-	-	-	-	5	-	-	-	5
Виленская колония	-	-	-	19	19	-	-	-	38
Витебская колония	-	1	-	17	21	-	-	-	39
Владимирская колония	1	-	-	6	42	-	-	-	49
Вологодская колония	-	-	-	2	6	-	-	-	8
Волынский приют	1	-	-	4	4	-	-	-	9
Вятский приют	-	-	1	2	20	-	-	-	23
Екатеринославская, Александринская колония	-	-	-	10	13	-	-	1	24
Елецкая колония	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Иркутский приют	-	-	1	4	3	-	1	1	10
Казанский приют	-	-	-	1	3	2	-	-	6
Калужский приют	-	-	-	-	11	-	-	-	11
Киевская колония	-	1	-	2	9	-	-	1	13
Кишиневская (Миренская) колония	-	-	-	19	6	-	1	-	26

Продолжение Таблицы А.6

Наименование заведения	Сословие								
	Дворяне и чиновники	Духовенство	Купцы и почетные граждане	Мещане и цеховые	Крестьяне	Солдатские дети	Прочие	Неизвестно	Итого
Костромской приют	-	-	-	2	6	-	-	-	8
Кубанский приют для мальчиков	-	-	-	6	12	-	3	2	23
Кубанский приют для девочек	-	-	-	-	3	-	-	-	3
Курская колония	-	-	-	4	20	-	-	-	24
Мологский приют	-	-	-	-	9	-	-	1	10
Нижегородская колония	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Одесский приют	2	-	-	20	27	-	-	-	49
Пермский приют	-	-	-	2	5	-	1	1	9
Подольская колония	-	-	-	5	8	-	-	1	14
Полтавская колония	-	-	-	1	7	-	-	-	8
Пушинский приют (бл. г. Варшавы)	-	-	-	2	-	-	-	-	2
Рижская колония	-	-	-	2	13	-	-	1	16
Рукавишниковский приют (в г. Москва)	1	-	-	12	22	-	-	2	37
Фидлер. колония (отдел Рукавиш. приюта)	-	-	-	11	29	-	-	-	40
Рязанский приют	-	-	-	1	2	-	-	-	3

Продолжение Таблицы А.6

Наименование заведения	Сословие								
	Дворяне и чиновники	Духовенство	Купцы и почетные граждане	Мещане и цеховые	Крестьяне	Солдатские дети	Прочие	Неизвестно	Итого
С.-Петербургская колония	-	-	-	8	48	-	2	-	58
С.-Петербургский приют для девочек	-	-	-	1	9	-	-	-	10
Саратовский (Галкина-Враского) приют	-	-	-	9	16	-	-	-	25
Симбирский приют	-	-	-	2	14	-	-	-	16
Смоленская колония	-	-	-	-	13	-	-	-	13
Студзенецкая колония (бл. г. Варшавы)	-	-	-	44	14	-	-	-	58
Таврический приют (бл. г. Симферополя)	3	-	-	6	5	-	-	1	15
Таганрогская колония	-	-	2	5	14	-	-	-	21
Тамбовский приют	-	-	-	-	4	-	-	-	4
Тверская колония	-	1	-	2	11	-	-	-	14
Томская колония	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Тульский (Баташевский) приют	-	-	-	6	10	-	-	-	16
Уфимская колония	1	-	-	-	6	-	-	1	8
Харьковский приют	-	-	-	4	11	-	-	-	15

Окончание Таблицы А.6

Наименование заведения	Сословие								
	Дворяне и чиновники	Духовенство	Купцы и почетные граждане	Мещане и цеховые	Крестьяне	Солдатские дети	Прочие	Неизвестно	Итого
Херсонский приют	-	-	1	3	11	-	-	-	15
Черниговская колония	-	-	-	4	7	-	-	-	11
Эстляндский приют	-	-	-	-	9	-	-	1	10
Ярославский приют	-	-	-	6	9	-	-	-	15

Таблица А.7 – распределение по роду занятий родителей воспитанников в воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних в Российской империи

Наименование заведения	Род занятий родителей												
	Жили собственными средствами	Земледелие	Фабрики и заводы	Ремесла	В услужении	Промысел и мелкая торговля	Должности	Другие занятия	Без опр. занятий	Нищенство и бродяжничество	Отбывали наказание	Неизвестно	Итого
Астраханская колония	6	-	1	2	1	1	-	-	1	-	1	2	15
Большевский приют для девочек (бл. г. Москвы)	-	-	1	-	-	1	1	-	-	1	-	1	5
Виленская колония	-	7	-	7	4	4	1	-	7	-	1	7	38
Витебская колония	-	11	-	11	7	6	-	-	4	-	-	-	39
Владимирская колония	-	10	21	7	5	-	2	3	-	-	1	-	49
Вологодская колония	-	5	-	1	1	-	-	-	-	-	-	1	8
Волынский приют	-	2	-	-	5	-	1	-	-	-	1	-	9
Вятский приют	-	-	-	5	5	-	4	-	3	-	-	6	23
Екатеринославская, Александринская колония	2	3	-	4	4	3	3	3	-	1	-	1	24
Елецкая колония	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Иркутский приют	-	-	3	-	-	2	-	-	1	2	1	1	10
Казанский приют	-	1	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	6
Калужский приют	-	8	-	-	2	-	-	-	1	-	-	-	11
Киевская колония	-	1	1	2	5	-	1	1	-	-	-	2	13

Продолжение Таблицы А.7

Наименование заведения	Род занятий родителей												
	Жили собственными средствами и	Земледелие	Фабрики и заводы	Ремесла	В услужении	Промысел и мелкая торговля	Должности	Другие занятия	Без опр. занятий	Нищенство и бродяжничество	Отбывали наказание	Неизвестно	итого
Рижская колония	-	5	-	2	3	2	-	3	-	-	-	1	16
Рукавишниковский приют (в г. Москва)	2	3	3	4	12	1	4	-	-	-	-	8	37
Фидлер. колония (отдел Рукавиш. приюта)	-	10	-	11	12	3	-	2	2	-	-	-	40
Рязанский приют	-	1	-	-	-	-	1	-	-	1	-	-	3
С.-Петербургская колония	1	4	12	9	12	4	2	7	1	1	1	4	58
С.-Петербургский приют для девочек	-	4	-	5	1	-	-	-	-	-	-	-	10
Саратовский (Галкина-Враского) приют	1	-	-	5	2	7	2	8	-	-	-	-	25
Симбирский приют	-	11	-	-	2	-	2	-	-	-	-	1	16
Смоленская колония	-	6	-	-	7	-	-	-	-	-	-	-	13
Студзенецкая колония (бл. г. Варшавы)	7	4	7	11	10	9	1	9	-	-	-	-	58

Окончание Таблицы А.7

Наименование заведения	Род занятий родителей												
	Жили собственными средствами	Земледелие	Фабрики и заводы	Ремесла	В услужении	Промысел и мелкая торговля	Должности	Другие занятия	Без опред. занятий	Нищенство и бродяжничество	Отбывали наказание	Неизвестно	итого
Гаврический приют (бл. г. Симферополя)	-	-	2	-	1	5	3	1	1	-	-	2	15
Таганрогская колония	-	-	-	2	14	4	-	1	-	-	-	-	21
Тамбовский приют	-	1	-	-	-	-	-	-	-	2	1	-	4
Тверская колония	-	3	1	2	4	2	1	-	-	1	-	-	14
Томская колония	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Тульский (Баташевский) приют	1	5	3	1	2	-	-	-	-	-	-	4	16
Уфимская колония	-	1	-	1	3	-	1	2	-	-	-	-	8
Харьковский приют	-	2	2	4	5	-	1	-	1	-	-	-	15
Херсонский приют	2	4	1	-	5	-	-	-	3	-	-	-	15
Черниговская колония	1	2	1	-	3	1	-	-	-	-	-	3	11
Эстляндский приют	-	-	-	3	2	4	-	-	-	-	-	1	10
Ярославский приют	-	3	5	3	3	-	-	-	1	-	-	-	15

Таблица А.8 – распределение по роду занятий воспитанников в воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних в Российской империи

Наименование заведения	Род занятий детей до поступления в заведение										
	Жили при родных	Фабрики и заводы	Ремесло или торговля	В услужении	Сельские занятия	В учебном или воспит. заведении	Другие занятия	Без опр. занятий	Нищенство и бродяжничество	Неизвестно	Итого
Астраханская колония	1	-	1	2	-	-	-	9	2	-	15
Большевский приют для девочек (бл. г. Москвы)	4	-	-	-	-	-	-	-	-	1	5
Виленская колония	13	-	8	2	8	3	-	-	3	1	38
Витебская колония	20	-	5	4	-	-	-	-	10	-	39
Владимирская колония	-	10	9	4	10	-	3	12	1	-	49
Вологодская колония	4	-	-	1	-	-	-	-	3	-	8
Волынский приют	6	-	-	-	2	-	-	-	1	-	9
Вятский приют	7	-	3	2	-	6	-	-	5	-	23
Екатеринославская, Александринская колония	14	-	1	3	1	1	-	-	2	-	24
Елецкая колония	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Иркутский приют	-	-	11	3	1	-	2	2	1	-	10
Казанский приют	2	-	-	2	-	-	-	2	-	-	6
Калужский приют	4	1	1	2	2	-	-	1	-	-	11
Киевская колония	4	-	-	1	1	2	-	-	5	-	13

Продолжение Таблицы А.8

Наименование заведения	Род занятий детей до поступления в заведение										
	Жили при родных	Фабрики и заводы	Ремесло или торговля	В услужении	Сельские занятия	В учебном или воспит. заведении	Другие занятия	Без опр. занятий	Нищенство и бродяжничество	Неизвестно	Итого
Кишиневская (Миренская) колония	21	-	-	3	-	1	-	-	1	-	26
Костромской приют	-	-	4	1	-	-	-	1	2	-	8
Кубанский приют для мальчиков	15	-	1	4	-	3	-	-	-	-	23
Кубанский приют для девочек	2	-	-	1	-	-	-	-	-	-	3
Курская колония	4	-	2	-	10	2	-	3	3	-	24
Мологский приют	3	-	-	-	-	-	-	5	1	1	10
Нижегородская колония	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Одесский приют	7	-	1	4	-	-	-	-	5	-	17
Пермский приют	4	-	1	-	-	-	1	3	-	-	9
Подольская колония	5	-	2	3	-	1	-	2	2	-	14
Полтавская колония	-	-	-	-	-	-	2	-	6	-	8
Пуцинский приют (бл. г. Варшавы)	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	2
Рижская колония	5	-	1	-	4	2	-	3	1	-	16
Рукавишниковский приют (в г. Москва)	17	-	8	7	-	-	-	5	-	-	37

Окончание Таблицы А.8

Наименование заведения	Род занятий детей до поступления в заведение										
	Жили при родных	Фабрики и заводы	Ремесло или торговля	В услужении	Сельские занятия	В учебном или воспит. заведении	Другие занятия	Без опр. занятий	Нищенство и бродяжничество	Неизвестно	Итого
Тулский (Баташевский) приют	10	-	2	-	-	3	-	-	1	-	16
Уфимская колония	4	-	-	-	1	1	-	-	2	-	8
Харьковский приют	8	-	2	-	-	1	-	1	3	-	15
Херсонский приют	5	-	-	4	5	-	-	1	-	-	15
Черниговская колония	2	-	5	-	-	-	1	3	-	-	11
Эстляндский приют	9	-	-	-	-	-	-	-	-	1	10
Ярославский приют	7	-	2	-	-	-	-	4	2	-	15

Таблица А.9 – распределение по религии воспитанников в воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних в Российской империи

Наименование заведения	Религия							Итого
	Православные	Старообрядцы и раскольники	Католики	Лютеране	Магоме	Евреи	Прочие вероисповедания	
Астраханская колония	11	-	-	-	4	-	-	15
Большевский приют для девочек (бл. г. Москвы)	5	-	-	-	-	-	-	5
Виленская колония	8	-	21	-	-	9	-	38
Витебская колония	25	4	3	-	-	7	-	39
Владимирская колония	47	2	-	-	-	-	-	49
Вологодская колония	8	-	-	-	-	-	-	8
Волынский приют	5	-	1	1	-	2	-	9
Вятский приют	23	-	-	-	-	-	-	23
Екатеринославская, Александринская колония	19	-	-	-	-	5	-	24
Елецкая колония	-	-	-	-	-	-	-	-
Иркутский приют	6	-	1	-	-	2	1	10
Казанский приют	6	-	-	-	-	-	-	6
Калужский приют	11	-	-	-	-	-	-	11
Киевская колония	12	1	-	-	-	-	-	13
Кишиневская (Миренская) колония	23	2	-	-	-	1	-	26
Костромской приют	8	-	-	-	-	-	-	8

Продолжение Таблицы А.9

Наименование заведения	Религия							Итого
	Православные	Старообрядцы и раскольники	Католики	Лютеране	Магоме	Евреи	Прочие вероисповедания	
Кубанский приют для мальчиков	22	-	-	-	1	-	-	23
Кубанский приют для девочек	3	-	-	-	-	-	-	3
Курская колония	24	-	-	-	-	-	-	24
Мологский приют	10	-	-	-	-	-	-	10
Нижегородская колония	-	-	-	-	-	-	-	-
Одесский приют	35	-	1	-	-	13	-	49
Пермский приют	9	-	-	-	-	-	-	9
Подольская колония	10	-	2	-	-	2	-	14
Полтавская колония	20	-	-	-	-	2	-	22
Пушинский приют (бл. г. Варшавы)	-	-	2	-	-	-	-	2
Рижская колония	7	-	1	7	-	1	-	16
Рукавишниковский приют (в г. Москва)	35	2	-	-	-	-	-	37
Фидлер. колония (отдел Рукавиш. приюта)	38	-	1	-	-	1	-	40
Рязанский приют	3	-	-	-	-	-	-	3
С.-Петербургская колония	56	-	2	-	-	-	-	58

Продолжение Таблицы А.9

Наименование заведения	Религия							Итого
	Православные	Старообрядцы и раскольники	Католики	Лютеране	Магоме	Евреи	Прочие вероисповедания	
С.-Петербургский приют для девочек	10	-	-	-	-	-	-	10
Саратовский (Галкина-Враского) приют	24	-	-	-	1	-	-	25
Симбирский приют	14	-	-	-	2	-	-	16
Смоленская колония	13	-	-	-	-	-	-	13
Студзенецкая колония (бл. г. Варшавы)	-	-	48	2	-	8	-	58
Таврический приют (бл. г. Симферополя)	11	-	-	-	-	4	-	15
Таганрогская колония	21	-	-	-	-	-	-	21
Тамбовский приют	4	-	-	-	-	-	-	4
Тверская колония	14	-	-	-	-	-	-	14
Томская колония	-	-	-	-	-	-	-	-
Тульский (Баташевский) приют	16	-	-	-	-	-	-	16
Уфимская колония	8	-	-	-	-	-	-	8
Харьковский приют	13	-	-	-	-	2	-	15
Херсонский приют	9	-	-	-	-	6	-	15

Окончание Таблицы А.9

Наименование заведения	Религия							Итого
	Православные	Старообрядцы и раскольники	Католики	Лютеране	Магоме	Евреи	Прочие вероисповедания	
Черниговская колония	9	-	-	-	-	2	-	11
Эстляндский приют	1	-	-	8	-	-	1	10
Ярославский приют	15	-	-	-	-	-	-	15

Таблица А.10 – распределение по уровню грамотности воспитанников в воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних в Российской империи

Наименование заведения	Грамотность				
	Неграмотные	Умели читать или писать	Умели читать и писать	Имели свидетельство школы	Итого
Астраханская колония	7	8	-	-	15
Большевский приют для девочек (бл. г. Москвы)	2	-	3	-	5
Виленская колония	22	7	9	-	38
Витебская колония	25	6	5	3	39
Владимирская колония	6	8	32	3	49
Вологодская колония	3	3	2	-	8
Вольнский приют	3	-	6	-	9
Вятский приют	10	12	-	1	23
Екатеринославская, Александринская колония	13	2	8	1	24
Елецкая колония	-	-	-	-	-
Иркутский приют	3	2	4	1	10
Казанский приют	1	2	2	1	6
Калужский приют	6	1	3	1	11
Киевская колония	7	-	4	2	13
Кишиневская (Миренская) колония	13	-	11	2	26
Костромской приют	-	1	4	3	8
Кубанский приют для мальчиков	11	2	10	-	23

Продолжение Таблицы А.10

Наименование заведения	Грамотность				Итого
	Неграмотные	Умели читать или писать	Умели читать и писать	Имели свидетельство школы	
Кубанский приют для девочек	2	-	1	-	3
Курская колония	10	6	3	5	24
Мологский приют	2	2	6	-	10
Нижегородская колония	-	-	-	-	-
Одесский приют	4	40	5	-	49
Пермский приют	3	1	3	2	9
Подольская колония	8	3	3	-	14
Полтавская колония	3	5	-	-	8
Пущинский приют (бл. г. Варшавы)	2	-	-	-	2
Рижская колония	4	1	10	1	16
Рукавишниковский приют (в г. Москва)	5	3	24	5	37
Фидлер. колония (отдел Рукавиш. приюта)	4	-	34	2	40
Рязанский приют	1	1	1	-	3
С.-Петербургская колония	14	22	20	2	58
С.-Петербургский приют для девочек	3	4	3	-	10
Саратовский (Галкина- Враского) приют	4	3	14	4	25
Симбирский приют	6	5	5	-	16

Окончание Таблицы А.10

Наименование заведения	Грамотность				Итого
	Неграмотные	Умели читать или писать	Умели читать и писать	Имели свидетельство школы	
Смоленская колония	2	-	10	1	13
Студзенецкая колония (бл. г. Варшавы)	40	2	16	-	58
Таврический приют (бл. г. Симферополя)	6	3	5	1	15
Таганрогская колония	6	-	15	-	21
Тамбовский приют	3	1	-	-	4
Тверская колония	5	-	7	2	14
Томская колония	-	-	-	-	-
Тульский (Баташевский) приют	4	12	-	-	16
Уфимская колония	1	-	6	1	8
Харьковский приют	6	2	6	1	15
Херсонский приют	9	6	-	-	15
Черниговская колония	2	2	7	-	11
Эстляндский приют	2	1	7	-	10
Ярославский приют	2	-	7	6	15

Таблица А.11 – распределение по состоянию здоровья воспитанников в воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних в Российской империи

Наименование заведения	Состояние здоровья воспитанников			
	Умерли	Лечились в больнице вне заведения	Лечились (стационарно) в лазарете заведения	Общее число дней, проведенных питомцами в больнице или лазарете
Астраханская колония	1	10	-	328
Большевский приют для девочек (бл. г. Москвы)	1	1	38	-
Виленская колония	-	9	36	360
Витебская колония	-	4	6	62
Владимирская колония	1	4	174	1052
Вологодская колония	-	-	-	-
Вольнский приют	-	6	13	36
Вятский приют	-	13	-	144
Екатеринославская, Александринская колония	1	2	10	156
Елецкая колония	-	-	-	-
Иркутский приют	-	8	4	182
Казанский приют	-	1	5	70
Калужский приют	-	33	-	-
Киевская колония	1	5	-	87
Кишиневская (Миренская) колония	-	18	-	158
Костромской приют	1	10	-	172
Кубанский приют для мальчиков	1	5	17	90
Кубанский приют для девочек	-	-	-	-
Курская колония	-	-	59	-
Мологский приют	-	5	-	440
Нижегородская колония	-	-	-	-

Продолжение Таблицы А.11

Наименование заведения	Состояние здоровья воспитанников			
	Умерли	Лечились в больнице вне заведения	Лечились (стационарно) в лазарете заведения	Общее число дней, проведенных питомцами в больнице или лазарете
Одесский приют	1	6	18	230
Пермский приют	-	7	32	108
Подольская колония	-	3	13	163
Полтавская колония	-	4	7	105
Пущинский приют (бл. г. Варшавы)	-	-	27	148
Рижская колония	-	1	6	30
Рукавишниковский приют (в г. Москва)	2	14	131	1162
Фидлер. колония (отдел Рукавиш. приюта)	-	-	-	-
Рязанский приют	-	2	-	12
С.-Петербургская колония	2	3	280	2624
С.-Петербургский приют для девочек	-	2	3	143
Саратовский (Галкина-Враского) приют	-	1	23	108
Симбирский приют	-	2	3	50
Смоленская колония	-	4	12	100
Студзенецкая колония (бл. г. Варшавы)	1	2	253	588
Таврический приют (бл. г. Симферополя)	-	3	17	64
Таганрогская колония	-	1	-	10
Тамбовский приют	-	5	-	22
Тверская колония	-	3	-	52
Томская колония	-	-	-	-

Окончание Таблицы А.11

Наименование заведения	Состояние здоровья воспитанников			
	Умерли	Лечились в больнице вне заведения	Лечились (стационарно) в лазарете заведения	Общее число дней, проведенных питомцами в больнице или лазарете
Тульский (Баташевский) приют	-	17	-	60
Уфимская колония	-	1	-	81
Харьковский приют	-	4	5	161
Херсонский приют	-	2	-	28
Черниговская колония	-	1	-	11
Эстляндский приют	-	4	-	43
Ярославский приют	-	11	70	210

Таблица А.12 – распределение по совершенным правонарушениям воспитанников в воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних в Российской империи

Наименование заведения	Деяния, за которые несовершеннолетние были отданы в заведение											
	Кража	Грабеж и разбой	Поджог	Преступление против нравственности	Растрата	Мошенничество	Убийство или покушение на него	Проступки против общ. порядка, нищенство и бродяжничество	Оскорбление родителей	Святотатство	Другие правонарушения	Итого
Астраханская колония	12	-	-	-	-	-	1	2	-	-	-	15
Большевский приют для девочек (бл. г. Москвы)	2	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	5
Виленская колония	37	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	39
Витебская колония	36	-	2	-	-	-	1	-	-	-	-	39
Владимирская колония	45	1	-	-	-	-	3	-	-	-	-	49
Вологодская колония	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	8
Волынский приют	7	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	9
Вятский приют	11	-	-	-	-	-	1	-	-	-	11	23
Екатеринославская, Александринская колония	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Елецкая колония	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Иркутский приют	20	-	-	2	1	2	-	6	3	-	5	39
Казанский приют	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3
Калужский приют	8	2	-	-	-	-	1	-	-	-	-	11
Киевская колония	11	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	13

Продолжение Таблицы А.12

Наименование заведения	Деяния, за которые несовершеннолетние были отданы в заведение											
	Кража	Грабеж и разбой	Поджог	Преступление против нравственности	Растрата	Мошенничество	Убийство или покушение на него	Проступки против общ. порядка, нищенство и бродяжничество	Оскорбление родителей	Святотатство	Другие правонарушения	Итого
Кишиневская (Миренская) колония	21	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	21
Костромской приют	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8
Кубанский приют для мальчиков	12	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	12
Кубанский приют для девочек	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Курская колония	19	-	1	1	-	-	-	2	-	-	-	23
Мологский приют	5	-	-	-	-	-	-	5	-	-	-	10
Нижегородская колония	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Одесский приют	17	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	17
Пермский приют	6	-	-	1	-	-	1	-	-	-	1	9
Подольская колония	10	-	2	2	-	-	-	-	-	-	-	14
Полтавская колония	5	-	-	1	-	-	-	-	-	-	2	8
Пушинский приют (бл. г. Варшавы)	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	2
Рижская колония	14	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	16
Рукавишниковский приют (в г. Москва)	31	-	-	-	4	-	-	2	-	-	-	37

Таблица А.13 – распределение по занятиям в учреждениях воспитанников в воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних в Российской империи

Наименование заведения	Обучались ремеслам																	
	Кузнечно-столярное	Сапожное	Портяжное	Столярное	Токарное	Плотничное	Резное	Корзиночное	Шорное	Ткацкое	Переплетное	Фулярное	Малярное	Тележное	Земледелие	Огородничество	Садоводство и пчеловодство	По хозяйству
Астраханская колония	5	16	-	12	-	37	-	-	-	-	4	-	-	-	Все			
Большевский приют для девочек (бл. г. Москвы)	-	18	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Виленская колония	25	20	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11
Витебская колония	-	-	-	-	17	-	-	-	-	-	-	-	-	17	-	-	-	49
Владимирская колония	27	38	31	34	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Все			
Вологодская колония	-	20	-	6	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	26			
Волынский приют	-	-	-	12	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Все	-	Все
Вятский приют	11	20	-	32	-	-	-	-	-	-	-	-	12	-	Все			
Екатеринославская, Александринская колония	-	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	52	-	54

Продолжение Таблицы А.13

Наименование заведения	Обучались ремеслам																	
	Кузнечно-столярное	Сапожное	Портяжное	Столярное	Токарное	Плотничное	Резное	Корзиночное	Шорное	Ткацкое	Переплетное	Фуглярное	Малярное	Тележное	Земледелие	Огородничество	Садоводство и пчеловодство	По хозяйству
Елецкая колония	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Иркутский приют	-	8	-	5	-	-	-	-	-	-	8	-	-	-	5	-	5	3
Казанский приют	7	5	-	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Калужский приют	-	-	-	43	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Все			
Киевская колония	-	22	-	25	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Кишиневская (Миренская) колония	20	20	-	14	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Костромской приют	-	12	-	12	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кубанский приют для мальчиков	8	26	-	-	-	-	-	-	-	-	20	-	-	-	Все			
Кубанский приют для девочек	Все воспитанники обучались шитью и рукоделию и приучались к домашнему хозяйству																	
Курская колония	9	18	17	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	4	-	3
Мологский приют	-	-	-	27	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Все			-
Нижегородская колония	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Одесский приют	11	15	-	14	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9
Пермский приют	8	3	7	16	6	1	10	-	-	-	-	-	2	-	35			

Продолжение Таблицы А.13

Наименование заведения	Обучались ремеслам																	
	Кузнечно-столярное	Сапожное	Портяжное	Столярное	Токарное	Плотничное	Резное	Корзинное	Шорное	Ткацкое	Переплетное	Футлярное	Малярное	Тележное	Земледелие	Огородничество	Садоводство и пчеловодство	По хозяйству
Подольская колония	-	36	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Все			
Полтавская колония	2	10	-	14	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Все			
Пушинский приют (бл. г. Варшавы)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		10	-	
Рижская колония	-	17	13	18	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		14	-	
Рукавишниковский приют (в г. Москва)	32	35	1	28	7	-	-	11	-	-	24	-	5	-	-	-	-	
Фидлер. колония (отдел Рукавиш. приюта)	12	15	-	21	-	-	-	-	3	-	-	-	-	23	Все	2	-	-
Рязанский приют	-	9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Все			
С.-Петербургская колония	30	28	21	35	-	-	-	-	24	-	-	-	-	-	39			
С.-Петербургский приют для девочек	Занимались грамотой, шитьем, вязанием и вышиванием														Все			
Саратовский (Галкина-Враского) приют	11	13	-	12	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	-	14	-

Продолжение Таблицы А.13

Наименование заведения	Обучались ремеслам																	
	Кузнечно-столярное	Сапожное	Портяжное	Столярное	Токарное	Плотничное	Резное	Корзиночное	Шорное	Ткацкое	Переплетное	Фулярное	Ммалярное	Тележное	Земледелие	Огородничество	Садоводство и пчеловодство	По хозяйству
Симбирский приют	-	8	-	9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	26			
Смоленская колония	-	18	-	12	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Все			
Студзенецкая колония (бл. г. Варшавы)	19	18	19	23	23	7	-	-	-	-	-	-	15	12	14	14	-	
Таврический приют (бл. г. Симферополя)	-	15	-	32	32	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	15	13	
Таганрогская колония	-	-	-	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	10	
Тамбовский приют	-	-	-	16	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9	9	9	9	
Тверская колония	14	-	-	18	-	-	-	-	-	-	-	-	-	32	32	32	-	
Томская колония	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Тульский (Баташевский) приют	-	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	45	-	
Уфимская колония	-	-	-	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11	11	11	11	

Окончание Таблицы А.13

Наименование заведения	Обучались ремеслам																	
	Кузнечно-столярное	Сапожное	Портяжное	Столярное	Токарное	Плотничное	Резное	Корзиночное	Шорное	Ткацкое	Перелетное	Фулярное	Ммалярное	Тележное	Земледеле	Огородничество	Садоводство и пчеловодство	По хозяйству
Харьковский приют	-	-	-	28	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	24	24	24	24
Херсонский приют	-	14	-	18	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Черниговская колония	-	10	-	9	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	Все			2
Эстляндский приют	-	12	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ярославский приют	-	19	-	15	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Все			4

Таблица А.14 – распределение выбывших воспитанников из воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних в Российской империи

Наименование заведения	Основание выбытия								
	Умерли	Бежали	Окончание срока и достижение 18 лет	Досрочное освобождение	Отданы на попечение родителям	Удалены за дурное поведение	Переданы судебной власти и полиции	Нашли новое место и занятие	Итого
Астраханская колония	1	-	2	7	-	-	1	-	11
Большевский приют для девочек (бл. г. Москвы)	1	-	2	-	2	-	2	3	10
Виленская колония	-	12	10	6	-	-	-	-	28
Витебская колония	-	-	8	6	-	-	-	8	22
Владимирская колония	1	-	16	17	-	-	2	-	36
Вологодская колония	-	2	7	4	-	-	-	-	13
Волынский приют	-	-	3	3	1	-	1	-	8
Вятский приют	-	-	14	4	4	-	3	-	25
Екатеринославская, Александринская колония	1	12	1	-	2	-	1	-	17
Елецкая колония	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Иркутский приют	-	12	4	3	-	-	3	1	23
Казанский приют	-	-	2	1	-	-	-	-	3
Калужский приют	-	2	7	3	-	-	-	1	13
Киевская колония	1	-	7	3	-	-	-	-	11

Продолжение Таблицы А.14

Наименование заведения	Основание выбытия								
	Умерли	Бежали	Окончание срока и достижение 18 лет	Досрочное освобождение	Отданы на попечение родителям	Удалены за дурное поведение	Переданы судебной власти и полиции	Нашли новое место и занятие	Итого
Кишиневская (Миренская) колония	-	10	4	-	5	-	-	-	19
Костромской приют	1	1	1	2	1	-	-	-	6
Кубанский приют для мальчиков	1	1	4	-	2	-	3	9	20
Кубанский приют для девочек	-	-	1	-	-	-	-	-	1
Курская колония	-	5	9	4	-	-	-	-	18
Мологский приют	-	-	1	-	-	-	-	8	9
Нижегородская колония	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Одесский приют	1	7	12	-	1	-	2	-	23
Пермский приют	-	-	3	1	-	-	-	-	4
Подольская колония	-	4	7	-	-	-	-	-	11
Полтавская колония	-	-	2	2	-	-	-	-	4
Пуцинский приют (бл. г. Варшавы)	-	-	2	1	-	-	-	-	3
Рижская колония	-	3	5	6	3	-	1	-	18
Рукавишниковский приют (в г. Москва)	2	-	31	-	-	-	-	-	33

Окончание Таблицы А.14

Наименование заведения	Основание выбытия								
	Умерли	Бежали	Окончание срока и достижение 18 лет	Досрочное освобождение	Отданы на попечение родителям	Удалены за дурное поведение	Переданы судебной власти и полиции	Нашли новое место и занятие	Итого
Тульский (Баташевский) приют	-	-	4	1	2	-	-	2	9
Уфимская колония	-	1	-	1	5	-	-	-	7
Харьковский приют	-	3	7	-	5	-	-	-	15
Херсонский приют	-	-	-	12	1	-	-	-	13
Черниговская колония	-	1	1	2	1	-	1	-	6
Эстляндский приют	-	1	1	2	-	-	-	-	4
Ярославский приют	2	-	9	3	-	-	-	-	14

Таблица А.15 – распределение воспитанников по роду деятельности при выбытии из воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних в Российской империи

Наименование заведения	Помещены в мастерские и на заводы; занимались самостоятельным ремеслом	Оставлены при заведении подмастерьями	Отправлены на родину или к родителям	Занимались сельским хозяйством и садоводством	В услужении, занимают должность, имеют другие занятия	Вновь осуждены	Умерли	Неизвестно	Итого
Астраханская колония	2	1	3	1	2	-	1	1	11
Большевский приют для девочек (бл. г. Москвы)	5	-	-	3	-	-	2	-	10
Виленская колония	-	2	14	-	-	-	-	12	28
Витебская колония	2	1	18	-	-	1	-	-	22
Владимирская колония	5	1	5	5	4	2	1	13	36
Вологодская колония	-	-	13	-	-	-	-	-	13
Волынский приют	1	-	4	-	2	-	-	1	8
Вятский приют	4	-	12	8	-	1	-	-	25
Екатеринославская, Александринская колония	1	-	2	-	-	1	-	13	17
Елецкая колония	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Иркутский приют	-	-	4	1	3	12	-	3	23
Казанский приют	-	-	-	-	2	-	-	1	3
Калужский приют	-	2	1	5	3	-	-	2	13
Киевская колония	-	4	5	-	-	-	1	1	11

Окончание Таблицы А.15

Наименование заведения	Помещены в мастерские и на заводы; занимались самостоятельным ремеслом	Оставлены при заведении подмастерьями	Отправлены на родину или к родителям	Занимались сельским хозяйством и садоводством	В услужении, занимают должность, имеют другие занятия	Вновь осуждены	Умерли	Неизвестно	Итого
Тульский (Баташевский) приют	-	-	2	4	3	-	-	-	9
Уфимская колония	1	-	4	1	-	-	-	1	7
Харьковский приют	-	1	11	-	-	-	-	3	15
Херсонский приют	8	-	-	4	1	-	-	-	13
Черниговская колония	-	-	2	-	1	-	-	3	6
Эстляндский приют	2	-	-	-	2	-	-	-	4
Ярославский приют	-	-	10	-	2	1	1	-	14

Таблица А.16 – сведения о несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет, содержащихся в тюрьмах Российской империи в 1908 году

Возраст	Категории	Состояло к 1 января 1908 года		Прибыло				Убыло				К 1 января 1908 г. оставалось		Общее число несовершеннолетних, прошедших через тюрьму или арестный дом	
		М	Ж	Поступило в места заключения		Переведены из др. разрядов		Убыло из мест заключения		Переведены в др. разряды		М	Ж		
От 10 до 14 лет				М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж		
		Состоявшие под судом и следствием	14	2	101	4	-	-	81	6	4	-	30	-	121
		Осужденные к заключению в тюрьме или арестных домах	8	5	53	6	4	-	51	11	-	-	14	-	76
		Содержавшиеся в тюрьме или арестных домах вместо отдачи в воспитательно-исправительное заведение	1	-	16	1	1	-	18	1	-	-	-	-	19
		Итого	23	7	170	11	5	-	150	18	4	-	44	-	216

Окончание Таблицы А.16

Возраст	Категории	Состояло к 1 января 1908 года		Прибыло				Убыло				К 1 января 1908 г. оставалось		Общее число несовершеннолетних, прошедших через тюрьму или арестный дом
		М	Ж	Поступило в места заключения		Переведены из др. разрядов		Убыло из мест заключения		Переведены в др. разряды		М	Ж	
				М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж			
От 14 до 17 лет	Состоявшие под судом и следствием	359	15	1396	106	3	1	1194	101	120	-	444	21	1880
	Осужденные к заключению в тюрьме или арестных домах	259	10	1163	114	73	1	1185	104	3	-	307	21	1620
	Содержавшиеся в тюрьме или арестных домах вместо отдачи в воспитательно-исправительное заведение	18	-	63	2	10	-	67	2	-	-	24	-	93
	Итого	636	25	2622	222	86	2	2446	207	123	-	775	42	3593
	Всего	659	32	2797	233	91	2	2596	225	127	-	819	42	3809

Таблица А.17.1 – сведения о несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет, содержащихся в арестных домах, арестантских помещениях, полицейских арестах Российской империи в 1908 году

Возраст	Категории	Состояло к 1 января 1908 года		Прибыло				Убыло				К 1 января 1908 г. оставалось		Общее число несовершеннолетних, прошедших через тюрьму или арестный дом	
		М	Ж	Поступило в места заключения		Переведены из др. разрядов		Убыло из мест заключения		Переведены в др. разряды		М	Ж		
От 10 до 14 лет				М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж		
		Состоявшие под судом и следствием	16	1	347	52	2	-	330	46	19	5	16	2	418
		Осужденные к заключению в тюрьме или арестных домах	10	2	337	41	7	-	347	43	1	-	6	-	397
		Содержавшиеся в тюрьме или арестных домах вместо отдачи в воспитательно-исправительное заведение	1	2	50	3	-	-	46	5	1	-	4	-	56
		Итого	27	5	734	96	9	-	723	94	21	5	26	2	871

Окончание Таблицы А.17.1

Возраст	Категории	Состояло к 1 января 1908 года		Прибыло				Убыло				К 1 января 1908 г. оставалось		Общее число несовершеннолетних, прошедших через тюрьму или арестный дом
		М	Ж	Поступило в места заключения		Переведены из др. разрядов		Убыло из мест заключения		Переведены в др. разряды		М	Ж	
				М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж			
От 14 до 17 лет	Состоявшие под судом и следствием	96	8	1940	294	18	1	1824	261	127	24	103	18	2357
	Осужденные к заключению в тюрьме или арестных домах	108	11	2536	278	47	20	2543	284	33	7	115	18	3000
	Содержавшиеся в тюрьме или арестных домах вместо отдачи в воспитательно-исправительное заведение	10	1	132	22	1	-	130	23	1	-	12	-	166
	Итого	214	20	4608	594	66	21	4497	568	161	31	230	36	5523
	Всего	241	25	5342	690	75	21	5220	662	182	36	256	38	6394

Таблица А.17.2 – сведения о несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет, содержащихся в арестных домах, арестантских помещениях, полицейских арестах Российской империи в 1908 году

	Категории	Содержались			Содержались в течение всего времени пребывания в заключении или большую часть этого времени			Пользовались школьным обучением в течение всего заключения	Обучались в течение меньшего времени	Вовсе не обучались	Были заняты работами: хозяйство, ремесло (в течение всего периода заключения или большую часть этого времени)	Были заняты работами: хозяйство, ремесло (в течение меньшего периода времени)	Оставались без занятий
		Менее 1 мес.	От 1 до 3 мес.	Свыше 3 мес.	Содержались в одиночных камерах	В общем заключении совместно с несовершеннолетними (от 10 до 17 лет)	Совместно со взрослыми и несовершеннолетними (от 17 до 21 года)						
От 10 до 14 лет	Состоявшие под судом и следствием	333	71	14	54	126	238	-	-	418	-	-	418
	Осужденные к заключению в тюрьме или арестных домах	314	47	36	17	164	216	1	-	396	1	-	396
	Содержавшиеся в тюрьме или арестных домах вместо отдачи в воспитательно-исправительное заведение	45	7	4	4	30	22	1	-	55	-	-	56
	Итого	692	125	54	75	320	476	2	-	869	1	-	870

Окончание Таблицы А.17.2

	Категории	Содержались			Содержались в течение всего времени пребывания в заключении или большую часть этого времени			Пользовались школьным обучением в течение всего заключения	Обучались в течение меньшего времени	Вовсе не обучались	Были заняты работами: хозяйство, ремесло (в течение всего периода заключения или большую часть этого времени)	Были заняты работами: хозяйство, ремесло (в течение меньшего периода времени)	Оставались без занятий
		Менее 1 мес.	От 1 до 3 мес.	Свыше 3 мес.	Содержались в одиночных камерах	В общем заключении совместно с несовершеннолетними (от 10 до 17 лет)	Совместно со взрослыми и несовершеннолетними (от 17 до 21 года)						
От 14 до 17 лет	Состоявшие под судом и следствием	1761	449	147	245	1180	932	-	-	2357	36	100	2221
	Осужденные к заключению в тюрьме или арестных домах	2224	602	174	200	1139	1661	1	-	2999	16	61	2923
	Содержавшиеся в тюрьме или арестных домах вместо отдачи в воспитательно-исправительное заведение	131	26	9	6	60	100	-	-	166	-	-	166
	Итого	4116	1077	330	351	2379	2693	1	-	5522	52	161	5310
	Всего	4808	1202	384	426	2699	3169	3	-	6391	53	161	6180

**Проект законоположений об ответственности малолетних и
несовершеннолетних преступников, разработанный Н.С. Таганцевым**

§ 1.

Дети, не достигшие при совершении преступления 12 лет, не подлежат уголовному преследованию.

§ 2.

Малолетние от 12 до 17 лет, признанные учинившими преступление с разумием, приговариваются:

1. За преступления, подвергающие лишению всех прав состояния и смертной казни или ссылке на каторжную работу – к отдаче в исправительные приюты на срок не менее 4-х лет и без лишения прав.

2. За преступления, подвергающие лишению всех прав состояния и ссылке на поселение, или лишению всех особенных прав и преимуществ и ссылке на житье в Сибирь или отдаленные губернии, или заключению в арестантских гротах или в рабочем доме – к отдаче в приюты на срок не менее 3-х лет и также без лишения прав.

3. За преступления, подвергающие заключению в крепость, в смиренный дом или тюрьму – к отдаче в приют на срок не менее 2-х лет, и также без лишения или ограничения прав.

4. За преступления, подвергающие аресту, денежному штрафу, выговору, замечанию или внушению – выговору со стороны суда.

5. За преступления, учиненные по неосторожности, малолетние от 12 до 17 лет не подлежат уголовному преследованию.

Примечание. Малолетние остаются в приютах до достижения 19 лет; в случае же признания их исправившимися, начальство приютов может освободить их и ранее этого периода, но во всяком случае не ранее истечения сроков, указанных в пунктах 1,2 и 3.

§ 3.

Малолетние, для которых назначенный судом наименьший срок заключения в приютах истекает по достижении 19 лет, переводятся по достижении этого возраста в особые отделения при тюрьмах.

Срок пребывания в этих тюрьмах не может быть продолжительнее двойного срока, указанного в пункте 1-м и 2-м § 2. Но начальству тюрьмы предоставляется право освобождать исправившихся и по истечении 2/3 полного срока.

§ 4.

Малолетние, наказанные за преступления, влекущие заключение под арест и вновь признанные виновными в таковых же – могут быть отданы в исправительные приюты, на срок не менее 2-х лет.

§ 5.

Малолетние от 12 до 17 лет, признанные действовавшими без разума, хотя и не подлежат наказанию, но могут быть отданы судом или их родителям, родственникам или опекунам для строгого за ними присмотра, или помещены в один из воспитательных приютов.

§ 6.

Дела о малолетних, подсудные окружным судом, выдаются без участия присяжных заседателей.

Но в случае соучастия в преступлении совершеннолетних, дела сего рода рассматриваются по общим правилам о подсудности.

Кроме того, я предложил бы следующие изменения в постановлениях об ответственности несовершеннолетних.

Статью 139 изложить так:

«Несовершеннолетние, от 17 до 21 года, за совершение преступлений, влекущих лишение всех прав состояния, подвергаются тем же наказаниям,

как и совершеннолетние, но с тою лишь разницею, что время работ сокращается одною третью, а вместо смертной казни и отдачи в каторжную работу без срока, они приговариваются к каторге на 20 лет».

Статью 140 изложить так:

«За преступления и проступки менее тяжкие, несовершеннолетние, от 17 до 21 года, подвергаются тем же наказаниям как и совершеннолетние, но с уменьшением меры оных на 1 или по усмотрению суда, и на 2 степени и во всяком случае без лишения или ограничения прав».

Затем статьи 142 и 143 оставить без изменения, а статью 144 изложить так:

«За преступления, учиненные по неосторожности, несовершеннолетние от 17 до 21 года уголовному преследованию не подлежат».

Статью 145 изложить так:

«Несовершеннолетние во всех местах заключения содержатся отдельно от совершеннолетних», а ст. 146 отменить и по отношению к несовершеннолетним, предоставляя здесь применять общие правила о повторении.

Сообщение Н.С. Таганцева о проекте нового закона о малолетних

Начиная с первого же съезда представители земледельческих колоний и ремесленных приютов в России обмениваясь данными опыта, обсуждая и разрешая сомнения, которые у них возникли, не раз встречались с недостатками нашего уголовного законодательства.

Новый законопроект предполагает следующие меры по всем делам, которые подлежат суду с участием присяжных заседателей и, следовательно, по которым обязательно предварительное следствие. На судебных следователях возлагается обязанность, при производстве предварительного следствия, независимо от собрания доказательств виновности, собирать подробный сведения о личности малолетних, о степени их умственного и нравственного развития, об их характере и поведении, об обстановке, обуславливающей их порочное развитие. Все производство по собранным данным через прокурора вносится в окружной суд, который рассматривает эти данные в распорядительном заседании, извещая об этом родителей, родственников или иных лиц, у которых находится на попечении малолетний, и призывая, если это будет найдено нужным, в заседание самого обвиняемого. В случае возникновения сомнений о разумения малолетнего, по требованию прокурора или по ходатайству представителя малолетнего, суд приглашает в заседание для участия в качестве экспертов врачей и педагогов, в лице директора исправительного приюта или одного из опытных воспитателей такого приюта, или вообще лиц, заведующих приютами и училищами для малолетних. По рассмотрении дела и по разрешении вопроса о неполноте разумения, суд или постановляет о прекращении преследования, избирая вместе с тем по отношению к признанным виновным в учиненном деянии одну из мер охраны, т. е. или отдачу родителям и родственникам, или помещение в приют, или же, находя неполноту разумения, возвращает дело к прокурору для направления в общем порядке.

Из других указаний этого проекта наиболее существенным представляется следующее: предполагается возможное ограничение случаев подсудственного ареста малолетних как в общей, так и в мировой подсудности, так, арест предполагается допустить лишь в том случае, если малолетний может быть содержим во время ареста в местном исправительном заведении; в противном же случае арест должен быть заменен или отдачей под надзор тех лиц, у которых он находился на попечении, или отдачей на поруки или под надзор полиции, которая может в этом случае поместить малолетнего в заведение приказов обществ, призрения, или в монастыри, или даже отдать, признаваемыми благонадежными, частным лицам. Затем имеется в виду расширение прав представителей и защитников малолетних на суде. В первом отношении предполагается вызывать к мировому судье, а равно и в общие суды родителей, опекунов, воспитателей и вообще всех лиц, у которых будут находиться на попечении малолетние, при чем в мировых установлениях, в случае проживания или пребывания этих лиц в округ судьи, явка их может быть сделана обязательною, в прочих же случаях она предоставляется на их усмотрение. Такое привлечение этих лиц к участию в процессе имеет двойное значение. С одной стороны они должны восполнить личность малолетнего и содействовать законной защите его прав, а с другой они должны содействовать судьям в выяснении личности подсудимого и его развития, в видах правильного применения уголовной кары. Независимо от этого, в общих судебных местах предположено более обеспечить защиту малолетних, сделав назначение им защитника во всяком случае обязательным, при чем в видах осуществлена этой меры, на необходимость которой и прежде указывала наша практика, предположено расширить круг лиц, из числа коих могут быть назначаемы председателем суда защитники, относя сюда частных поверенных, служащих в канцелярии суда и частных лиц, благонадежность которых известна председателю. Далее, проект предполагает изменение подсудности дел о малолетних, во-первых, изъяв

дела этого рода из сведений присяжных заседателей и, во-вторых, допустив выделение дел о малолетних в особое производство в случае их соучастия со взрослыми, насколько это может представляться возможным. По отношению уголовного процесса намечены два крупные изменения: во-первых, устранение публичности судебного производства, следовательно пополнение ст. 620, и, во-вторых устранение той же публичности по отношению мировых судей, так как признается, что появление малолетнего на публичном суд, с его более или менее торжественной обстановкой, крайне вредно действует на его характер и нравственность, ослабляет в нем спасительное чувство стыда и страха перед перспективой тяжелого положения уголовно - обвиняемого. Наконец, проект предполагает допустить, по усмотрению председательствующего, удаление малолетнего из залы заседания суда во время некоторых частей уголовного процесса, именно во время заключительных прений, в виду того, что слушание речей защитника и прокурора вносит сумятицу в неокрепшую еще душу малолетнего, не понимающего значение совершенного им преступления. Этим перечнем исчерпываются существенный изменения, которые предполагается внести в Устав уголовного судопроизводства. Но кроме того, предполагаются изменения материального законодательства, и по проекту они сводятся к двум пунктам: 1) изменение ст. 11 Уст. о Наказ, в том смысле, что мировым судьям предоставляется, в случае приговора малолетнего к отдаче родителям или родственникам, делать в возможно простой форме как самим обвиняемым, так их законным представителям разъяснения о значении совершенного малолетним поступка и применяемой судьей меры. 2) В отмене для малолетних от 10 до 14 лет, а равно и для подростков 14—17 лет, хотя бы действовавших с разумением, применения каторжной работы и ссылки на поселение, так как трудно даже представить себе положение еще нуждающихся в помощи и заботах малолетних или несовершеннолетних, оторванных от семьи и посланных в каторжный работы и на поселение, где они, во всей их последующей жизни, будут предоставлены только их

собственным недостаточным силам. А между тем при действиях существующих карательных постановлений, случаи применения указанных тяжких наказаний, не соответствующих возрасту малолетних и несовершеннолетних, относительно, но редки. За трехлетие с 1891 по 1893 год к каторжным работам от 10 до 12 лет приговорено одно лицо, в возрасте 16 лет; на срок от 8 до 10 лет – 3, в возрасте 16 лет; на срок от 6 до 8 лет – 1, в возраст 14 лет, 2 – в возрасте 15 лет и 5 – в возрасте 16 лет; на срок 6 лет и менее: 1 – в возраст 14 лет, 4 – в возрасте 15 лет и 12 – в возрасте 16 лет. На поселение в Сибирь приговорено 42 лица, из них: 1 – в возрасте 11 лет, 2 – в возрасте 12 лет, 1 – в возрасте 13 лет, 2 – в возрасте 14 лет, 9 – в возрасте 15 лет и 27 – в возрасте 16 лет. Следовательно, вопрос этот представлялся действительно практически часто и теперь. По предположениям проекта взамен этих наказаний предполагают заключать малолетних в тюрьме.

«Судебный случай, в котором выражается положение в отечественном законодательстве вопроса о молодых преступниках»

В 1875 году летом случилось мне посетить заседание Петербургского Окружного Суда. Заседание был самое ординарное. Скамьи, предназначенные для публики, были полузаняты. Не было на сцене ни прокурорских преувеличений, ни адвокатских натяжек. Обвинитель и защитник объяснялись просто, без прикрас, без ужимок красноречия, без страстности. Видно было, что рассматривается дело какого-то бедняка – и рассматривается без гнева и досады с одной, без ожидания с другой стороны. Начались судебные прения. В заключение своей речи защитник, к удивлению многих, умолял присяжных произнести не оправдательный, а обвинительный приговор над его клиентом. Защитник, умоляющий признать его клиента виновным, – не правда ли явление несколько странное и необычное! Спросите меня: что за оригинальный был защитник, который просил, вопреки всем обычаям, обвинить его клиента? Уже ли он изменил обязанностям своего звания, которые если не повелевают делать из черного белое, то однако ж и не дозволяют защитнику способствовать отягчению участи своего клиента? Нет, он был самым добросовестным защитником. Эта странность объясняется тем, что на скамье подсудимых сидел мальчик 13-14 лет, рецидивист, который совершил три-четыре кражи и успел отсидеть свой срок в тюрьме. Предстояло одно из двух. Оправдай присяжные этого мальчика, он должен был быть выпущен на все четыре стороны, - он принадлежал чуть не к бездомным, - с тем, чтобы в скором времени опять явиться на скамье подсудимых, может быть, за более тяжкое преступление. Между тем как обвинительный приговор мог быть соединен с постановлением об отдаче испорченного дитяти в колонию для исправления малолетних преступников. Этому-то и добивался добросовестный защитник.

**Об отдаче в исправительные приюты арестантов из
несовершеннолетних, состоящих под следствием или судом, и порядок
доставления несовершеннолетних в эти приюты
(7 ноября 1892 года № 86)**

Соединенные департаменты законов, государственной экономики и гражданских и духовных дел, рассмотрев данный вопрос в присутствии Министра внутренних дел, товарищей министров юстиции и финансов, тайного советника Иващенко, а также товарища государственного контролера, отнеслись с особой важностью к предположениям Статс-Секретаря об изменении порядка заключения и пересылки несовершеннолетних, состоящих под следствием и судом. В документе подчеркивается, что «расширяя полезную деятельность существующих у нас исправительных заведений, проектируемые меры бесспорно составляют дальнейший и при этом серьезный шаг к более полному ограждению несовершеннолетних преступников от тех вредных последствий, с которыми сопряжены содержание их в общих тюрьмах и совместная пересылка с взрослыми арестантами. Вследствие этого, признав узаконивание означенных мер весьма желательными, Департамент обратился к подробностям дела, при чем остановились на следующем:

1) По смыслу статей I и II заключения Министра Внутренних Дел, отдаче подследственных несовершеннолетних арестантов в исправительные приюты, а равно новому порядку пересылки их в эти заведения не предполагается присваивать обязательного характера, а допускать эти меры там, где применение их окажется возможным.

Вполне разделяя эту мысль, Департамент считает нужным дополнить ее указанием, что обозначенные меры принимаются по соглашению судебных и следственных властей с управлениями приютов. Такое указание было бы необходимо, прежде всего, в интересах самих исправительных заведений, так как открывало бы им возможность отказаться от приема

подследственных арестантов и командирования своих служащих для их препровождения в тех случаях, когда осуществление мер по причине ограниченности средств заведения или иным причинам являлось бы затруднительным. С другой стороны, включение предположенной оговорки было бы желательно и с точки зрения интересов правосудия, так как давало бы судебным и следственным властям возможность (исходя их свойства и важности обвинения) или подвергнуть несовершеннолетнего заключению в исправительном приюте или же применить к нему одну из общих установленных законом мер пресечения способов уклонения от следствия и суда.

2) В статье I заключения выражено, что отдаче в исправительные приюты подлежат обвиняемые и подсудимые от 10 до 17 лет. Между тем в уставах некоторых исправительных заведений содержатся правила, не допускающие приема в эти заведения несовершеннолетних старше 14 лет (с. 33 устава земледельческих колоний близ Петербурга).

В виду этого, не усматривая основания отменять те особые условия, какие установлены для приема в отдельные приюты по воле их учредителей и жертвователей, - Департаменты признают необходимым дополнить статью I в том смысле, что ею не отменяются содержащиеся в уставах отдельных исправительных заведений особые правила о возрасте несовершеннолетних, которые могут быть принятыми в эти заведения.

3) Согласно статье III, препровождение несовершеннолетних арестантов под надзором лиц, отряженных от исправительных приютов, предположено допускать только при доставлении подобных арестантов а приюты.

Департаменты не находят достаточных поводов ограничивать применение нового порядка препровождения несовершеннолетних лишь случаями доставления их в исправительные приюты. Было бы напротив крайне желательно, чтобы этот порядок, признаваемый более целесообразным, применялся также и в случаях отправления

несовершеннолетних из приютов в судебные места, камеры судебных следователей и т.п. К изменению в этом смысле настоящего закона представлялось бы тем меньше препятствий, что предлагаемая мера не имеет обязательного характера и открывает лишь больший простор судебным властям и администрации приютов в выборе способов препровождения малолетних преступников. Вследствие этого, Департаменты находят нужным соответственно исправить обсуждаемую статью III заключения, а равно согласовать с ней статью IV, в которой определяется порядок возмещения из казны расходов, связанных с препровождением малолетних арестантов под надзором лиц, служащих в исправительных приютах.

Общества пособия несовершеннолетним

Общество пособия несовершеннолетним, освободившимся из мест заключения, было открыто в 1878 году.

Устав Общества пособия несовершеннолетним, освободившимся из мест заключения (утвержден 24 ноября 1878 года президентом, министром внутренних дел, генерал-адъютантом Тимашевым), определил, что: «Общество имело целью оказывать помощь несовершеннолетним обою пола, освобожденным из мест заключения и исправительных приютов для утверждения их в честной, трудолюбивой жизни и предупреждения дальнейшего падения». Попечение Общества распространялось только на тех несовершеннолетних, которые своим поведением подавали надежду на возможность нравственного исправления и возвращения к честному труду. Также Уставом определялось, что для достижения изложенной в п.1 цели Общество подыскивало принятым им на свое попечение несовершеннолетним соответствовавшие их полу, годам, способностям и силам занятия, помещая их для этого в учебные или промышленные заведения, ремесленные приюты, на сельскохозяйственные работы и в частные семейства, известные своей нравственной и трудолюбивой жизнью. В случае невозможности подыскания занятия и помещения немедленно по освобождении несовершеннолетних из места заключения, Обществу предоставлялось право учреждать для временного призрения их в приюты и убежища с обязательной работой в них. Важным пунктом Устава являлось то, что для ознакомления с несовершеннолетними, подлежащими освобождению из мест заключения или исправительных приютов, членам общества предоставлялось право посещать тюрьмы и приюты в часы, свободные для заключенных от занятий. Для этого Общество состояло в постоянном взаимодействии с начальством данных учреждений и доставляло им список членов, которые посещали заключенных. Приняв

несовершеннолетних под свое покровительство, Общество изыскивало способы для наблюдения за ними и после устройства их судьбы. На первом этапе своего существования деятельность Общества распространялась лишь на город Санкт-Петербург и его окрестности. Но, согласно Уставу, Обществу предоставлялось право по мере развития своей деятельности открывать отделения в других местностях империи. И этот процесс шел достаточно эффективно.

Членами Общества могли быть лица обоего пола, принимавшие на себя обязанность вносить ежегодно не менее десяти рублей или содействовать достижению целей Общества посредством личных трудов или приема на свое попечение освобожденных из заключения несовершеннолетних. Звание Почетного члена предоставлялось лицам, сделавшим крупное пожертвование в пользу Общества или оказавшим Обществу особые услуги. Члены Общества, не уплатившие в течение двух лет денежного взноса или отказавшиеся от исполнения принятых обязанностей, считались сложившими с себя свое звание. Согласно Уставу, средства Общества складывались из: а) ежегодных членских взносов, б) частных пожертвований, как единовременных, так и постоянных, в) кружечных сборов, г) доходов от устраиваемых в пользу Общества выставок, чтений, концертов и т.п. общественных увеселений, д) субсидий со стороны Правительства, земства и городов.

Управление делами Общества вверялось Комитету, состоявшему из председателя, его заместителя (товарища) и десяти членов, из которых один исполнял обязанности секретаря, а другой казначея Общества. Члены Комитета избирались на три года, причем каждый год из его среды выбывало четыре члена и на их место избирались новые из восьми кандидатов, предлагаемые Комитетом. Дела в Комитете решались большинством голосов. В случае равенства голос председателя был решающим.

В обязанности Комитета входило обсуждение способов и мер, необходимых для достижения целей Общества и приведение их в

исполнение, составление ежегодных смет и отчетов, распределение между отдельными членами заданий относительно посещения мест заключения, попечение об освобожденных из заключения несовершеннолетних, поиск им занятий, распределение пособий, издание всех необходимых в деятельности Общества инструкций, правил и т.д.

Общее собрание членов Общества созывалось ежегодно в марте и имело своими задачами: а) обсуждение и рассмотрение представлений и предложений Комитета; б) рассмотрение годовых отчетов и смет и их утверждение; в) избрание членов Комитета и ревизионной Комиссии.

Для проверки годового отчета и обзора действий Комитета общее собрание избирало ежегодно из своей среды ревизионную Комиссию из трех членов. Утвержденный общим собранием отчет представлялся Комитетом Министру внутренних дел и публиковался для всеобщего сведения.

У Общества имелась особая печать с надписью: «печать Общества пособия несовершеннолетним, освобожденным из мест заключения».

«К 30 марта 1880 года в Обществе числилось 99 членов. В течение отчетного года (с 30 марта 1880 года по 30 марта 1881 года) Комитетом вновь было утверждено в этом звании 24 лица; сложили с себя звание членов Общества двое, а один Член Общества (М.Г. Пейкер) был исключен из списка по причине смерти. Всего к 30 марта 1881 года в составе Общества состояло 120 членов.

Все члены Общества были платящие, и лишь одно лицо, согласно выраженному им желанию, было освобождено Комитетом, на основании 8 п. Устава Общества, от платы членского взноса». Что касается, в частности, платящих членов, то большинство из них оплачивали свои ежегодные взносы, а двое заменяли эти взносы единовременным пожертвованием в размере 500 рублей каждый.

Изученные нами документы позволили представить состав Комитета Общества в начале 80-х годов XIX века. Так, Председателем являлся судебный деятель О.И. Квист, его заместителем (товарищем) был сенатор

М.Н. Любоцинский. Должность секретаря и казначея совмещал А.А. Шумахер. Членами Комитета состояли: графиня О.В. Левашова, княгиня Е.А. Нарышкина, Е.Е. Ваганова, А.К. Шуберт, статский советник М.П. Митков, юрист, судья, государственный и общественный деятель А.Ф. Кони, юрист, педагог, профессор уголовного права В.К. Случевский, министр финансов В.Н. Коковцев, Н.К. Шуберт.

В ходе работы Комитета его состав подвергался существенным изменениям: в течение года из него вышли Е.Е. Ваганова, Е.А. Нарышкина, Н.К. Шуберт и А.Ф. Кони, а с окончанием годовой деятельности Комитета – председатель О.И. Квист, который попросил об освобождении его от этой обязанности. Вместо этих лиц к исполнению обязанностей членов комитета были приглашены К.К. Грот, Н.А. Ваганов, А.Г. Кочетов, Н.Ф. фон-дер-Флит и Л.К. Гернет. Интересный факт, в Обществе для ротации использовали жеребьевку. Так, согласно п. 12 Устава Общества, выбыли по жребию из состава Комитета: М.Н. Любоцинский, А.К. Шуберт, В.К. Случевский и В.Н. Коковцев. Для выбора на их место Комитет представил общему собранию следующих кандидатов: русского горного инженера И.В. Рукавишникова, члена Правления ОЭО Санкт-Петербурга Г.Ф. Юнкера, И.Н. Пущина, А.А. Бенкендорфа, ученого-пенитенциариста, государственного деятеля М.Н. Галкина-Враского, сенатора К.И. Домонтовича, К.М. Гарткевича, С.Ф. Христиановича.

В этом же году успешной деятельности Общества содействовал значительным пособием Председатель Главного Общества Российских железных дорог, предоставивший в распоряжение Комитета билеты для бесплатного проезда по линии Варшавской железной дороги отсылаемых Комитетом на родину мальчиков, и Санкт-Петербургский градоначальник генерал-майор А.В. Федоров, участием которого Комитет обязан успехом помещения призреваемых им детей. В отчете указано, что бесспорно, успешная деятельность всякого общества лежит в доверии к нему со стороны

тех лиц, которые вступают с ним во взаимодействие, то это условие по отношению к Обществу есть, можно сказать, условие жизненное.

Обществу пособия несовершеннолетним, освобождаемым из мест заключения, приходилось сталкиваться с естественным недоверием хозяев и мастеров, которым призреваемые передавались на попечение. Только при устранении этого недоверия появлялась возможность хорошего выбора будущих воспитателей несовершеннолетних.

Поскольку осуществление преследуемых Обществом целей зависело от его денежных средств, достижению этих целей в значительной мере способствовал член Комитета В.К. Случевский, представивший более 690 рублей, полученных им преимущественно среди присяжных заседателей.

К 30 марта 1880 года средства Общества составляли 2177 рублей, в т.ч. 465 рублей в виде облигаций Санкт-Петербургского Городского Кредитного Общества. Остальные деньги размещались на текущем счету в Санкт-Петербургском учетном и ссудном банке. Т.о., в этот период поступило: 795 руб. членских взносов (62,5 руб. в 1879 году, 612,5 руб. в 1880 году, 120 руб. в 1881 году); 8105 руб. единовременных пожертвований (100 руб. – от генерала Ворошилова (предст. В.К. Случевским), 8000 руб. – от душеприказчиков Колосовской-Лонгиновой, 5 руб. – от А. Перетц); 948,45 руб. по сборным книжкам (12 руб. – от Е. Е. Вагановой, 100 руб. – от Н.К. Шуберта, 10 руб. – от А.А. Шумахера, 690,65 руб. – от В.К. Случевского, 83,80 руб. – от Я.М. Вульфа, 52 руб. – от Красносельского); 300,4 руб. от процентов (50 руб. – по облигациям Санкт-Петербургского Городского Кредитного Общества на сумму 2000 р. за сентябрьскую половину, 225 руб. – по облигациям того же Общества на сумму 9000 р. за мартовскую половину, 25,4 руб. – по текущему счету); 912,2 руб. от продажи двух облигаций Санкт-Петербургского Городского Кредитного Общества по 500 руб. каждая номинального достоинства, 1500 руб. от купленных трех облигации того же Общества по 500 руб. номинального достоинства, 1 руб. от разных поступлений.

Из полученных средств на найм квартиры для размещения убежища расходовалось 456 руб. в год. Проблема заключалась в том, что если помещение убежища и соответствовало по своим масштабам постоянно пребывающему числу несовершеннолетних, то являлось не вполне достаточным для размещения прибывающих по праздничным и воскресным дням мальчиков, тем более, что многие из них прибывали в убежище уже накануне вечером и, за недостатком места, их приходилось размещать и в приемной комнате, и в комнате воспитателя, и на кухне у дядьки, вообще, где только есть свободное место. И, так как при таких условиях представлялось крайне затруднительным сохранять в помещении убежища санитарные условия, а вместе с тем поддерживать в мальчиках любовь к убежищу и путем привлечения их туда сохранять влияние на их нравственность, Комитет Общества признал необходимым внести в смету расходов предстоящего года несколько большую сумму на найм квартиры, чем расходовалось ранее. «Именно взамен 456 руб. до 600 руб.».

Самым значительным событием в деятельности Комитета Общества пособия несовершеннолетним, освободившимся из мест заключения, в начале 80-х годов XIX века было учреждение убежища для временного призрения несовершеннолетних, выходивших из заключения, до момента их поступления на работу. Как отмечалось в отчете об учреждении убежища, «хотя Общество по духу своего устава и имело целью стремиться к немедленному помещению подпадающих под его попечение несовершеннолетних, однако необходимость убежища была выяснена потребностью в приюте для несовершеннолетних, которые выходили из заключения без всяких видов на жительство, для таких, которым почему либо трудно немедленно отыскать какое либо помещение, наконец, для таких, которые отправляются на родину и нуждаются в ночлеге или которые уже будучи помещены, по разным причинам утратили свое место и просят помощи у Общества для нового их помещения». Следовательно, возможность учреждения убежища оправдывалась потребностью в подобном

временном приюте, и значение такого учреждения в деле патроната являлось достаточно очевидным. Учреждение было оснащено всем необходимым, «с соблюдением полной экономии и весьма практично, так что отчасти удовлетворяло своему назначению. Комиссия употребляет слово «отчасти», ибо со своей стороны сознает, что как бы ни было кратковременно пребывание мальчика в убежище, полезнее для его нравственности, если надзор за ним будет установлен в лице воспитателя, нежели в лице простого дядьки». Впрочем, Комитет на первое место своей деятельности (за неимением денежных средств) был лишен этой возможности и мысль эту провел на второй год существования Общества.

В виду изменения характера деятельности Общества для квартиры-убежища было подыскано новое, несколько более обширное помещение, состоящее из четырех комнат и кухни. Одна комната была предоставлена живущему при самом убежище воспитателю, две отведены для мальчиков и одна для конторы, т.е. для приема родных опекаемых, хозяев и мастеров, к которым они направлялись, и других лиц, являвшихся по делам опекаемых.

Контингент воспитанников поступал из Отделения для малолетних преступников Коломенской части, близость к которой нового помещения убежища (Фонтанка, д. 147, кв. 27) облегчала возможность поддержания постоянных контактов между воспитательным персоналом Отделения и убежища. Согласно архивным документам, в данный период трое мальчиков поступило из Санкт-Петербургской земледельческой колонии и один из дома предварительного заключения. Непосредственное заведывание убежищем было поручено особому воспитателю С.И. Базарову под руководством и наблюдением члена Комитета Е.Е. Вагановой. С 5 апреля 1880 года по 30 марта 1881 года на попечение Общества поступило 67 мальчиков, к примеру, в 1879 году – 37. Следовательно, всего за отчетное время состояло на попечении Общества 104 лица.

О всех несовершеннолетних, поступивших на попечение, воспитателем предварительно собирались в самом месте их содержания необходимые

сведения: о прежней судимости, о предшествующей суду жизни, о семейном положении, добывались отзывы родителей или попечителей, а также хозяев, у которых данный мальчик работал. Таким образом, делалось все необходимое для возможно полного ознакомления с прошлым принимаемого на попечение мальчика для выяснения его личности и степени надежности. В этом отношении большую пользу принесли как близкие отношения воспитателя к лицам, заведующим Отделением для малолетних, где С.И. Базаров в течение продолжительного времени был помощником воспитателя, так и та постоянная готовность, с которой воспитатели Отделения сообщали Базарову не только все сведения, но и результаты их личных наблюдений, несомненно важных при необходимости уяснения нравственной характеристики принимаемых на попечение Общества мальчиков.

Вступив в убежище, мальчик с первого же дня начинал вести строго определенную трудовую жизнь. Насколько это позволяло непродолжительное пребывание в убежище, содержанию детей здесь придавалось значение подготовки к жизни на свободе. С этой целью распределение часов сна, труда, отдыха, равно как и распределение домашних обязанностей, соответствовало существующим у хозяев порядкам. Каждый вступающий знал заранее, что он будет здесь жить под строгим контролем и не будет проводить время в праздности, что ему не позволят самовольных отлучек, при этом это нисколько не охлаждало желания вступить в убежище Общества. Наоборот, число заявлявших желание поступить на попечение Общества лиц постоянно возрастало так быстро и настоятельно, что Комитету нередко приходилось отказывать в помощи искавшим ее из-за недостатка помещений в убежище.

После вступления в убежище, сознавая себя свободным оставаться в нем или уйти, мальчики охотно подчинялись всем заведенным порядкам и продолжали дорожить своим положением. Согласно архивным данным, из 67 мальчиков, поступивших на попечение Общества, только двое удалились

из убежища, не пожелав воспользоваться его помощью. В них привычка к свободной бродячей жизни взяла верх над стремлением к трудовой жизни. Занятия призреваемых в убежище заключались в клейке бумажных мешков; позднее были введены плетенье ковров и сапожное ремесло. Последнее было введено отчасти потому, что были приняты мальчишки-сапожники, которые нуждались в более продолжительном пребывании в убежище. Кроме того возникла потребность снабдить состоявших на попечении Общества, хотя и размещенных уже мальчиков прочной и при этом менее дорогой обувью, нежели в лавках и на рынке. Для неграмотных и малограмотных воспитанников работа прерывалась на 2-3 часа для учебных занятий.

Содержавшиеся в убежище несовершеннолетние обеспечивались питанием вначале в народной столовой сообразно минувшему году. Но с переводом убежища в новое помещение было введено приготовление пищи на дому, причем к приготовлению привлекались сами мальчишки под надзором дядьки. Установление такого порядка было вызвано отсутствием народных столовых в районе, куда было переведено убежище, а допустить посещение мальчишками для обеда в закусочных или трактирах Комитет не считал возможным из-за их вредного влияния на личность несовершеннолетних. Заготовка продуктов на дому увеличивала стоимость содержания каждого несовершеннолетнего с 17 до 20 коп. в день, но однозначно пища дома получалась лучше и питательнее. Поэтому увеличение расхода, не достигавшее на целый год даже 50 руб., едва ли можно признать соображением, которое могло бы оправдывать изменение этой меры.

Время пребывания мальчишек в убежище было различно и зависело от времени поиска для них рабочих мест, получения видов на жительство и состояния здоровья опекаемых. Из всех этих условий, воздействовавших на время пребывания мальчика в убежище, наибольшее влияние имел, конечно, поиск рабочего места, т.е. определение мальчика к работе составляло самую трудную сторону в деле пособия несовершеннолетним, освобожденным из

мест заключения. Встречая повсюду предубеждение против побывавших в заключении и наталкиваясь на это препятствие не только в ремесленном деле, но и вообще в рабочей среде, Комитет не имел возможности противостоять этому предубеждению доверия к своей деятельности, столь еще кратковременной, и сослаться на данные, которые бы его оправдывали. Возникла даже необходимость прямо отрешиться в значительной части случаев от рекомендации хозяевам несовершеннолетних от имени Общества как учреждения, и свести дело определения опекаемых с почвы официальной на почву личных знакомств, личной рекомендации, иногда даже просьбы. Словом, опыт показал, что такое дело может пойти успешно только при личном участии возможно большего числа членов Общества. Это отсутствие их непосредственного участия при всеобщей безработице и дороговизне содержания обуславливало собой особую трудность в размещении малолетних по местам.

Вторым препятствием к немедленному определению мальчиков на места являлось отсутствие у них удостоверения личности (в архивных материалах – беспаспортность). Большинство из поступавших на попечение Общества приходило в убежище без всяких видов на жительство с одной лишь справкой о том, что они выдержали срок заключения. Паспорта или адресные билеты их оказывались обыкновенно затерянными, просроченными или задерживались в участках и у мировых судей. Хотя со стороны учреждений, от которых зависела выдача видов на жительство, не было больших промедлений в высылке паспортов, однако, некоторым из опекаемых приходилось проживать в убежище даже больше месяца без соответствующего документа.

Состояние здоровья опекаемых имело также влияние на время пребывания их в убежище. Дурные гигиенические условия Отделения для малолетних при Коломенской части, неправильная, в большинстве случаев, предшествовавшая суду жизнь сильно отражались на здоровье несовершеннолетних, попадавших под попечение Общества. Поэтому

некоторых из них приходилось задерживать в убежище более продолжительное время исключительно для укрепления здоровья. Один из таких мальчиков оказался настолько слабым и болезненным, что помещение его по месту работы стало возможным лишь по истечении двух месяцев. Кроме того, мальчики, уже определенные в места работы и проживания, в случае заболевания тоже являлись в убежище и, исходя из степени болезни, или оставались здесь для домашнего лечения, или отправлялись в Рождественскую городскую больницу, где благодаря вниманию старшего врача больницы Бертенсона определялись на лечение.

Благодаря архивным материалам мы выяснили, что принятые на попечение Обществ 52 мальчика распределились следующим образом: слесарями – 11 человек, столярами – 6 человек, сапожниками – 6 человек, переплетчиками – 2 человека, поварами – 2 человека, писцами в кантору – 2 человека, на фабрики и в типографии – 11 человек, рассыльными – 1 человек, обойщиками – 1 человек, фотографами – 1 человек, сельскохозяйственными рабочими – 2 человека, в учебные заведения – 5 человек, домашней прислугой – 2 человека. Родным передавались 3 человека, были отправлены на родину 3 человека, 2 мальчика отказались от помощи Общества.

Согласно архивным данным, один мальчик по инициативе Комитета был передан в руки полиции, так как, несмотря на все старания поставить его в возможно лучшие условия, он не смог избавиться от склонности к воровству. Что же касается судьбы 37 мальчиков, оставшихся на попечении Общества с 1879 года, то продолжили жить в убежище 13 человек, 18 человек выбыли на родину, 3 человека переданы родным, 2 человека умерли, 1 человек был вновь обвинен и осужден.

Необходимо отметить, что на первом этапе взаимодействия Общества с хозяевами-мастерами положение мальчика-ученика было тяжелым. В большинстве случаев в отчетах Общества отмечались условия, которые окружали мальчика в ремесленном, да и вообще рабочем мире: недостаточное питание, плохая одежда, грязь помещения, произвол мастеров

и подмастерьев. Полнейшая заброшенность, отсутствие поддержки, одобрения и теплого слова делало такое существование до крайности невыносимым. Многие из поступивших на попечение Общества не выдерживали такого положения. Комитет не упускал из виду эти неприглядные стороны быта мальчиков-учеников и стремился к тому, чтобы поставить их в такое положение, которое уменьшало бы повод возврата в преступный мир. Для этого на воспитателя была возложена обязанность знакомиться, насколько это возможно, с тем местом, где будет жить опекаемый. Он, таким образом, становился в будущем посредником в отношениях между хозяевами и мальчиками и, естественно, получал возможность регулировать эти отношения и, когда было нужно, смягчить их суровость, делать их до известной степени гуманными. Отсюда начало и основание той крепкой связи, которая создавалась между убежищем и опекаемыми – связь, сделавшая для них убежище за отсутствием своей семьи родным домом. В отчете о деятельности убежища мы читаем: «Сюда они шли теперь толпой в каждый праздничный день, зная, что здесь встретят их и отдых, и развлечение, и, прежде всего, право поверить свои нужды и услышать слова совета или одобрения». В этой связи Комитет видел достижение преследуемой им цели через нравственное исправление мальчиков и обеспечение им самостоятельной и свободной будущности.

Таким образом, Общество пособия несовершеннолетним, освободившимся из мест заключения, являлось в России необходимой составляющей по предупреждению повторных детских правонарушений. Открытое данным Обществом убежище, безусловно, позволяло значительно сократить риски рецидивов преступлений несовершеннолетних, давая воспитанникам возможность не возвращаться в колонии-приюты сразу после выхода из них, а зарабатывать себе на жизнь честным трудом, строго соблюдая законы Российской империи.

Распределение воспитанников детских приютов после освобождения

Воспитанники приюта Великой княгини Александры Николаевны: при матери – 2, в двухклассном городском училище – 3, в профессиональной школе – 2, в портнихи – 2, в пансионерки Строгановского сиротского отделения – 2, в типографию – 1.

Воспитанники приюта Св. Андрея: при родителях – 1, в дома трудолюбия – 3, в типографию – 2, в ремесленную школу – 2, в городскую школу – 1, в патриотическую школу – 4, в Строгановское сиротское отделение – 8, неизвестно – 2.

Воспитанники Николаевского приюта: в ремесленное училище – 1, в токари – 1, в профессиональную школу – 2, в портнихи – 2, в Строгановское сиротское отделение – 8, при родителях – 12, неизвестно – 17.

Воспитанники приюта Св. Мефодия: при родителях – 3, в портнихи – 1, в рукодельную школу – 1, в няньки – 1, на фабрику – 1, в башмачную мастерскую – 1, в каретники – 1, в контору – 1, в золотошвейную мастерскую – 1, в женскую гимназию – 1, в Елизаветинскую рукодельную школу – 1, в Строгановское сиротское отделение – 1, неизвестно – 2.

Воспитанники приюта В память Цесаревича: при родителях – 2, по торговой части – 1, в мальчики в гостиный двор – 1, в портные – 1, в натурщики – 1, в сапожную мастерскую – 1, в резчики – 1.

Воспитанники приюта в память Марии, Екатерины и Георгия: в портные – 6, в мастерские – 1, в фельдшерскую школу – 1, в торговцы – 1, в типографию – 1, в городскую школу – 1, в дома трудолюбия – 1.

Воспитанники Петергофского приюта: в портные – 4, в немецкую школу – 1. Однако, если педагогам не удавалось сразу определить ребенка по окончании им приюта, то воспитанник мог оставаться в заведении до 12-летнего возраста.

**Письмо Б. Кузнецова, бывшего воспитанника Рязанского ремесленного
исправительного приюта, руководству**

Милые и дорогие мои воспитатели Андрей Родионович и Михаил Константинович! Поздравляю Вас со светлым праздником Воскресения Христова, приветствую Вас радостным приветствием: Христос воскрес! Христос воскрес! Христос воскрес! И сердечно желаю Вам встретить и провести всеобщее христианское торжество Святой Пасхи в мире и радости Господа. И от всей души желаю Вам много радостей и еще молю Господа Бога, чтобы Он Вам даровал здоровья и всего благополучия.

Многоуважаемая помощница воспитателя, Ольга Петровна! Поздравляю Вас со светлым и всерадостным праздником Воскресения Господа нашего Иисуса Христа. Сердечно желаю Вам встретить и провести всерадостное Христианское торжество сие в мире и всеобщей радости. Тоже молю Господа Бога, чтобы Он вашу жизнь продлил и даровал хорошего здоровья. Милые и дорогие мои воспитатели, Андрей Родионович и Ольга Петровна, прошу я вас, пожалуйста, передайте мое поздравление своим милым дядькам Евгению Андреевичу и Константину Андреевичу. Оно вот какое: поздравляю Вас со светлым праздником Воскресения Иисуса Христа и сердечно желаю Вам встретить и провести всерадостное сие христианское торжество в мире и веселой радости. Когда начнется в церкви торжество и взаимное приветствие, тогда помяните, что и я Вас приветствую обычным всерадостным приветствием: Христос воскрес! Христос воскрес! Христос воскрес! Милые мои ради Бога простите меня, что я Вас огорчал и сердил своими гадкими поступками. И за все прошу у Вас прощения. Я тоже у Вас всех прошу прощения, у Вас Андрей Родионович, Михаил Константинович и Олег Петрович. Простите меня тоже, чем я Вас огорчал, оскорблял своими глупыми и не обузданными поступками. Простите меня. Я у Вас прошу прощения от всей своей души, тут ни капельки не лицемерю. Хотите верьте или нет, я Вас не принуждаю. И благодарю я Вас искренно за все то, что Вы

мне делали добро и выбивались из сил во время классов. Я все хорошее помню, как Вы старались чтобы я понял Вас, что Вы хотите мне добра и как выбивались из сил во время уроков, особенно ту арифметику и диктант, как Вы бились чтобы я понял. Благодарю Вас 1000 раз за все, что Вы для меня тратили свои силы и старались, чтобы я был похож на человека. Да, Вы были настоящий родной отец, который желает своим детям всего хорошего, так и Вы мне желали всего хорошего, как своему родному дитю.

О себе я Вам скажу, что могу, а именно: прибыл домой 22 марта в 6 часов утра. Мама меня не узнала, я ее, еще мама сказала, если она меня где-нибудь встретила, то не узнала. Я живу пока в Мариуполе, помогаю дома. Папа живет все в Валнавахе. После Пасхи возьмет меня к себе. Ему хотят назначить конторщика, он хочет меня хлопотать, ели не в конторщики, то в телеграфисты. Море я вижу каждый день, буду скоро купаться, пока мама не видит, и рыбу буду ловить, уже готовлюсь. Живу я, слава Богу, жив и здоров. Больше, кажется, писать нечего и так остаюсь Ваш, Вас искренне любящий бывший воспитанник Борис Кузнецов. Милые мои воспитатели, Андрей Родионович, будьте добры, передайте, пожалуйста, вот две еще записки товарищам и Семен Семеновичу Сапожникову.

2 апреля 1903 года. Ст. Валнаваха Вт. Екатеринославская ж.д. Стар. Нач.

Положение о ремесленных отделениях по законам от 21 апреля 1903 года и 16 марта 1904 года при низших общеобразовательных учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения

1. Ремесленные отделения открывались в городах и селах при низших общеобразовательных учебных заведениях. Они могли находиться в непосредственной связи с этими заведениями и действовать самостоятельно с целью профессионального или ремесленного обучения как бывших и настоящих учащихся школы, так и вообще лиц обоего пола, подростков и взрослых;

2. Ремесленные отделения были предназначены для обучения простым видам ремесел по обработке дерева и металла, а также для сообщения иных профессиональных знаний и умений в зависимости от рода деятельности, господствовавшего среди местного населения.

Примечание. При ремесленных отделениях могли открываться с надлежащего разрешения постоянные и временные курсы и чтения для сообщения сведений, полезных для промыслов местного населения.

3. Продолжительность курса обучения в ремесленных отделениях не закреплялась обязательным сроком и устанавливалась на местах в зависимости от рода ремесла, степени подготовки учащихся и цели обучения.

Примечание. Ежедневная продолжительность обучения в отделении не должна была превышать 8 часов для взрослых и 6 часов для подростков.

4. Занятия в ремесленных отделениях проходили круглый год (кроме воскресных и праздничных дней). Перерывы в занятиях во время летних и зимних каникул устанавливались в зависимости от местных условий ближайшими органами управления;

5. Прием учащихся производился в начале учебного года (осенью), а при наличии свободных мест и в течение года, но в зависимости от рода работ и степени подготовленности поступающих;

6. В ремесленных отделениях кроме практических занятий преподавалось черчение и рисование, и сообщались ученикам сведения по технике изучаемого ремесла или производства, а также и по другим имеющим к ним отношение предметам;

7. Учащиеся, в зависимости от их подготовки и цели обучения, могли быть допущены на более сокращенный курс, а также к изучению лишь некоторых, а не всех предметов данного отделения;

8. В задачу обучения входило систематическое прохождение приемов ремесла (с учетом местных потребностей) и усвоение графической грамотности по отношению к изучаемому мастерству;

9. Ремесленные отделения состояли в ведении учебно-окружного начальства;

10. Планы обучения, распределение учебных занятий и правила для учащихся составлялись для каждого отделения в соответствии с местными условиями и потребностями и утверждались учебно-окружным начальством;

11. Заведывание ремесленным отделением могло быть поручено учителю того общеобразовательного училища, при котором оно состояло, или особым лицам, заведовавшим отделениями. Важным условием было то, чтобы заведующий отделением обладал специальной подготовкой в объеме ремесленных или других промышленных учебных заведений. Также он должен был уметь не только руководить работами, но и преподавать графические искусства и технику ремесла;

12. Заведующие ремесленными отделениями утверждались в должностях директорами или инспекторами народных училищ;

13. Окончательные испытания обучавшихся в ремесленных отделениях производились в присутствии заведующего и мастеров школы;

14. Учащиеся, окончившие полный курс учения, получали свидетельство с обозначением изученного ими ремесла и степенью успехов;

15. Наряду с учебными целями ремесленные отделения могли принимать различные меры для улучшения местных промыслов путем

устройства (с надлежащего разрешения) выставок изделий, инструментов, материалов и показательных работ и подачей справок и советов по закупке материалов, продаж изделий местной промышленности.

Правила для сельскохозяйственных и ремесленных классов имени императора Александра II (на основе казенного имения при селе Тростяницы, Луцкого уезда, Волынской губернии) (упорядочены Главным управлением Министерства земледелия и государственных имуществ по департаменту земледелия от 14 сентября 1903 года №23437)

1. Сельскохозяйственные классы имени императора Александра II имели своей целью сообщение детям местного населения путем практических занятий познаний по сельскому хозяйству и по некоторым ремеслам, необходимым для правильного ведения ими сельского хозяйства;

2. Классы состояли в ведении Министерства земледелия и государственных имуществ по департаменту земледелия. Общее наблюдение за классами возлагалось на местное Управление земледелия и государственных имуществ;

3. В классы принимались преимущественно дети местного крестьянского населения в возрасте 12-16 лет, имеющие свидетельство об окончании курса одноклассных сельских училищ и равных им заведений или не выдержавшие соответствующий экзамен. Прием учеников производился в первой половине августа. К занятиям в классах допускались в качестве практиков взрослые крестьяне;

4. Дети местного населения зачислялись в число приходящих учеников, а дети из других мест могли приниматься бесплатно или за плату, установленную Департаментом земледелия. Такие учащиеся получали от классов продовольствие, но одежду и обувь покупали за собственные средства;

5. В классы приходящие ученики должны были являться утром в часы, указанные в расписании, и оставаться в заведении до вечера, а летом до конца дневных работ. Рабочий день учеников, включая и теоретические занятия, не превышал 12 часов в сутки. На время обеда приходящие ученики

отправлялись по домам. Но в течение дня они получали от класса дополнительную пищу (завтрак, полдник). Во время не полевых работ приходящие ученики могут быть оставлены в классах и на обед. Содержание учеников в отношении одежды, пищи и вообще образа жизни было простым и соответствовало обычным условиям местного крестьянского быта;

6. Курс обучения в классах продолжался три года. Теоретические занятия производились преимущественно в зимнее время и заключались, кроме повторения общеобразовательных предметов в объеме курса начальных народных училищ, в сообщении учащимся путем бесед начальных сведений по естествознанию, сельскому хозяйству и отдельным его отраслям (садоводству и огородничеству), применительно к местным условиям крестьянского хозяйства;

7. Практические занятия учеников заключались в производстве ими всех главнейших сельскохозяйственных работ в находившихся при классах хозяйствах. Также ученики в состоявших при классах мастерских обучались кузнечному и столярному ремеслам под руководством особых мастеров и, по мере возможности, гончарному и корзиночному ремеслам;

8. Ученики, окончившие полный курс и выдержавшие с успехом испытания, получали свидетельства с подписью попечителя и заведующего классами. Окончившим курс бесплатно выдавались семена, плодовые деревья и другие предметы, которые были заготовлены самими учащимися во время пребывания в классах. Выпуск учеников производился осенью;

9. Для попечения о благосостоянии классов и для наблюдения за правильным ходом в них учебного дела состоял попечитель и при нем попечительный совет, состоявший из уполномоченных от крестьян и участвовавших в ее содержании, утверждаемый в этом звании Министерством земледелия и государственных имуществ;

10. Непосредственное заведывание классами поручалось заведующему, который назначался как из числа окончивших курс в сельскохозяйственном учебном заведении высшего или среднего разряда, так

и из числа тех, которые не окончили курса в означенных заведениях, но доказали основательность своих познаний по тем отраслям хозяйства, которые входили в курс классов;

11. Заведующий кроме заведывания классами был обязан вести преподавание сельскохозяйственных предметов и руководить практическими занятиями учеников.

Заседание Четвертого Съезда представителей русских исправительных заведений (г. Москва, 28 августа, 1895 год)

Заседание открыто в 10 часов 15 минут дня под председательством К.В. Рукавишникова, в присутствии следующих представителей: В.В. Миклашевского, Н.С. Таганцева, В.В. Азанчевского и др.

В заседании происходило следующее.

Рукавишников, К.В. (заняв председательское место). Слово за представителем Смоленского Общества.

Азанчевский, В.В. Особенность Смоленской губернии – бедность ее населения и, благодаря близости Москвы, значительное развитие отхожих промыслов, последствием которого является бродячая жизнь и некоторое ухудшение нравственных условий населения. Бедность населения, выражаясь в значительном числе лиц, нуждавшихся в призрении Общества, в то же время служила непреодолимым препятствием к его возникновению, и если бы смоленское губ. земство не явилось на помощь инициатором и учредителем Общества, то таковое, вероятно, не скоро бы возникло. Губернское земство передало Обществу около 18,000 руб., и в благодарность Общество испросило разрешение на присвоение колонии для малолетних преступников имени смоленского губернского земства. Говоря о средствах Общества, нельзя не остановить внимания съезда на гуманном и сердечном отношении г. министра земледелия А.С. Ермолова к исправительным учреждениям в России и не предложить съезду принести его высокопревосходительству глубокую благодарность съезда. По отношению к смоленскому земству помощь г. министра выразилась в испрошении Высочайшего повеления, последовавшего 8 августа 1894 г., на передачу Обществу около 140 десятин казенного леса в 6 верстах от Смоленска с уплатою 4,800 р. и в беспроцентной рассрочке уплаты до 10 лет. Лес этот Управлением Государственными Имуществами независимо стоимости земли

был оценен около 30,000 р. Общее собрание Общества уполномочило совет выработать устав колонии приюта для малолетних преступников и представить его на утверждение правительства. Исполняя возложенное поручение, совет выработал несколько особый тип исправительного заведения – сельско-хозяйственную колонию, где ремесла преподаются только подсобные к сельскому хозяйству и где главной задачей почитается научить воспитанников добиваться наивысшей производительности и наибольшей доходности на участке земли, соответствующем наделу крестьян Смоленской губернии. Для способных же к ремеслам учеников совету предоставлено право доставлять им специальное ремесленное образование. Мне очень симпатично, что взгляд директора Одесского приюта г. Савенко на воспитание, требующее преобладающего нравственного воздействия на питомцев, нашел олицетворение в уставе Смоленской колонии, где даже из опыта не установлено тяжких или телесных наказаний ... В заключение не могу не остановиться на нововведении в уставе нашего Общества, в виде постоянной связи заведения с воспитанниками, последним предоставлено право, в случае нужды или несчастья, обращаться в колонию, и она обязана давать им содержание, помещение и приискать занятие. Какие будут результаты этой меры покажет будущее. Колония на 25 человек временно помещается в купленном имении, а затем будет переведена в казенную усадьбу, где штат ей предложен на 120 человек.

Председатель. Когда открыта ваша колония?

Азанчевский, В.В. Официально колония открыта 18 декабря 1894 года на 25 человек.